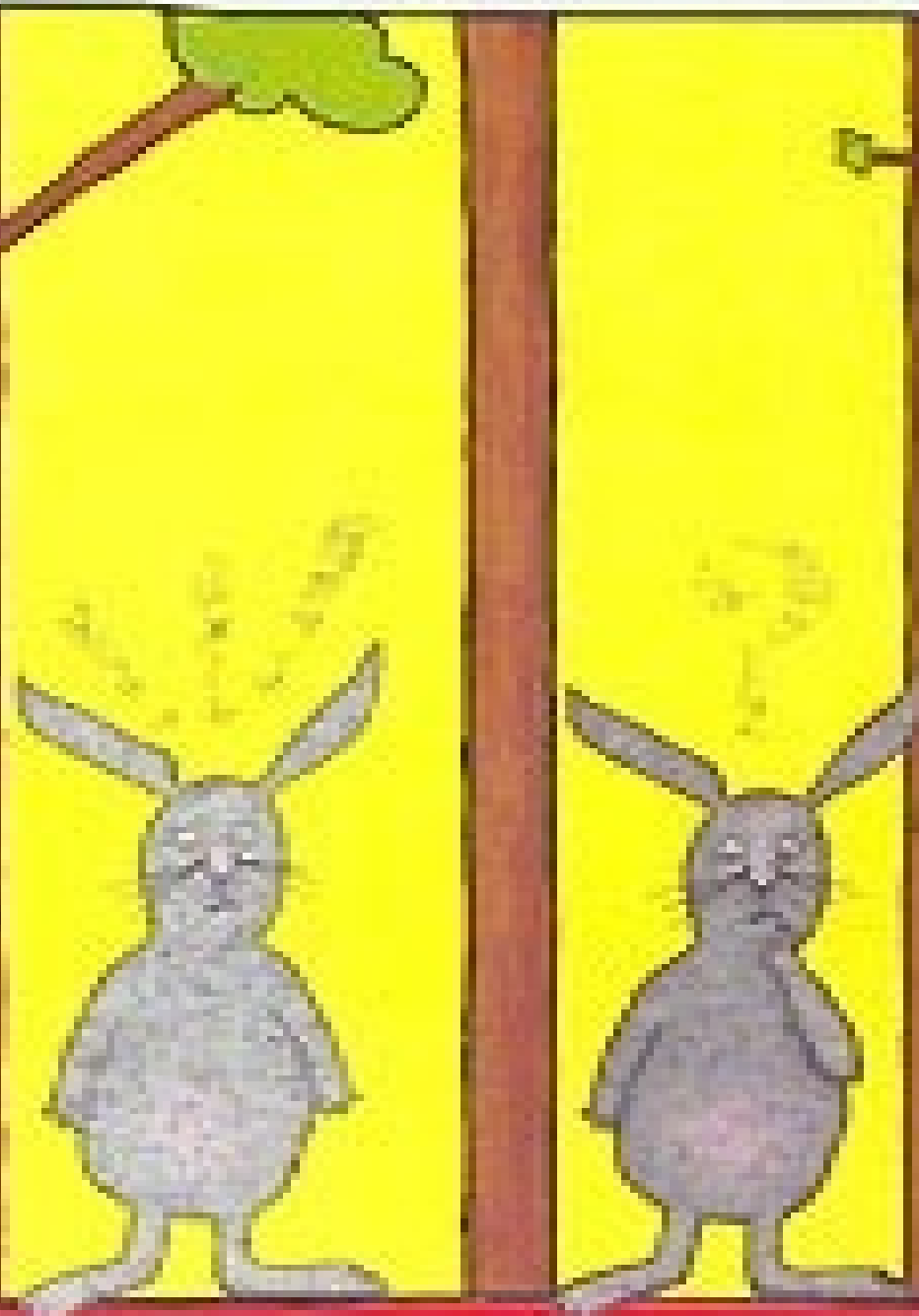

Екатерина **ВИЛЬМОНТ**

Два зайца,
три сосны

А · С · Т

Annotation

Ее проза — изящная, задорная и оптимистичная. Ее по праву ставят в пятерку самых известных авторов, пишущих о взаимоотношениях мужчины и женщины.

И если у вас дурное настроение, или депрессия и жизнь совсем не в радость, то вам помогут романы Екатерины Вильмонт!

- [Екатерина Николаевна ВИЛЬМОНТ](#)
 - [***](#)
-

Екатерина Николаевна ВИЛЬМОНТ
ДВА ЗАЙЦА, ТРИ СОСНЫ

Кумир поверженный — все Бог.

М. Лермонтов

* * *

— Дед, скажи, что такое «задрыга»? Владимир Александрович отложил газету и внимательно взглянул на внука.

— Как ты сказал? Задрыга?

— Ну да! Или ты не знаешь?

— Видишь ли, знать-то я знаю, а вот как объяснить тебе, ума не приложу.

— Да уж как есть, я не маленький!

— Ладно! Ты Розу с первого этажа помнишь?

— Она — задрыга?

— На мой взгляд, именно так! А впрочем... — Владимир Александрович пожал плечами.

— А что такое Мухлынь?

— Мухлынь? Понятия не имею! Первый раз слышу, но... А ты где это все взял?

— У мамы. У нее рукопись готовая на столе лежала, и первая глава называется «Две задрыги из Мухлыни».

— Прелестно! Что-то подобное я подозревал. Ну, в таком случае «Мухлынь» это, скорее всего, весьма захолустный населенный пункт, а две задрыги, по-видимому, две провинциальные золушки, которым предстоит в конце маминого романа победить столицу и найти своих принцев. На белых мерседесах.

— Дед, как ты думаешь, Мухлынь существует?

— Спроси у мамы. А что, тебе захотелось поехать в эту самую Мухлынь? Должен сказать, что если твоя мать это придумала, то придумка неплоха! Что может быть в этой Мухлыни хорошего? От нее веет такой сонной одурью пополам с мухами... И во всех торговых точках этой Мухлыни с потолка свисают липкие ленты, сплошь покрытые дохлыми мухами. Весьма художественное название, говорящее, так сказать... Интересно, это город или деревня?

— Дед, а почему ты маминых книжек не читаешь?

— Да зачем мне? Я и так знаю, что там все хорошо закончится.

— Это разве плохо?

* * *

« — Марина Борисовна, повторяю, спрячьте ваш темперамент, он тут ни к чему, это совсем другая роль! Зритель не должен догадываться, что вы на самом деле не мямля, а горячая штучка, понимаете? — снова напустился на меня главный.

— Валентин Георгиевич, мне кажется...

— Мне абсолютно наплевать, что вам кажется! Извольте выполнять мои указания и соблюдать рисунок роли! Сергей Юрьевич, а вас прошу почетче произносить текст, повторяем еще раз! Пошли!

Я постаралась спрятать в карман темперамент, хотя, по-моему, это бред, лобовое неинтересное решение. Она мямля, а в конце вдруг неожиданно взрывается. На мой взгляд, куда интереснее, если зритель что-то заподозрит, тогда и за моей героиней наблюдать будет интереснее, а так вообще непонятно, зачем она тут болтается, только раздражает... Но главный ничего не желает слушать, да и кто я такая для него? Актрисулька, которая не смеет вякать, когда мэтр дает указания. Вот с Юркой он уже не позволяет себе хамства, сознает, что тот в любой момент может сделать ему ручкой. Юрку сейчас в любой театр возьмут с восторгом. А он ведь тоже долго прозябал...

— Марина Борисовна, прошу вас, встаньте у окна спиной к зрителю, здесь должна играть только ваша спина.

Я подчинилась, но очевидно моя спина так явно выражала ему мою ненависть, что в какой-то момент он вдруг подскочил ко мне и больно ударил по спине.

— Черт бы вас побрал, спрячьте темперамент! Или вы настолько бездарны, что не...

Я не выдержала:

— Да, я настолько бездарна, что не... У него в глазах отразилось безмерное удивление: эта особа еще смеет открывать рот?

— Все! Не могу больше, я ухожу! Говорят, вы вытаскиваете все из актеров, ерунда, вы вытаскиваете только там, где уже все и так давно ясно, как с Великановым, как с Юрочкой, например! А меня вы губите, и я ухожу! — Я, наконец, дала волю своему темпераменту, который он так ненавидел. — Вам нужны вялые послушные куклы, я не из их числа! Думаете, сделали несколько скандальных спектаклей, так уже и Товстоногов?

— Вон отсюда! — холодно проговорил он.

— Я уйду, не сомневайтесь! И пусть вам будет хуже! Потому что даже моя спина в сто раз выразительнее, чем... Вы же прочитали по ней, как я вас ненавижу!

Я бросилась прочь со сцены. И ни одна сволочь не побежала за мной. А ну их всех к чертям собачьим!»

Я перечитала написанное. Ничего, получилось, по крайней мере, на первый взгляд. Правда, не очень понятно, что дальше делать. Сцена для начала чересчур ясная и однозначная. Сейчас Марина либо должна утопиться, либо встретить принца. Но для принца еще рано... И мои героини не топятся... А может, пусть бросится в реку, а принц ее спасет? Фи... Ладно, пожалуй, надо пройтись, проветрить голову... Зайду в магазин, куплю какой-нибудь еды, а то в холодильнике пусто. А может поехать к маме? Гошки нет, он уехал к деду на каникулы... Нет, мама в отсутствие Гошки начнет требовать, чтобы я «устроила свою личную жизнь»! И вдруг зазвонил телефон.

— Олесечка, ты работаешь?

— Лерка, как хорошо, что ты позвонила, я как раз хочу сделать перерыв.

— В таком случае, Олесечка, давай сегодня пообедаем в «Пушкине», а?

— Это с какой радости? — удивилась я. Обычно мы с ней обедаем в более скромных заведениях.

— Есть повод, вернее, необходимость...

— Необходимость?

— Да, я тебе при встрече объясню, только давай лучше поедем на твоей машине, моя что-то вчера барахлила... — голос у Лерки был какой-то смущенно-лживый.

— Лер, ты опять дурью маешься?

— Маюсь, и что? Кисло тебе в «Пушкине» пообедать? Я приглашаю.

— Ладно, щей тамошних хочется! — согласилась я.

* * *

— Ну в чем дело? — спросила я, когда Лерка плюхнулась на сиденье моей машины.

— Ой, Олесечка, у Гришки там сегодня свиданье с какой-то Розой! Я должна на нее посмотреть.

— Тебе не надоело?

— Нет! Я должна охранять свое счастье!

— По-твоему это счастье?

— Да! Для меня счастье!

- Ладно, будем охранять. Но откуда ты узнала про свидание?
- Слышала! Утром кто-то позвонил, а он закричал так радостно: «О, привет, Роза! Наконец-то! Сколько лет, Роза!» И договорился в два часа пообедать в «Пушкине».
- Но может, это деловой обед?
- Ну прямо! Это что-то из прошлого... Может, там ничего и нет, но я хочу своими глазами ее увидеть...
- А мы не рано? Только еще полвторого...
- Гришка придет ровно в два, мы должны уже сидеть... И место надо выбрать поудобнее, он всегда сидит у окна...
- А если у окна будет занято?
- Глупости, он позвонил и заказал столик.
- А если он все-таки нас увидит?
- Ну, вряд ли, я сяду спиной, а наблюдать будешь ты!
- Ну нет, я так не согласна!
- Почему?
- Ты не дашь мне спокойно поесть!
- Ты что, жрать собралась?
- Именно!
- Счастливая, а мне кусок в горло не ползет!
- А если эта Роза страшной торпедной атаки?
- Еще хуже...
- Почему?
- По кочану! Тогда я буду мучиться, что он в ней нашел...

* * *

Мы сели так, чтобы обе могли видеть Гришин столик, но не бросаться ему в глаза.. Роскошные Леркины волосы мы убрали под мою новую шляпку. Лерка принципиально не носит головных уборов.

Я стала листать меню, хотя в «Пушкине» всегда беру одно и то же — полпорции суточных щей и бефстроганов.

Лерка заказала себе полусырого тунца.

— Явился, не запылится, — прошипела она.

— Роза не пришла, что ли?

— Откуда я знаю? Может, она должна прийти прямо сюда... Хорошо бы она его продинамила.

— Не пялься так, он может почувствовать...

— О, Роза! — раздался возглас. Мы обе повернулись в ту сторону. К Гришке подошел мужчина не первой молодости. Гришка вскочил, и они обнялись.

— Привет, старик!

— Привет, Роза!

Меня стал душить смех. Лерка сидела с открытым ртом.

— Что это такое? — прошептала она. — Он что ли голубой? Почему этого здорового мужика зовут Розой?

— Скорее всего это кликуха, на голубых они совсем не похожи, скорее уж на друзей детства.

— Ты уверена? — пристыженно пробормотала Лерка.

— В чем?

— Ну, что они не...

— Голову на плаху не положу, но руку на отсечение дам.

— О господи! Но почему же Роза?

— Может, он Розов или Розенблюм... Или, предположим, он в детстве мечтал о дальних странах и в тетрадках рисовал розу ветров...

— Господи, ну и фантазия у тебя! Ты уж небось ему биографию сочинила.

Все вышло вполне удачно. Гриша сидел спиной к нам.

— Олесь, я сбегая вниз, приспичило, а ты когда я буду возвращаться, подай мне знак...

С этими словами Лерка побежала к выходу. Какая она изящная и красивая. А сколько ей пришлось намыкаться, пока она не встретила свое «счастье». Вот и боится за него...

Тут мне подали щи, аккуратно сняв с горшочка легкое пропеченное тесто. Я никогда не могла устоять и не съесть эту вкусноту. А Лерке подали какие-то воздушные листья. Черт, как хорошо не бояться за свое счастье, как вкусно...

— Жрешь? — с завистью спросила Лерка. — А там между прочим... Не хочу тебя огорчать, но там...

— Что?

— Я в гардеробе видела Миклашевича... с бабой. Они уже уходили.

— И что?

— А тебе уже наплевать, да?

— Да! С высокого дерева! А если ты думала, что не наплевать, зачем сказала?

— О, прости, прости, я думала, что наплевать...

— Так и вправду наплевать.

- Честно?
- Честнее не бывает.
- Слушай, а я ведь толком так и не знаю, из-за чего вы расстались?
- Из-за местоимения.
- Из-за чего?
- Из-за местоимения. Понимаешь, он человек, который знает только

одно местоимение: Я!

- А разве у мужиков не всегда так?
- Не всегда, хотя и часто. Но не всегда!
- А какое тебе местоимение от него нужно было? Мы?
- Ну, о «мы» я и не мечтала, мне не нужно, но хотя бы «ты»...

Между тем Гриша с Розой увлеченно беседовали, выпивали. Лерка расслабилась.

- Хорошо тебе, вкусно, да?
- Щи были классные!
- И бефстроганов, наверное вкусный? С картошкой...
- Надеюсь!

И тут нам подали второе. Перед Леркой поставили тарелку, где лежал кусок сырой рыбы, какие-то травы и... головка красной розы, для украшения. При виде ее мы чуть не умерли со смеху.

- Сплошные розы..., надо же...
- И обе без шипов, это обнадеживает! — заметила я. — А вообще, Лерка, кончай ты с этой дурью... От ревности можно спятить.

— При чем тут ревность? — искренне удивилась Лерка. — Просто я хочу знать врага в лицо! Любая баба рядом с Гришкой — потенциальный враг. А ревность тут не при чем. Просто я слишком много и долго боролась за свое счастье...

- Дура ты, счастье, тоже мне...
- Тебе хорошо, у тебя талант, у тебя успех...
- Это правда, мне сейчас хорошо! И плевать я на всех хотела!
- Ой, врешь! Как про Миклашевича услышала, в глазах такое было...

* * *

Миклашевич! Это был странный роман. Все началось со сходства фамилий. Он Миклашевич, я — Миклашевская. Я тогда жила совсем другой жизнью.

Но вспоминать не хотелось, мне слишком нравилась моя нынешняя

свободная жизнь. Обид на Миклашевича хватило на целый роман, который пользовался огромным успехом. Написав его, я словно бы рассчиталась с ним за все. И слава богу! Это вообще прекрасный способ изживать обиды. Написала о ком-то или о чем-то и стало легче.

Время от времени я смотрела на Розу и гадала — чем занимается этот человек. В его некрасивом лице было что-то привлекательное. Пожалуй такая внешность очень подошла бы для Дани, героя моего нового романа, он не должен быть красавцем...

— Лерка, узнай у Гриши, кто такой этот тип, ладно?

— Тебе зачем? Глянулся?

— Да нет, просто интересно.

— А ты как думаешь?

— Вор в законе! — засмеялась я.

— Да ну, глупости!

— Воры в законе бывают разные...

— Ты меня дразнишь? Хочешь, чтобы я от страха умерла?

— От какого еще страха?

— Я боюсь, что Гриша с ним свяжется, и влипнет в какие-нибудь неприятности.

— Лерка, ты окончательно сдурела, я же шучу! Ну, сколько мы еще будем тут сидеть?

— Почему я знаю? Надо, чтобы они первыми ушли...

— Да они даже не собираются, они тут надолго расположилась, видишь, только закуски едят. Ты как хочешь, а я пойду, мне работать надо.

— Олеська, так нечестно!

— Ты как маленькая, ей богу. Это же может часа на два еще затянуться, а Гриня твой спиной сидит, бегала же ты в сортир.

В результате через четверть часа мы покинули это шикарное заведение.

— Ну, куда тебя отвезти? — спросила я довольно злобно.

— Никуда, я пройду по Тверской, загляну в Елисейевский...

— Глупости, садись, довезу до дома.

— Хочешь узнать, с какой бабой был Миклашевич? — обрадовалась

Лерка.

Признаюсь, я хотела бы это узнать, но не хотелось обнаруживать перед Леркой простое бабье любопытство.

— Да на фиг он мне сдался!

Но она все-таки хорошо меня знает.

— Ничего особенного, даже некрасивая, но очень современная.

Стильная.

— Похожа на борзую?

— На какую борзую?

— На афганскую. Экстерьер потрясающий, и полное отсутствие мозгов.

— Нет, она скорее похожа на иностранку.

— А он как выглядит?

— Постарел. Но вид шикарный. Ой, Олеська, забыла тебе рассказать. Третьего дня иду по Ленинскому, а чуть впереди девушка идет, и походка у нее какая-то странная, как будто пьяная. А когда я ее обогнала, смотрю, она на ходу твою книжку читает! Мне так приятно стало...

— Мне тоже приятно... — созналась я. Я еще не привыкла.

* * *

Вечером, когда все дневные дела и разговоры, казалось бы закончены, и можно спокойно заняться собой, я сидела, наложив на веки один крем, на щеки и шею другой, зазвонил телефон. Трубка как всегда лежала рядом на диване. Я на ощупь нажала кнопку.

— Алло!

— Привет! — раздался голос, от которого меня кинуло в дрожь.

— Алло, кто это? — притворилась я просто от растерянности.

— Олесенька, это я... — Митя, ты?

— Я, Олеся, я! Не ожидала?

— Да нет...

— Я видел тебя сегодня в «Пушкине». Но я был не один... и ты тоже, и вот решил позвонить. Ты превосходно выглядишь, должен заметить.

— Спасибо за комплимент, я тебя не видела и не могу ответить тем же.

Крем с век попал в глаза, защипало, потекли слезы...

— Мить, я сейчас занята, тебе что-то нужно?

— Занята? Ногти красишь?

— По-твоему, у меня нет других занятий? — вскипела я. — Кстати, кто тебе дал мой телефон?

— Надежда Львовна!

Я нащупала коробку с салфетками и принялась яростно стирать крем.

— Что тебе нужно?

— Может, повидаемся, а?

— Зачем это?

— Интересно снова на тебя посмотреть вблизи, и понять, как это я не разглядел в тебе писательницу.

— Ты просто смотрел недостаточно пристально. А я совершенно не хочу с тобой встречаться! Я все разглядела и мне уже неинтересно!

И я с превеликим удовольствием швырнула трубку.

Сейчас наверняка перезвонит! Но нет. Звонка не было. Может, я погорячилась? Мне вообще-то хотелось бы встретиться с ним, проверить себя... Я ведь его любила на всю катушку. Ах, как хорошо — любила в прошедшем времени. Теперь не люблю и не желаю возвращаться в это униженно-восторженное состояние, к этой идиотской зависимости от его чудовищного характера... Нет, сейчас моя жизнь устроена почти идеально. Год назад я купила себе эту однокомнатную квартиру и была совершенно счастлива. Теперь я могу работать в любое время суток, считаясь только со своими желаниями. Да и маме лучше — моя жизнь не проходит у нее на глазах, я не раздражаю ее поминутно. С точки зрения мамы я занимаюсь чем-то чуть ли не постыдным — пишу легкие современные романы. Мама моя литературовед, специалист по Горькому. И то, что я пишу, вызывает у нее только недоумение. Но еще большее недоумение вызывает у нее мой успех. Вообще, из близких, во что-то ставит меня только сын. Гошка гордится матерью. И я горжусь своим умным и веселым сынишкой. Хотя и мама и Владимир Александрович, отец моего бывшего мужа, человек прелестный, с которым я дружна, внушают Гошке, что мать его пишет сущую чепуху. Но они моих книг попросту не читают! Ну и ладно, мне и так хватает читателей.

Мама ложится спать поздно, и я решила не откладывать разговор на завтра.

— Мама, не спишь?

— Нет, я смотрю телевизор. Гошка звонил, он очень доволен!

— Мне он тоже звонил. Мама, я просила тебя, не Давать этот телефон кому попало!

— Ты имеешь в виду Миклашевича? Он для тебя кто попало?

— Это мое личное дело.

— Ну вот, ты хамишь, значит, еще не остыла... А если бы я не дала ему твой телефон, ты сказала бы, что я сломала тебе жизнь... Ты звонишь, чтобы сделать мне выговор? Тогда спокойной ночи. Я смотрю телевизор!

Да, моя мама это тяжелый случай!

Я села за компьютер, но в голове не было ни единой мало-мальски стоящей мысли. И если моя героиня, незадачливая, но талантливая актриса, была мне ясна, то герой терялся в тумане. И даже дело не во внешности,

такой тип, как приятель Гришки Роза, вполне годится, только вот кто он будет по профессии? Интересно, а как этого Розу звать на самом деле? Хотя, какая мне разница. Он мне триста лет не нужен. Если судить по внешности, его могут звать... как угодно. От Ивана Ивановича до Бориса Исааковича. А я назову его Иваном Борисовичем. В этом есть что-то надежное, Иван Борисович должен крепко стоять на ногах, быть великодушным и не лишенным чувства юмора...

Опять зазвонил телефон. Наверняка, Миклашевич. Ну, сейчас ему мало не покажется.

— Алло! — рявкнула я.

— Олеська, ты спишь? — перепугалась Лерка.

— Нет, просто я думала... неважно! Я не сплю!

— Олесь, ты знаешь как зовут нашу Розочку?

— Иван Борисович?

— Почему? — крайне удивилась подруга. — С чего ты взяла?

— Тогда Борис Иванович?

— Ничего подобного. Его зовут Матвей Аполлонович!

— Аполлонович? Не слабо!

— А фамилия у него Розен, он из немецких баронов!

— Да ну, брешет, небось просто усеченный Розенфельд или Розенблюм!

— Нет, Гришка уверяет, что он настоящий барон!

— Ну барон и барон, невелика птица!

— Ты чего такая злая?

— Неважно, просто не знаю, что мне делать с героем. Извини.

— А, муки творчества! Ладно, не буду мешать...

Барон, надо же! И, небось, гордится титулом! Вот времена-то изменились! А впрочем, меня это не касается. Главное, Гошка доволен. Они с дедом всегда прекрасно ладят, и тот оказывает на моего сына необходимое мужское влияние. Кроме того Владимир Александрович прекрасно образованный интеллигентный человек и может многому научить Гошку, потому что моя мама...

* * *

Прошло пять дней. Я работала, как заведенная — У меня была хорошая полоса. Мне вообще весной и летом работается лучше. И я, как ни странно, люблю лето в Москве, особенно выходные дни. У меня самой

теперь выходных нет, но когда улицы пустеют, можно быстро доехать, куда тебе вздумается... И день такой длинный, что успеваешь все — и за компьютером посидеть, и по магазинам пробежаться, и в ресторанчик с кем-то из подруг выбраться, и у телевизора побалдеть, грызя семечки — кстати ценное завоевание эмансипации, — мама категорически запрещала мне грызть семечки. Вообще все, что запрещала мне мама, я, вырвавшись на волю в тридцать восемь лет, делаю с непередаваемым наслаждением — грызу семечки, ем сосиски руками, толсто режу хлеб, сижу на диване с ногами и покупаю резаный сыр. Иными словами, у меня в последние дни отличное настроение и я понимаю, почему звонок Миклашевича не выбил меня из колеи, я не впала в отчаяние, не затосковала... Я могу, я вполне могу жить без него и мне хорошо! И больше никакой любви, хватит с меня, налюбилась! И у меня идет работа! Я отправила свою героиню на случайные гастроли и, похоже, этот поворот сюжета поистине золотая жила... Словом, жизнь прекрасна, господа!

* * *

Написав за полдня четыре страницы — а это более, чем достаточно пока, я решила пойти пешком на рынок — надо же двигаться, ходить в фитнес-клубы я ненавижу, в бассейн — брезгую, а до рынка больше получаса пешком. Надо купить цветов, творогу, свежей зелени.

На выходе из двора меня кто-то окликнул — по случаю воскресенья двор был пуст.

. — Простите пожалуйста, где тут второй подъезд?

Я обернулась. Из окна джипа выглядывал мужчина. Я мысленно рассмеялась.

— Второй подъезд с улицы. Сверните сейчас направо, Роза! — решила я немного схулиганить.

— Мы знакомы? — спросил он, напряженно что-то припоминая.

— Нет.

— Но откуда вы знаете, что я Роза?

— Наитие.

— Да ладно, не верю я ни в какие наития, — рассмеялся он. — Где мы встречались?

— Первый раз вас вижу. Всего наилучшего.

И я прибавила шаг. Он медленно покатыл рядом со мной.

— Вы меня интригуете?

— Да Боже упаси. Я ж говорю — наитие. Со мной бывает.

— Вообще-то у меня прекрасная память на лица. Я вас не помню.

— И я впервые вас вижу! Но почему-то знаю, что вы — Роза!

— То есть вы ясновидящая? В таком случае, как меня зовут?

Я остановилась. Мне понравилась эта игра.

— Вас зовут... — я сделала вид, что напрягла все свои способности. — Вас зовут... Матвей!

— Послушайте, не делайте из меня идиота!

— Вас и вправду зовут Матвей?

— Откуда вы меня знаете?

— Да не знаю я вас! И вообще, всего хорошего. Я спешу!

— Хорошо, а как вас зовут?

— А вам зачем?

— Интересно!

— Меня зовут Фекла.

— Так я вам и поверил!

— Послушайте, вам ведь был нужен второй подъезд. Вас, вероятно, там ждут.

— Да, верно. Простите... Но вы меня заинтриговали.

— Поверьте, это никак не входило в мои планы, Матвей Аполлонович.

— Черт побери! — воскликнул он.

Я резко ускорила шаг, а ему под колеса бросилась дворовая собака, и он вынужден был затормозить. А я, страшно довольная, забежала в загороженный шлагбаумом проход. Черт возьми, роскошная завязка для романа. Я имею в виду литературный жанр! Потому что крутить романы мне сейчас совсем не хотелось. А интересно все-таки, я ему понравилась? Я зашла в соседний магазин одежды — посмотреть на себя в большое и беспристрастное зеркало. Мое льстит самолюбию любой женщины, хотите верьте, хотите — нет! По-моему выгляжу я недурно. Джинсы, белая льняная рубашка. А главное — хорошее настроение всегда женщине к лицу. Вот теперь этот барон будет весь день ломать голову, откуда я его знаю. Надо непременно вставить эту сцену в роман. Вот, пусть встреча с героем после очередной неудачи на гастролях состоится именно так... Стоп, после неудачи не годится, тут нужно хорошее настроение... Ну, допустим, после любовной неудачи на гастролях у нее начнется полоса везения — кто-то пригласит ее на съемки сериала... Отлично. А этот человек окажется... Продюсером... Тьфу, нет, ненавижу продюсеров, это наглое, жлобское племя... Нет... Ладно, потом придумаю... решила я и отправилась на стоянку, идти пешком расхотелось.

Обожаю рынки! И хотя сейчас московские рынки уже не те, что в моем детстве и юности — теперь там нет случайных продавцов, только постоянные торговцы-перекупщики, все-таки стихия изобилия всегда захватывает меня, и я частенько покупаю лишнее. Вот и сейчас кроме творога я купила копченый сыр чечил, а к нему, разумеется, лаваш, сладкие узбекские помидоры, малосольные огурчики, молодую картошку, зелень, ароматную клубнику из Геленджика и, конечно же, большой пучок белых и розовых пионов. И куда мне все это? Я решила поделиться этой роскошью с мамой. Я давно уже не была у нее. Мама, как всегда, встретила меня ворчанием:

— Ну вот, опять накупила на Маланьину свадьбу! Что за манера швыряться деньгами! Имей в виду, это дурной тон!

— Мама, прекрати! Я ничего особенного не купила! А если учесть, что на два дома...

— Гоши нет, мне одной картошка, например, не нужна. У меня есть!

— Но это же молодая! Ее даже чистить не нужно, сварить со шкуркой, посыпать укропом, сметаны положить... М-м-мм! А если с малосольным огурчиком... Мечта!

— Это твои мечты, не мои!

— Ну, может, кто-то к тебе пойдет... — с тоской проговорила я. Мы с мамой такие разные...

— Если ко мне кто-то пойдет, то картохой не обойдешься! — презрительно фыркнула мама.

— Ну, как хочешь, сыр тоже не возьмешь?

— Я боюсь есть этот сыр!

— Почему?

— Откуда я знаю, кто и как его делал!

— Ну с таким подходом недолго и с голоду помереть! — фыркнула я, уже мечтая слинять.

— Хочешь чаю с вареньем? — как ни в чем не бывало спросила она.

— Спасибо, выпью, — нехотя согласилась я, иначе она смертельно обидится.

— Знаешь, я вчера ехала в метро и в вагоне заметила по крайней мере трех идиотов, которые читали твои книги.

— Тебе было неприятно? — усмехнулась я.

— Нет, просто я не понимаю...

— Ладно, мам, не понимаешь, не надо!

— Не обижайся, но я бы предпочла, чтобы ты писала что-то более серьезное. Пером-то ты владеешь!

— Мама, я пишу ровно то, что мне хочется, только и всего. И кстати, я вполне укладываюсь в рамки реализма, правда, несоциалистического.

— Твои книги бездейны...

— Мам, это уже сказка про белого бычка! Давай лучше поговорим о чем-нибудь другом!

— Когда, наконец, ты устроишь свою личную жизнь?

— Моя личная жизнь вполне устроена!

— Собачьи свадьбы? Случайные связи?

— О боже!

— Чего от тебя хотел Миклашевич? Знаешь, он, говорят, очень преуспевает.

— Я весьма за него рада!

В этот момент, как спасенье, зазвонил мобильник.

Звонок был деловой, неинтересный, но я ухватила за него, как за соломинку и, сославшись на срочное дело, удрала. Какое счастье, что мы теперь живем врозь.

* * *

Встреча с незнакомкой весь день занимала мысли Матвея Аполлоновича. Не то, чтобы она понравилась ему как женщина, нет, но ему в этой встрече вдруг почудилось что-то важное, что-то романтическое и молодое, хотя женщине явно около сорока, да и ему за пятьдесят. Сердце ворохнулось, вспомнил он выражение своего деда, «Матвей, — говаривал дед, уча внука уму-разуму, — если встретил девушку и сердце ворохнулось, либо женись на ней, либо беги без оглядки. Такие — самые опасные». Тут сердце ворохнулось, сомнений нет, но жениться он не собирается — давно и удачно женат, значит надо бежать. А от кого бежать? Не от кого. Надо забыть. А что делать с ворохнувшимся сердцем? Это пройдет, надо только вплотную заняться делами. Сейчас поеду домой, в свой большой красивый дом, Арина накормит вкусным ужином... и расскажет про передачу «Народный артист»... И что тут плохого? Пусть журчит себе, можно не вслушиваться и лишь изредка отпуская междометия...

* * *

Дома все было точно так, как он предполагал. Подтянутая, прекрасно

выглядевшая для своих лет Арина накормила его вкуснейшим ужином с учетом всех модных тенденций в диетологии и принялась с жаром пересказывать перипетии фильма, который посмотрела сегодня. Он отделялся междометиями, не вслушиваясь в ее болтовню, потом взял стакан чаю и ушел к себе.

* * *

Затаскивая в подъезд сумки, я столкнулась с Викторией, соседкой с третьего этажа.

— Что-то случилось? — спросила я. У нее было такое лицо...

— Да нет, ничего серьезного... — еле слышно проговорила она. — Олеся, можно я сейчас у вас посижу часок? Я не буду вам мешать...

— Господи, конечно! Пошли сразу на кухню! Я с рынка...

— Олеся, хотите махонький эпизод для романа, так пустячок...

— Слушаю!

— Я сегодня попросила Ивана свозить меня в Икеа, это же у черта на куличках...

Иван — ее давний, преданный любовник.

— И что?

— Ну, во-первых, я попросила, чтобы он отвез меня в Химки, там выбор лучше, но он ни в какую, только в Теплый Стан, ему удобнее. Ладно, в Теплый Стан, так в Теплый Стан... И он за мной не заехал, мы встретились у метро «Университет». А он ведь меня любит, по-своему, но любит, я знаю...

— Ну, судя по вашим словам...

— Так вот, дальше... Приехали мы туда, я все купила, погрузила в машину и мы поехали... Вдруг звонит его дочка, ей уже двадцать три, она в разводе, то есть не маленькая, не беспомощная... И она требует, чтобы он немедленно забрал ее из какого-то магазина, у нее тяжелые пакеты...

— И что?

— А то... Он меня высадил и помчался за ней. И еще сказал, что потом все равно ко мне приедет... трахаться...

— И вы согласились?

— Сначала да... а потом мне так обидно стало... Я отключила мобильник.

— И решили пересидеть у меня?

— Да.

— А дочка что, не могла взять такси?

— Откуда я знаю?

— Вы его любите, Вика?

— Я боюсь остаться без него...

— Но он ведь поймет, что вы обижены... А они ох как не любят обиженных женщин... Черт бы их всех подрал! У меня тоже был один такой... Он очень меня обидел, но когда я эту обиду продемонстрировала, обиделся сам, а когда мы помирились, сказал: «Я люблю когда ты улыбаешься, а не строишь из себя обиженную тетку...»

— Сволочь! — с чувством сказала Вика.

— Еще какая! — тоже с чувством поддержала ее я.

— Но что же делать?

— Понятия не имею!

— Олеся, я думала вы всегда знаете, как поступить... в таком случае.

— Если бы... — засмеялась я. — Это только мои героини знают, а я... всегда теряюсь от хамства... Знаете что, по-моему, если вы не хотите осложнений, включите мобильник, и когда он дозвонится, просто скажите, что у вас изменились обстоятельства, что вас вызвали на работу, но говорите с ним как всегда, не показывая обиды...

О, с какой радостью она включила мобильник и как просияла, когда этот хмырь позвонил ей буквально через минуту и сообщил, что подъезжает.

— Простите меня, Олеся, и забудьте все... Я пойду... Не могу, я же его люблю...

Я только плечами пожала.

— Вы меня осуждаете? — обернулась она уже в дверях.

— Боже упаси!

— Но вы бы сами так не поступили?

— Откуда я знаю!

Что ж, подобный эпизод может пригодиться для романа. И осуждать Вику я просто не имею права, разве я сама не глотала обиды, не прощала то, что прощать в общем-то нельзя? Господи, чего я только не натерпелась от Миклашевича... И как я его любила... И если уж копаться в себе, кто знает, как бы я поступила, позвони он сейчас в дверь.

И тут же в дверь позвонили. У меня упало сердце.

— Кто там? — дрожащим голосом спросила я.

— Тараканов морить не желаете?

— У меня нет тараканов!

— Значит, будут! — уверенно ответил женский голос.

— Почему?

— Советую купить морилку, всего за двести рублей, помажете в тараканоопасных местах и тогда они к вам не придут от соседей, которые будут морить. Купите, женщина! — голос звучал угрожающе.

Я достала двести рублей и покорно купила какую-то мазилку. Тетка долго инструктировала меня, как ею пользоваться.

Жаль, что нет такого средства от мужиков... Чтобы не думать о них. Помазала, допустим, виски и все непрошенные мысли обходят твою голову стороной.

Глупости какие, такая мысль даже для романа не годится, чересчур глупая... Значит, и я дура набитая. И вдруг на смену горьким мыслям о Миклашевиче вспомнилось озадаченно-веселое лицо Розы. Я все-таки вставлю этот эпизод в книгу, вот прямо сейчас и вставлю. Без всяких объяснений, откуда Марина его знает. Пусть будет небольшая загадка для читателей... Объяснение придумаю позже. Черт возьми, зачем все-таки меня искал Миклашевич? Я не верю, что просто хотел сказать, что я хорошо выгляжу. Не иначе, ему от меня что-то нужно. Ему всегда от меня было что-то нужно. И зная мой характер, он взял паузу. Понимает, сволочь, что я потеряю покой... буду мучиться... А я разве мучаюсь? Так, слегка... Я давно выкинула его из головы и из сердца тоже, слишком он меня извел...

Я села за стол, включила компьютер, но работа не шла. Голова не тем занята. Может, мне самой позвонить ему? Нет уж, много чести. К тому же я все слишком хорошо знаю. Он либо будет занят, либо начнет жаловаться на усталость, на дурное самочувствие, на нерадивых сотрудников... Мне стало скучно. И это прекрасно, скука губит все... Прошла любовь, завяли помидоры... Тогда чего я дергаюсь? И тут зазвонил телефон. Я точно знала теперь, что это Миклашевич.

— Алло!

— Привет, — произнес все тот же обволакивающий голос.

— Привет! — засмеялась я.

— Чего ты смеешься?

— Все-таки я тебя знаю... — То есть?

— Миклашевич, что тебе от меня нужно?

— С чего ты взяла?

— А что, ты хочешь сказать, что в тебе разыграли былые чувства?

Впрочем, я не уверена даже, что они У тебя вообще есть...

— Олеська, кончай базар и давай встретимся.

— Зачем?

— Просто так... Хочу посидеть с тобой, поболтать... Давай позавтракаем завтра.

— Позавтракаем?

— Ага, позавтракаем. Ты же тоже ранняя пташка, давай в полдевятого в «Твин Пигсе».

— Это что-то новенькое.

— Да понимаешь, вечером сложно, днем просто невыносимо, а утром перед работой самое оно.

— Ты лучше сразу скажи, что тебе нужно.

— Да ничего мне не нужно, можно подумать, мне пять лет подряд было от тебя что-то нужно. Глупости. Ладно, давай завтра в полдевятого... — и он положил трубку.

Черт бы его подрал! Не поеду я завтракать... С какой это стати... Зачем беречь уже зажившую рану? Но с другой стороны... Встреча ранним утром вполне безопасна, она не предполагает продолжения, он поедет на работу... Ему, конечно же, от меня что-то нужно. Кстати, его деловые идеи бывают весьма неплохими, это может оказаться интересным... И вообще, мне любопытно с ним встретиться, я же его в «Пушкине» не видела... Мы не встречались года два... Решено, я поеду! Главное, надо только хорошенько выспаться, чтобы утром выглядеть молодой и прекрасной... насколько это возможно в моем возрасте. Да ладно, какие наши годы.

Телефон зазвонил снова. Ну, сейчас он мне скажет, что ему от меня нужно!

— Олеся? — голос был женский и смутно знакомый.

— Да.

— Не узнаешь?

Сердце перевернулось. Я не слышала этот голос давным-давно. Это был голос моей старшей сестры.

— Юля, ты? — разом охрипла я.

— Я, Олесенька, я!

— Боже мой, ты где?

— Я в Москве, еле нашла твой телефон! Я хочу тебя видеть!

— Ты... маме звонила?

— Нет, и ты не смей! Я хочу видеть тебя и только, я в Москве проездом, уезжаю послезавтра. Олесенька, маленькая моя, как же я соскучилась!

— Юлечка, миленькая, ты где? Давай я сейчас приеду, говори адрес! Ты в гостинице? В какой? Боже мой, неужели это ты? Сколько ж мы не

виделись? Лет двадцать, нет, больше? Какой ужас!

— Я видела тебя по телевизору... Ты стала такая... совсем другая... И я вдруг поняла, что ты-то ни в чем не виновата, и меня такая тоска охватила. Ты — писательница... Надо же...

— Юля, говори, куда приехать?

— Нет, Олеська, давай завтра... В два часа можешь?

— Господи, конечно, могу! Но тогда, может, ты ко мне приедешь?

— Нет, это потом, давай встретимся... какой у вас тут хороший ресторан есть? Пообедаем... поговорим... на людях... А то в домашней обстановке мы просто разведемся как две дуры... Олеська, у тебя есть дети?

— У меня сын, Гошка, ему четырнадцать... Такой парень...

— Привези фотографии, ладно? А муж кто?

— А мужа нет, мы развелись...

— И это правильно, сестренка! Господи, как я хочу тебя видеть...

— Юлька, говори, где ты, я сейчас же приеду!

— Нет, у меня завтра утром деловая встреча, я должна выспаться...

— Ну как угодно...

— Олеська, не обижайся, я правда не могу... Завтра в два... У тебя есть мобильный телефон?

— Конечно!

— Записываю!

Я продиктовала номер.

— Я позвоню тебе не позже одиннадцати и скажу, где мы встретимся, договорились?

— Да! Юлька, почему ты не хочешь сказать, где остановилась? Конспирация?

— Да нет, просто я у подруги...

— Ну, ладно, главное, ты в Москве, и мы завтра увидимся!

— Только поклянись, что ей ничего не скажешь!

— Клянусь!

* * *

Вот это да! Юлька в Москве! Сколько ж мы не виделись? Больше двадцати лет... А она так и не простила мать... Интересно, а я бы простила? Наверное, да... Я многое умею прощать... Ах господи, она ни разу не сказала «мы», значит, она одна...

Это был, кажется, восемьдесят четвертый год... Или восемьдесят второй. Но тогда вышло постановление или вернее негласный указ, о если не запрете, то о максимальном сокращении частных связей с иностранцами. Никто не мог знать, что советская власть скоро прикажет долго жить.

Юлька тогда заканчивала университет, она была красивой, веселой, жизнерадостной... И у нее случился роман с американцем. Его звали Ричард, Дик... Я хорошо помню его, он был, по моим представлениям, настоящим стопроцентным американцем, с ослепительной улыбкой в тридцать два безупречных зуба, загорелый, мускулистый, широкоплечий... Он приехал в Москву в гости к дяде, знаменитому композитору, жившему в нашем доме. Жена композитора познакомила Дика с Юлькой, и они сразу влюбились друг в друга, что ужасно не понравилось маме. И она попробовала запретить дочери встречаться с американцем.

— Не смей мешать моему счастью! — кричала Юлька. — Я его люблю!

— Какая любовь? Ты ж его совсем не знаешь! Он уедет, и ты никогда больше его не увидишь! И вообще...

— Он хочет на мне жениться! И я согласилась, вот!

Разговор происходил при мне, и я помню как побледнела мама.

— Замуж? Ты что, спятила? Замуж! За иностранца, тем более, за американца. А если он шпион? Если провокатор?

— Мать, опомнись! На дворе другое время!

— Много ты понимаешь! А о нас ты подумала? Что будет с Олеськой? Ее не примут в институт!

— Подумаешь, она ж не парень, в армию не заберут!

— А, ладно, тебе никто не позволит выйти за него.

— Почему это? Сейчас нет запрета на браки с иностранцами, «Варшавская мелодия» не пройдет!

— Ты не понимаешь, сейчас опять закручивают гайки... И, кстати, правильно делают! Влияние Запада...

— Тлетворное, да? — вопила Юлька. — А мне плевать! Это вы все терпели и шли на заклятие как бараны, а я не желаю! Я люблю Дика, и мне плевать...

Такие сцены разыгрывались у нас по два раза в день. Конечно, я сочувствовала Юльке! Да, надо сказать, на все эти запреты мы уже не обращали внимания, в нас уже не было того всеподавляющего страха, как в наших родителях, хотя и они уже, судя по многим знакомым, были не так испуганы, но в нашей семье было много репрессированных в сталинские

годы, а мамин двоюродный брат Дима сидел за Самиздат. И мама панически всего боялась. Она работала в Институте Мировой Литературы, занималась Горьким и опасалась даже о нем сказать хоть одно живое слово. Запрещенные книги она не то, что не читала, она даже в руки их брать боялась, и категорически запрещала нам. Однажды она нашла у Юльки под матрасом слепую копию романа Оруэлла «1984». Боже мой какой был скандал! Юльки в тот момент не было дома, и мать сожгла рукопись в эмалированном тазу. У нее тряслись руки, на лбу выступил пот и стучали зубы. Я была потрясена, и пыталась отнять у нее стопку тонкой, почти папиросной бумаги с бледно-лиловыми строчками, крича, что она не смеет, это чужое, и тогда она дала мне пощечину. Никогда прежде она не поднимала на меня руку... Когда Юлька узнала об этом аутодафе, у нее была форменная истерика, но вечером, когда мы легли спать, Юлька сказала:

— Знаешь, мне ее даже жалко... Как можно жить с таким страхом... Ужасно! Мне там, конечно, больше ничего читать не дадут.

Я читала все, что Юлька притаскивала домой. И всегда была на ее стороне, у матери был тяжелый характер, она во всем видела происки врагов. В молодости она была красива, но с годами лицо приобрело жесткость и даже надменность... Но то, что с ней творилось, когда она узнала о Юлькином романе с иностранцем, было похоже на приступ паранойи... Она не спала ночами, никого не подпускала к телефону, и если бы могла, заперла бы Юльку в квартире. Дик приехал на три недели. Роман развивался столь бурно, что он сделал предложение Юльке уже на девятый день. Скандалы не прекращались, однако, когда до отъезда Дика оставалось несколько дней, мать вдруг притихла. Я подумала, что она смирилась. Но внезапно Дик исчез. Оказалось, что его просто выдворили из страны. Уж не знаю, как это произошло, но он улетел. И не по своей воле. Жена композитора с тех пор проходила мимо всех нас, даже не здороваясь. Что было с Юлькой — не передать словами. Она кричала матери, что знать ее не хочет, что не может жить в одном доме с доносчицей... Мать только пожимала плечами — мол, она тут не при чем... Сказать по правде, я не могла поверить, что она действительно что-то сделала, но однажды спустя несколько лет, когда Юлька ушла из дому, я случайно услышала разговор матери с дедом, он в чем-то укорял ее и вдруг сказал:

— Я всегда знал, что ты дура, но надеялся, что не подлая, а ты донесла на родную дочь, и это не в сталинские годы, то есть твоей собственной жизни ничто не угрожало!

Я замерла от ужаса.

А мать закричала:

— Папа, ты просто ничего не понимаешь! Олеська не поступила бы в институт...

— Подумаешь, велика важность, одним бездарным архитектором было бы меньше в этой несчастной стране! А старшую дочь ты просто загубила. Где она, что с ней, ты хотя бы знаешь?

— Ничего, победствует и вернется. Приползет беременная невесть от кого.

— Боже, какое говно я вырастил! — воскликнул дед. — Впрочем, я тебя не растил, твоя обожаемая советская власть меня посадила, а тебя вырастила законченной сукой!

Дед хлопнул дверью и ушел. Он с женой жил в Одинцове. Ночью она позвонила в слезах — у деда инфаркт! Из больницы он так и не вышел. Жена деда во всем винила мать... Я тоже. После всего этого жить с ней под одним кровом я просто не могла и поспешила выскочить замуж за друга детства Юрку Мокшанцева. Свадьбы у нас не было, родители Юрки не настаивали, а я просто не хотела, чтобы мать присутствовала... Я тогда ненавидела ее, мне было за нее стыдно.

* * *

Ночь я почти не спала. И за каким чертом я согласилась на это идиотское свидание с Миклашевичем в полдевятого утра? Мне сейчас совсем не до него! Я попыталась позвонить ему на мобильный, но абонент был недоступен. Его домашнего телефона я не знала, он, как я слышала, жил теперь за городом. Ничего не попишешь, придется пойти. Никогда в жизни я не ходила на свидания в полдевятого утра! Впрочем, разве это свидание? Черт его знает... Надеюсь, он сразу поймет, что мне не до него... Однако, надо привести себя в божеский вид, чтобы не ударить лицом в грязь. Но все мысли были заняты Юлькой. А вдруг она не позвонит, как обещала? Вдруг решит, что незачем ворошить прошлое? От этих мыслей болело сердце и хотелось плакать.

Подъезжая к Останкину, я увидела припаркованный у «Твин Пигса» черный джип. Миклашевич всегда ездил на джипах. Говорят, пристрастие к большим машинам свидетельствует о каких-то комплексах у мужчин, хотя, на первый взгляд, откуда у Миклашевича могут быть комплексы подобного рода? У него хороший рост, фигура, он безумно нравится женщинам... А, впрочем, какое мне дело до него и его комплексов?

Я припарковалась позади джипа. Раньше у него был темно-красный, теперь черный. Раньше «форд», теперь «мерс». Я ни секунды не сомневалась, что это именно его машина. И правда! Едва я открыла дверцу, как он вылез и медленно пошел ко мне.

— Привет, солнышко! Я соскучился! Чудесно выглядишь...

— Привет, ты изменился...

Он улыбнулся и взял меня под руку.

— Идем скорее, я умираю с голоду!

— Это что — новая фишка?

— Ты о чем?

— О встречах в полдевятого утра?

— Оставь! — устало поморщился он, — просто совсем плохо со временем, на дорогах такие жуткие пробки. Я стараюсь все деловые встречи назначать на раннее утро.

Деловая встреча? Какие у нас с ним могут быть теперь дела?

Но пока мы шли до дверей, я опять уже начала поддаваться его обаянию... Черт знает что!

Мы сели за столик.

— Олеська, я страшно рад тебя видеть. Ты здорово похорошела, тебе идет.

— Что мне идет?

— Да вот все это... популярность, успех, если хочешь... Ты стала уверенной в себе, раньше тебе этого не доставало... Ты вообще, видимо, сейчас в своей лучшей поре, — и он улыбнулся той самой улыбкой, от которой у меня всегда подкашивались ноги... — Должен признать свою недалновидность — я не верил в твой успех, дурак! Что будем есть?

— Я, пожалуй, съем салат «Цезарь» и выпью кофе.

— А я хочу омлет. Тут прекрасно делают омлет, рекомендую.

— Да нет, ограничусь салатом.

— Брось, что за радость в этом «Цезаре»!? Я тебе тоже закажу омлет!

Я засмеялась.

— Нет, Митя, ты совсем не изменился.

Он заказал два омлета и сто граммов коньяку.

— Ты пьешь за рулем?

— Выпьем по пятьдесят граммов, ничего страшного.

— Нет, у меня сегодня еще очень важная встреча, так что никакого коньяка я пить не буду.

— Дело твое, я выпью. А может, хочешь какой-нибудь здешней настойки? Клюквенной или кедровой? Или хреновухи? Очень вкусно!

— Господи, ты все такой же глухой! Я не пью за рулем, и не пью по утрам, тем более хреновуху!

— Дело твое.

— Так за чем ты меня позвал?

— У тебя что-то случилось? — проигнорировал он мой вопрос. — Ты какая-то взбудораженная, и это явно не связано со мной... У тебя все здоровы?

Ну что за человек? То он вообще тебя не слышит, то вдруг угадывает потаенные чувства и мысли...

— Это мои сугубо личные дела.

— Ну, не хочешь говорить, не надо! Ответь мне на один вопрос.

— Попробую.

— Ты достаточно зарабатываешь?

— Достаточно для чего?

— Для достойной и даже красивой жизни?

— А что, ты хочешь предложить мне дополнительный заработок?

— Может быть...

— Ты что, сменил профессию?

— Я-то нет, но у меня мелькнула одна совсем неплохая идея, и я решил обговорить ее с тобой.

— Я заинтригована.

— Ты была когда-то неплохим декоратором.

— Но у меня теперь другая профессия.

— Ну и что? Сейчас ты в моде, у тебя популярность и все прочее, а какая гарантия, что тебя не перестанут в один прекрасный день печатать, или ты выдохнешься или просто мода на тебя пройдет... Тебе такое в голову не приходило?

— Еще как приходило... Даже по ночам иногда снится, и я просыпаюсь в холодном поту...

— Ну вот видишь... Сейчас такой момент, когда твоя литературная известность может помочь тебе сделать имя в другой области. Ты вообрази, как толстосумы, вернее, толстосумки будут гордиться, если их дом оформит такая модная писательница, а?

— Ты что, спятил?

— Ничуть. Это же твоя основная профессия, у тебя диплом архитектурного института, так что тут комар носа не подточит...

Но я вовсе не хочу этим заниматься. Зависеть от капризов богатых и безвкусных идиоток... Боже упаси, по крайней мере сейчас я сама себе хозяйка, не говоря у о том, что я отстала, не знаю новых веяний и

тенденций. И потом у меня нет времени!

— Солнышко, это все чепуха! Поглядишь кое-какие материалы, полистаешь журнальчики, большое дело! Да и я буду рядом...

— Это как раз самый весомый довод против твоей затеи!

— Не хочешь быть со мной рядом? — он посмотрел мне в глаза.

Я отвела взгляд.

— Послушай, солнышко, давай говорить начистоту...

— Попробуем.

— Без всяких экивоков — ты продаешь мне свой бренд... так сказать в рекламных целях, и я все делаю сам, если ты не хочешь этим заниматься. А в случае каких-то сбоев в литературной карьере ты сможешь легко и плавно вернуться к первой профессии. Согласись, что в этом случае первая профессия предпочтительнее первой древнейшей, тем более, что возраст уже не юный, мягко выражаясь. То есть ты абсолютно ничего не теряешь, только приобретаешь... Я буду платить тебе проценты и у тебя будет запасной аэродром. Единственное, что от тебя потребуется, это пару раз встретиться с клиентами.

Я хотела ему возразить, но он не позволил.

— Дай мне договорить! Мы вдвоем едем на первую встречу, ты смотришь объект, делаешь умное лицо, что-то прикидываешь, бросаешь несколько профессиональных терминов, и уезжаешь с глубокомысленным видом, а разрабатывать дизайн будет очень талантливый паренек, но он абсолютно неспособен общаться с клиентурой, он перед ними, как кролик перед удавом, а защищать его идеи и отвечать за них буду я. И учти, это будет служить тебе дополнительной рекламой...

— Не думаю, что мои издатели будут в восторге.

— Разумеется, они придут в ужас! Я узнавал, у тебя огромные тиражи, то есть ты приносишь им немалый доход, следовательно, если ты взялась за что-то еще, значит, они тебе мало платят. погоди, узнав об этом, они испугаются и повысят тебе гонорар. Со всех сторон одна сплошная выгода.

— Думаю, это их не испугает, они боятся только одного — что я перейду к конкурентам.

— Вот и прекрасно! Они точно поднимут тебе гонорар, по-моему, не кисло будет, а? Их надо держать в страхе!

— То есть ты хочешь сказать, что ты чистой воды альтруист?

— Нет, не хочу! Я тоже, как говорится, кое-что буду с этого иметь.

— Можно поинтересоваться, что именно?

— Я таким макаром примазываюсь отчасти к твоей славе...

— У меня нет славы... только популярность у определенного круга

читателей.

— Неважно! Это классная фишка — декоратор — знаменитая писательница! У клиентов просто рука не поднимется и язык не повернется предложить тебе низкий гонорар... Одним словом, торговаться они будут куда менее яростно, — улыбнулся он. — Подумай, Олеська, подумай, я дам тебе на размышления... двое суток.

— Мить, у тебя так плохи дела?

— Вовсе нет, просто, когда я увидел тебя по телевизору, меня осенило... Пойми, дурья башка, ты ничего не теряешь...

— Нет, Митя, я ни о чем думать не буду. Дурить кого бы то ни было я не желаю. Это все равно что прятать за своим именем бригаду безымянных литработников. Но вот вспомнить прошлое и сделать один-два несложных проекта в год, я бы пожалуй, могла. Но сама, понимаешь?

— Олеська, да я ничего лучшего и желать не мог! Я подберу тебе материалы, чтобы ты узнала, что есть новенького в этой области. Кстати, для начала, у меня есть роскошное предложение. Мы этот проект сделаем вместе, я как архитектор, а ты как декоратор. Мой Федечка тебе поможет, и если все получится, я уж постараюсь, чтобы появились публикации, для начала осветим проект в журнале «Проект Россия», а там видно будет.

— Что за проект?

— Дом в Литве, на берегу озера. Один тип получил его по закону о реституциях. Там сказочная природа, усадьба на берегу озера, но дом — чистая развалюха.

Мне вдруг показалось, что больше всего на свете я сейчас хочу превратить развалюху на берегу озера в красивый, удобный и уютный дом... Я почему-то решила, что там должны быть потолочные балки темного дерева...

— Какие сроки?

— Вот это разговор! — обрадовался он. — Точно еще сказать не могу, я там не был, но надо будет поехать вместе и посмотреть. Думаю, особой спешки не предвидится. Этим людям есть где жить, это своего рода прихоть судьбы — получить дом по реституции. Люди небедные, но и не сумасшедшие миллионеры. Это не замок, а двухэтажный дом. Думаю, годик на это уйдет, хотя в Литве возможно и быстрее получится, если нанимать рабочих там. Значит, ты согласна?

— Я хочу попробовать. Такой проект мне наверное по силам, а насчет запасного аэродрома ты прав! Только, Митя, давай договоримся — у нас будут чисто деловые отношения! Все остальное — в прошлом!

— Как скажешь! — усмехнулся он.

— Я уже сказала! Это мое условие! Когда ты думаешь приступать?

Хозяева вернутся через четыре дня, и мы сразу с ними встретимся. Говорят, что мадам прекрасно во всем разбирается. Я лично боюсь таких дам, которые якобы во всем разбираются, но... В конце концов какие-нибудь идиоты или идиотки возникают практически на каждом проекте. Я был уверен, что ты согласишься, давай по глоточку за наше новое начинание.

— Ладно, по глоточку можно. Но, Митя, пока мы это не сделали, ты никакой официальной рекламы никуда не даешь!

— Конечно, нет! Если ты решила все делать сама, я должен убедиться, что за годы писательства ты не стала профнепригодна. За наше начинание!

Боже мой, что же я делаю? Зачем связываюсь с этим человеком? Я что не знаю, какой у него чудовищный характер? Как он вечно бывает всем и всеми недоволен, как больно может обидеть? Да нет, я именно хорошо его знаю и смогу избежать многих подводных камней, о которые спотыкаются новички. И я буду держать дистанцию, это главное... И верить ему не стану...

— Митя, мы должны будем составить договор...

— Разумеется, как же без договора...

— Я имею в виду не договор с клиентом, а договор между нами.

— Ты мне не доверяешь?

— Дело не в этом! Просто во избежание недоразумений. А то мало ли что может случиться...

— Хорошо, договор, так договор. Я тебе завтра же пришлю проект по электронной почте.

— Отлично, я посмотрю и внесу изменения, если понадобится. Кстати, о каких суммах может идти речь? Я уже совсем не знаю этого рынка.

— Это мы будем обговаривать с заказчиком. Останешься довольна.

— Имей в виду, если я до окончания работ по первому проекту увижу где-то какую-нибудь заметочку о том, что известная писательница вернулась к своей первой профессии...

— Можешь вставить этот пункт в договор. От меня никто ничего не узнает. А вот за заказчика или его знакомых я не ручаюсь.

— Для первого заказа можно не сообщать, кто я такая. Надеюсь, ты еще им не насвистел...

— Как я мог, не зная, согласишься ли ты? Но они же могут тебя узнать! Твоя физиономия красуется на обложках, тебя показывают по телевизору.

— Да ладно, все это ерунда. По телевизору меня показывали всего два

раза...

— Но я же вот тебя видел...

—И Юлька... — вырвалось у меня.

— Юлька? Какая Юлька? Твоя старшая сестра? Она нашлась? — он вытаращил глаза.

— Нашлась и сегодня я с ней встречаюсь...

— Олеська, прости, я тут со своей чепухой...

Он взял мою руку и пожал, как-то тепло, дружественно, не вкладывая в это пожатие ничего лишнего. Он иногда бывает поразительно чутким и тонким, а иногда действует, как слон в посудной лавке...

— Ну что ж, Олеська, похоже в твоей жизни начинается какой-то новый этап и на этом этапе мы опять будем... если не вместе, то все-таки рядом. И ты можешь на меня рассчитывать.

Вон оно как! Однажды я уже поверила ему... Нет, с ним нельзя расслабляться. Он человек ненадежный... А вернее, чудовищно несправедливый. У него, как говорится, всякая вина виновата. Все это я о нем уже знаю, а следовательно он мне не опасен. Но в обаянии и таланте ему не откажешь.

Мы расстались, договорившись созвониться, и как только заказчик появится в Москве, встретиться с ним. Оттуда я поехала в издательство посмотреть обложку новой книги, а Юлька все не звонила. Я ни на чем не могла сосредоточиться. Мобильник то и дело звонил, я вздрагивала, роняла его, но все было не то. В половине первого, я решила ехать домой, она уже не позвонит... А вдруг с ней что-то случилось?

Но вот еще звонок и на этот раз — Юлька!

— Олеська, прости, я не могла раньше позвонить.

— Я уже волновалась! Где и когда?

— Давай в три встретимся у ресторана на углу Спиридоновки и Вспоющего переулка!

— А там есть ресторан? — удивилась я.

— Да, и очень неплохой. Ты любишь итальянскую кухню?

— Чтобы увидеть тебя, я готова есть даже папуасскую кухню! Господи, Юлька, неужели...

— Олесенька, все при встрече!

Подумать только, Юлька в Москве и ходит по ресторанам... С кем, хотела бы я знать? Она выбрала ресторан на углу Спиридоновки. Значит, скорее всего, живет где-то неподалеку. У подруги... Кто из ее подруг жил на Спиридоновке, тогда улице Алексея Толстого? Или где-то поблизости? Не помню... Я вообще помню только одну ее подругу Лилю и ничего о ней

не знаю. Последний раз я видела ее примерно через год после исчезновения Юльки. Я пыталась хоть что-то узнать о сестре, которая ушла из дому, оставив записку: «Олесенька, прости, но я не могу больше жить в доме с этой женщиной. Искать меня не нужно, я не собираюсь сводить счеты с жизнью, просто хочу резко ее поменять. Матери у меня теперь больше нет, но тебя я люблю и найду возможность с тобой связаться, как только сочту, что нашла сама себя. Сейчас я потеряна, прежде всего для себя, а жить с этим невозможно. Прошу только об одном: не дай ей загубить и твою жизнь! Я люблю тебя, сестренка, не обижайся на меня».

Потеря обожаемой старшей сестры причинила мне страшную боль, но я тогда еще не верила в то, что мать донесла на Дика. И все же исчезнуть на столько лет... Или она так и не смогла найти себя? Сегодня я, наконец, все узнаю.

* * *

Я увидела ее сразу, как только свернула на Спиридоновку. Мне показалось, что она несколько не изменилась — такая же изящная, тоненькая, с той же копной русых волос. У меня так сжалось сердце, что я едва не врезалась в припаркованный у ресторана «Пежо». Пришлось проехать чуть дальше по Спиридоновке. Как я закрыла машину, я не помню, и бегом бросилась на угол.

— Юлька! — крикнула я, но крик был какой-то задушенный, — Юлька!

— Олеся!

Мы упали в объятия друг друга и обе залились слезами. Вероятно, это выглядело странно — две не первой молодости тетки рыдают возле уважаемого ресторана.

Первой опомнилась Юлька, она всегда была гораздо выдержаннее, чем я.

— Олеська, сестренка моя любимая, какая ты стала... Как же я счастлива тебя видеть, ну хватит реветь, все же прекрасно, все просто замечательно, мы опять вместе... Пойдем, это очень тихое местечко... Нам никто не помешает, наговоримся всласть!

И она буквально потянула меня к дверям. Заведение и впрямь было милое. Уютное, красивое и почти пустое, только за одним дальним столиком сидела парочка влюбленных, они были настолько заняты друг другом, что даже не взглянули в нашу сторону. И громко пела канарейка в

клетке.

— Значит так, — начала Юлька, — сначала мы поедим, я голодна как сто собак, у меня со вчерашнего обеда во рту маковой росинки не было, а потом будем говорить, говорить...

— Что, даже ни одного вопроса задать нельзя? — улыбнулась я сквозь счастливые слезы.

— Вопросы можно, — шмыгнула носом Юлька и рассмеялась.

— Ты надолго в Москву?

— Завтра улетаю, я говорила...

— Но как же... Так нельзя... Мы столько лет не виделись. Столько надо всего рассказать, спросить... Нереально...

— Так получилось... Но мы теперь будем видеться...

— Где ты живешь?

— В Италии, недалеко от Флоренции.

— Боже мой... Ты замужем?

— Да.

— А дети?

— Детей нет, не получилось... Ты привезла фотографии сына?

Я полезла в сумку и вытащила пачку фотографий.

— Какой парень! Только на тебя совсем не похож... Слушай, кого-то он мне напоминает... Кто его отец?

— Юра.

— Мокшанцев?

— Да.

— Но вы разошлись?

— Давно, но Владимир Александрович обожает внука, и сейчас Гошка гостит у него в Германии. Он преподает там в консерватории... Лидия Петровна умерла два года назад... Гошка очень дружит с дедом, а я рада, что они вместе. Дед оказывает на него мужское влияние, воспитывает...

— А Юрка?

— Юрка живет в Канаде, у него другая семья, но деньги теперь посылает регулярно...

— Олеська, даже не верится, что я вот могу протянуть руку и дотронуться до тебя... Я же не видела тебя по-настоящему взрослой. Ты мне такой нравишься... Ты представить себе не можешь, что со мной было, когда я увидела тебя по телевизору! У меня нет русских программ, но я была в гостях у своего приятеля, он вечно живет под звуки телевизора. Говорит, это помогает ему не забывать язык и вдруг слышу «У нас в гостях писательница Олеся Миклашевская»! Я как сумасшедшая кинулась к

телевизору, смотрю ты! Просто глазам не верю, но когда ты заговорила, я поняла — это действительно ты! Что со мной было... И в этот момент я поняла, что просто обязана тебя найти... У меня только не было уверенности, что ты захочешь меня видеть.

— Что за чушь собачья!

— Откуда я могла знать, что... она не повлияла на тебя и вообще...

— Юлечка, а ты совсем не хочешь ее видеть? Она постарела.

— Я тоже постарела, ну и что?

— Значит, не простила ее?

— А ты простила?

— Я простила... Мне это было трудно, но она все-таки наша мать, и ей все это нелегко далось... Хотя жить с ней под одним кровом — пытка, и как только у меня появилась возможность, я съехала от нее...

— А вы что, жили вместе?

— Одно время пришлось... Она мне очень помогала с Гошкой, иначе я не смогла бы писать...

— Ты окончила Литературный институт? Но ты же собиралась в Архитектурный...

— Архитектурный я и окончила, и работала в одной фирме, но потом... У меня были очень сложные отношения с хозяином фирмы...

— Любовь, что ли?

— Да, любовь, но эта любовь так меня измучила, что в один прекрасный день я ушла от него и за два месяца написала роман, хотела избавиться от этого чувства. А потом поняла, что больше всего на свете хочу писать...

— Олеська, я в самолете сидела рядом с девушкой, которая читала твою книжку... Мне так приятно было. Я даже спросила у нее, что она с таким интересом читает, и она сказала, что очень классную книжку...

— А ты сама не читала?

— Нет, я ... боялась...

— Боялась, что тебе не понравится?

— Да... Знаешь, я такие книги вообще не читаю... Ты сама мне выбери то, что тебе больше нравится, ладно?

Она явно неловко себя чувствовала.

— Да не мучайся ты, Юлька! Ну не читала и не читала, подумаешь... Мать тоже мои книги не читает, и Владимир Александрович, и Витька, помнишь Витьку? И Сашка... Они тоже боятся, что разочаруются во мне, а мне неважно, у меня читателей хватает, — засмеялась я. — Зато Гошка мой большой поклонник. Когда приходит ко мне, первым делом хватает

рукопись со стола...

— Что значит, приходит к тебе, он разве не с тобой живет? — насторожилась Юлька.

— Нет, он живет с ... бабкой. Она его обожает. Я много работаю, Юлька, мне, когда я начинала, приходилось писать книгу в месяц...

— Как это возможно?

— Да вот было возможно, иначе бы я не пробились, но это были не романы, а детские сказки... Сказок я больше не пишу, но они сослужили мне добрую службу. В те годы Юрка сам был без работы и давал какие-то гроши, мать болела, Гошка был маленький, ни на что не хватало... Пришлось вернуться к ней. Да что это все обо мне и обо мне...

— Хочешь суп из тыквы? Очень вкусно!

— Закажи все сама, ты живешь в Италии и знаешь толк в итальянской кухне...

— Ты даешь мне карт-бланш?

— Именно!

— Олеська, я хочу, чтобы ты с сыном приехала к нам... Ты была в Италии?

— Нет, пока не случилось... Но я мечтаю...

— Вот и чудесно, у меня большой дом. Мы будем ездить по Тоскане...

Говорить, говорить...

— Юль, а ты как попала в Италию?

— Это долгая история...

— А мы разве спешим?

— Нет, но...

— А Дика ты нашла?

— Нашла... Но ничего у нас не вышло... поезд ушел... Я из Москвы тогда удрала аж во Владивосток, мне казалось, так я буду ближе к нему... Там я жила в общем неплохо, весело... Я нашла работу в молодежной газете, у нас сколотилась хорошая компания, я только на парней смотреть не могла... Но потом сошлась с горя с одним, залетела, рожать от него ни за что не желала, сделала аборт и лишилась возможности иметь детей уже навсегда, не повезло... Да я, честно говоря, и не хотела тогда даже думать о детях... А потом спохватилась, да поздно уж было. Дура, конечно, но что поделаешь... Я по молодости отчаянная была, все в какие-то авантюры ввязывалась, вспомнить жутко... А когда началась ваша перестройка...

— Наша? — улыбнулась я.

— Не придирайся к словам, писательница! Так вот, когда ослабли тиски, у меня появилась возможность поехать в Штаты, я и помчалась...

Дика я нашла далеко не сразу... Он к тому времени был женат... Я, когда его увидела, думала, умру от любви и счастья, он тоже... Нас закрутило каким-то ураганом, но он вскоре опомнился, быстро, недели через две... И вернулся к своей жене... Я думала, не переживу... Но пережила, и стала выживать в Америке. К счастью, все эти годы до встречи с Диком я занималась языком, и вообще целенаправленно готовилась к жизни в Америке, думала, идиотка, что он ждет меня ... Но мои труды не пропали даром, и я пошла работать бэбиситтером... Знаешь, что это такое?

— Знаю, но почему бы ни сказать просто няней? Ненавижу, когда женщина говорит, что работает бэбиситтером, согласишься, звучит ужасно... Ой, что я несу! Прости, прости!

— Да нет, ты права, мой русский наверное ужасен...

— Ничего подобного, наоборот, ты говоришь лучше, чем многие русские сейчас... Да черт с ним, рассказывай дальше!

— Я попала в приятную семью, двое детей. Четыре и пять лет, мальчик и девочка. Поначалу думала, что сойду с ума, но потом привязалась к ним, они забирали все мое время и занимали все мои мысли, это пошло мне на пользу, некогда было думать о Дике, некогда тосковать по Москве. Я проработала так два года, скопила немного денег...

— А где это было, в каком штате?

— В Калифорнии. Климат там благодатный, русских много. Да, так о чем это я... Мои работодатели переехали в другой штат, там это обычное дело... Да и дети уже подросли... Я сняла себе комнатку и вскоре нашла работу в русском магазине, правда ехать надо было полтора часа. Я купила развалюшку-машину и ездила, но работала я по-черному, в том смысле, что нелегально. Подружилась с хозяйкой магазина и она сосватала меня с одним американцем. Мне надо было выйти замуж, чтобы легализоваться... Впрочем, ты наверное знаешь прорву подобных историй...

— Но это не истории моей родной сестры... Хотя ты и никудышная сестра, но я все равно хочу знать подробности...

— Ох, разве можно рассказать все подробности за столько лет... Но ты права, я никудышная сестра...

— А почему ты здесь только проездом?

— Так получилось...

— А как ты нашла мой телефон?

— Я... — смутилась вдруг она. — Я попросила подругу позвонить... ей и спросить тебя. Ну и вот... Я была счастлива узнать, что ты живешь отдельно.

Я смотрела на нее и не верила себе — неужто это моя обожаемая

сестра Юлька, — элегантная дама, вполне европейского вида, и в общем-то чужая... по крайней мере я так это чувствовала, и мне было мучительно больно. Она рассказывала о своей жизни, в которой мне не было места, а вот теперь почему-то нашлось...

— Юль, а если бы ты не увидела меня по телевизору, ты стала бы меня искать?

— Боже мой, Олеська, как ты можешь спрашивать! — огорчилась она. — Конечно, стала бы... но может еще не сразу... Я в последние годы все чаще об этом думаю, а тут вдруг толчок...

Если в первые полчаса встречи была только радость и растроганность, то сейчас вдруг наступило отрезвление. Когда я ехала на встречу с ней, я думала, что смогу рассказать ей все, что мучило меня и терзало, и вдруг поняла, что не стану этого делать. С какой стати? Странно. В прошлом году я встретила со школьным другом, которого не видела лет пятнадцать, мы встретились так, словно расстались вчера... Я даже не заметила в какой момент и почему пришло отрезвление.

— Ну вот, я вкратце рассказала о себе. Теперь ты рассказывай!

— Да мне и рассказывать особенно нечего... Так, ничего особенного... — на меня вдруг навалилась усталость.

— Как это ничего особенного, ты стала модной писательницей, это же безумно интересно... Почему ты вдруг взялась за перо?

— Да так, со злости в общем-то...

— И за это прилично платят?

— Пока не войдешь в моду, совершенно неприлично, а теперь вполне... — я уже еле ворочала языком.

— Олеська, что с тобой? — наконец спохватилась она.

— Не знаю, что-то я спеклась. У меня еще с утра была очень напряженная и важная встреча, и после твоего звонка я почти не спала... Хочешь, поедем ко мне, я приму прохладный душ и буду как новая... Кстати, ты завтра когда улетаешь?

— У меня самолет в пять часов.

— Утра?

— Нет, вечера. Знаешь, ты сейчас езжай домой, отдохни, а завтра утром встретимся, если ты сможешь...

— Смогу, конечно. Я отвезу тебя в аэропорт. Ты из Домодедова летишь?

— Нет, из Шереметьева.

— Куда тебя сейчас отвезти? Нам обоим, похоже, отдых не помешает...

— Да, столько волнений... — виновато улыбнулась она. — Но отвозить меня не нужно, я живу тут в двух шагах, на Спиридоновке. А давай выпьем по чашке кофе, тебе же за руль садиться, может, проснешься...

— Давай, кофе не помешает.

Я заказала себе капуччино, что привело мою сестру в оторопь.

— Кто же пьет капуччино после обеда?

— А в чем дело?

— Видишь ли, в Италии это нонсенс — капуччино после обеда. Капуччино это вроде как самостоятельное... блюдо, что ли... Если бы ты в Италии заказала в такой ситуации капуччино, тебя бы не поняли.

— Это что ли неприлично?

— Ну, в общем и целом...

— А мне плевать! — отрезала я. — Я не в Италии, а у себя дома...

Она смутилась.

— Извини...

— Знаешь, Юль, ты с годами стала похожа на мать...

— Не выдумывай! — вспыхнула она. — Мы совершенно разные люди!

— Гены, никуда не денешься!

— Ты нарочно, да? Дразнишь меня? Я тебе не понравилась после стольких лет?

Что за глупости, просто... А в общем неважно, чепуха все это. И знаешь что, я сама заплачу за обед, все-таки ты в Москве гостья, а русское гостеприимство никуда еще не девалось.

— Если ты настаиваешь...

Я расплатилась, и мы вышли на улицу.

— Приятное местечко, правда? — как-то потерянно спросила она.

— Вполне, суп из тыквы был просто супер! Давай, я тебя подброшу...

— Да нет, я хочу пройтись... Так как мы завтра?

— Я в твоём распоряжении. И отвезу тебя в аэропорт.

— Ладно, тогда довези меня тут два шага, я покажу тебе дом. Заедешь завтра за мной, я сразу возьму с собой вещи, чтобы время не терять.

— А давай я заеду за тобой пораньше, мы позавтракаем у меня, поболтаем и поедem в аэропорт. Сейчас надо выезжать заранее, на дорогах жуткие пробки...

— Только умоляю, ничего не говори ей!

— Я не собираюсь, обещаю тебе.

Я довезла ее до подъезда и помчалась домой. Мне надо было остаться одной и осмыслить все, что случилось за этот день. Я была совершенно

выбита из колеи...

Дома я первым делом полезла под душ, потом надела халат, налила в стакан джин и апельсиновый сок и забралась с ногами в свое любимое кресло. Итак, начну с Юльки. Миклашевич это потом. Как все странно... Появление в Москве через столько лет на какие-то полтора дня... Ей что-то нужно от меня? Глупости, что ей может быть от меня нужно? Судя по ее виду, она вполне обеспечена, если не богата. Туфли, сумка, костюм, духи, камушки на пальцах и в ушах явно очень дорогие, и вид у нее более чем ухоженный. Может, она тяжело больна и решила повидать сестру? И все-таки очень странно. Она не была в Москве так давно, и ничто ее не удивило? Ну, возможно, она просто от волнения ничего не замечает? Да нет, не похожа она на смертельно больную, иначе бы и с матерью встретилась, облегчила бы душу прощением... Но и вела она себя все-таки странно. Сперва вроде бы нормально, хотя... Попробую поставить себя на ее место... Что бы я сделала, если бы увидела по телеку сестру после двадцатилетнего перерыва? В ту же минуту начала бы ее искать, сейчас это не так уж сложно, тем более сестра живет в том же городе, что и прежде. Найдя, я бы тут же позвонила, не из Москвы, а из Италии, договорилась о встрече и помчалась бы покупать подарки сестре и ее сыну... Да, интересная мысль, но ей она в голову не пришла. Ну ладно, ей не до того было... Я же вот тоже пришла на встречу без подарка... Но у меня просто не было времени, да и вообще, черт с ними, с подарками... Чепуха все это. Я как не была ей нужна все эти годы, так и теперь не больно-то необходима. И все какие-то тайны... У кого она живет? Что за деловая встреча была у нее сегодня утром? Да нет, будь моя воля, я бы еще вчера кинулась встречаться с сестрой, просто в ту же секунду... А зачем ей сестра? Ни на фиг. Просто интересно поглядеть на ту девчонку, которую теперь показывают по телевизору? И я бы уж точно не побоялась прочитать хоть одну книжку. Ну да ладно, не судите да не судимы будете... Мало ли что бывает, когда такая буря эмоций... Вот завтра мы уже встретимся спокойно и там будет видно. А теперь можно подумать и о Миклашевиче, тут у меня как-то сладко заныло под ложечкой. Все-таки я ему понадобилась... Но как хорошо я его знаю, сразу просекла, что он не просто так звонит... И он меня знает как облупленную... Что ж, неплохо для совместной деятельности. Работать с ним интересно, тут не может быть двух мнений, его поганый характер для меня не новость... а какой он все-таки интересный мужик, сексапильный до ужаса... Нет, только не это! Он прежде всего профессионал высокого класса, а остальное в прошлом... Стоит мне один раз переспать с ним и всему конец, он сразу расслабится и

будет вести себя по-хамски... ну еще бы, он опять всего добился и эта дурища будет плясать под его дудку... Дудки, Дмитрий Алексеевич, дудки! Дважды в одну реку я не войду. Не на такую напали!

* * *

Матвей Аполлонович посмотрел на часы. Половина одиннадцатого. Ничего себе, вот заработался! В офисе было тихо, все давно ушли. Надо выпить кофе, а то еще чего доброго заснешь за рулем... Он включил новую кофеварку, любимую игрушку последних двух недель. Открыл дверь и вышел в приемную, где имелся небольшой спрятанный среди шкафов холодильник. Достал бутылочку перье. Как здорово будет сейчас выпить не спеша кофе с ледяной водой. Привычка, приобретенная на Востоке. А потом, не спеша ехать за город по уже опустевшему шоссе. Арина уехала на неделю в Египет. Да, я старею, раньше я уж наверняка провел бы этот вечер совсем иначе... Но зато по крайней мере такой вечер не сулит в дальнейшем никаких неприятностей... Он достал из Холодильника еще и лимон. Вдруг зазвонил телефон на столе у секретарши. Он снял трубку.

— Можно попросить Антонину Хрисанфовну! — спросил приятный немолодой женский голос.

— Боюсь, вы ошиблись номером.

— Ох, извините!

Он положил трубку и вдруг взгляд его упал на книгу в глянцевом переплете. На задней стороне обложки он увидел портрет той незнакомки, которая несколько дней назад так заинтриговала его. Не может быть! Да нет, это точно она! Кто такая? Олеся Миклашевская. Его секретарша Янина Августовна, пожилая интеллигентная дама, читает такую чепуху? Никогда бы не подумал. Вероятно, Янина сейчас расстраивается, что забыла роман на работе. А что тут о ней написано? «Олеся Миклашевская, автор многих нашумевших романов о Любви, таких как „Цель и средства“, „Добрая женщина — дура“ и многих др. Читатели, которых у Миклашевской миллионы, черпают в ее книгах оптимизм и веру в себя». Ну понятно, хеппи-энд и розовые сопли. Но я точно с ней не знаком! Откуда же она меня знает? Интересно было бы пообщаться. Надо ее отыскать, я же знаю теперь, кто она такая, значит, найду. Я даже знаю дом, где по-видимому она живет. И опять «ворохнулось» сердце. А может взять роман с собой и проглядеть на ночь? Да нет, не стоит. Это излишне. Но почему-то резко улучшилось настроение и усталость куда-то делась.

«Увы, сомненья нет, влюблен я, влюблен как мальчик полный страсти юной! — замурлыкал он из любимого „Онегина“, — „Пускай погибну я, но прежде я в ослепительной надежде вкушу волшебный яд желаний, упьюсь несбыточной мечтой“... Ну, нет, несбыточные мечты меня уже не привлекают, староват я для них, а вот волшебный яд желаний, как говорится, никому не возбраняется...

* * *

Утром, проходя к себе в кабинет, он обратил внимание? что книга, которую он оставил на том же месте, исчезла. Приняв несколько посетителей и уладив два неотложных вопроса, он вызвал к себе секретаршу.

— Янина Августовна, можно задать вам один неслужебный вопрос?

— Разумеется, Матвей Аполлонович!

— Знаете, я вчера тут засиделся допоздна, а когда уходил заметил у вас на столе книжицу...

— Какую книжицу?

— Да какой-то, судя по всему, романчик...

— И вы решили, что я читаю в рабочее время? — испугалась Янина Августовна.

— Да боже упаси, пока вы справляетесь со своей работой, мне все равно, чем вы занимаетесь в свободные минуты, я не деспот, вы не заметили?

— Заметила, конечно, — залилась краской пожилая дама, — но что вас тогда интересует?

— Вы знаете эту писательницу?

— Ну, я с ней лично не знакома, но стараюсь не пропускать ее книг, очень хорошо пишет, легко, изящно, с юмором...

— С юмором, говорите?

— Да, знаете ли, иной раз настроение дурное, или что-то болит, возьмешь книгу Миклашевской и настроение улучшается.

— Рекомендуете прочитать?

— Да нет, это не мужское чтение. Вам наверное неинтересно будет. Там никто никого не убивает, не взрывает, просто женские истории. Матвей Аполлонович, простите мою нескромность, но почему вы вдруг заинтересовались?

— Дадите почитать?

Я с удовольствием, но это новая книга и у нас тут очередь... Я оставила ее на столе для Гали, после Гали обещала Раисе... Но если хотите, я завтра принесу вам что-нибудь другое... просто как-то странно...

— Да нет, спасибо, дело в том, что я на днях столкнулся с этой дамой на улице, вернее, на дороге, а вчера вдруг узнал ее на обложке, все чрезвычайно просто. Спасибо за информацию, Янина Августовна.

Видимо надоела ему его Арина, подумала про себя секретарша, недолюбливавшая жену патрона за недостаток аристократизма. Впрочем, этим страдали почти все люди, окружавшие Янину Августовну, за исключением, пожалуй, только Матвея Аполлоновича, чей баронский титул грел сердце пожилой дамы, в роду которой были Радзивилы, что в молодые ее годы приходилось тщательно скрывать.

* * *

Я встала ни свет, ни заря, приготовила вполне изысканный завтрак, к счастью в доме была банка хорошей икры, накрыла стол и поехала за сестрой. Я была рада, что сегодня мы сможем пообщаться спокойно. Не исключено, что неприятная отчужденность, возникшая вдруг посреди обеда, исчезнет.

Ровно в десять я стояла у нужного подъезда и через одну минуту Юлька вышла с роскошной дорожной сумкой.

— Привет, Олесенька!

— Привет! Можем ехать? Проверь, билет не забыла?

— Нет, все в порядке. Надеюсь, мать меня там не ждет?

— Юль, по-твоему, мне нужны эти неприятности? Скандалы, объяснения, слезы? Ты-то уедешь, а я останусь. И вообще, вы взрослые люди, разберетесь сами без меня, если вам приспичит.

— Ну не сердись, Олеська, я просто спросила... на всякий случай...

— Ладно, поехали!

— Почему у тебя такая скромная машина?

— Потому что для меня это средство передвижения и только. А какая машина у тебя?

— У меня... БМВ, я люблю немецкие машины.

— Кстати, квартира у меня тоже более чем скромная, одна комната.

— Я слышала, что в Москве квартиры страшно дороги.

— Не то слово! Юль, а как тебе новая Москва?

— Москва как Москва, ну чуть понаряднее стала, светлее по вечерам,

но в принципе тут мало что изменилось...

О, это она наступила на любимую мозоль!

— То есть как мало изменилось? — вскинулась я. — Это же совершенно другой город!

— Разве? Ну вероятно, я мало видела...

Не заводись, сказала я себе, плюнь, это же твоя родная сестра, которая не была здесь бог знает сколько лет. Ну не заметила она перемен, и что? Это разве так важно?

— Знаешь, не стоит оставлять сумку в машине, возьмем ее наверх.

— Воруют? — улыбнулась она.

— А у вас разве не воруют?

— Еще как! Не злись, Олеська!

— Извини.

Мы поднялись на шестой этаж. Подъезд у нас довольно приличный, как-никак кооперативный дом, и все-таки мне казалось, она как-то брезгливо морщит носик. Или мне только кажется?

— У тебя красиво! — воскликнула она, едва войдя в квартиру.

Мне было приятно. Я горжусь своим жилищем, в которое вбухала немало собственной фантазии и денег, тоже, слава богу, собственных.

— Это что-то вроде студии?

— Да нет, это как говорится, мое «всё». Я тут работаю и принимаю гостей и, главное, живу так, как мне хочется.

— А почему ты не купила квартиру в новом доме, я видела, в Москве много новых красивых домов...

— Мне подвернулась эта квартира и очень понравилась, тут кухня как вторая комната и прихожая просторная и, главное, мне на эту квартиру хватило денег.

А в новых домах так дорого... Ладно, Юль, проходи на кухню, будем завтракать, я голодная...

— О, икра!

— Я помню, ты любишь...

— Обожаю! А это что?

— Фруктовый хлеб, вот с этим сыром очень вкусно. Тебе выжать апельсиновый сок?

— Нет, я пью только морковный...

— Извини, чего нет, того нет.

— Кстати, очень полезно...

— Терпеть не могу! — поморщилась я, вспомнив, как мы с Миклашевичем в Израиле попробовали морковный сок и нас обоих чуть не

стошнило, хорошо еще, мы догадались купить один стакан на двоих... Как мы тогда хохотали, и с каким наслаждением пили потом грейпфрутовый, мутно-красный, холодный, терпкий... Как я тогда была счастлива...

— Кофе, чай?

— У тебя есть зеленый?

— Конечно!

Наконец я тоже села за стол.

— Обалдеть, Юлька, это ты! — Я совершенно не знала, о чем с ней говорить.

— Олеська, скажи, у тебя сейчас есть мужчина?

— В каком смысле?

— В прямом.

— В прямом, пожалуй, нет... Мне как-то не до того было в последнее время...

— А замуж ты больше не выходила? После Юры?

— Нет, я не создана для семейной жизни. Слава Богу, у меня есть Гошка... А видеть постоянно кого-то в своем доме мне совсем не хочется. Юль, а кто твой муж-то? Расскажи.

— Он фабрикант, обувщик и просто хороший человек. Добрый, широкий... ну а больше о нем сказать нечего.

— А ты? Ты чем-то занимаешься?

— Да, я занимаюсь в его фирме международными связями. Я ведь знаю пять языков...

— Да? Ну английский, понятно. Итальянский, а дальше?

— Ну еще русский, это не в счет, немецкий, французский... И похуже испанский.

— О, да ты полиглот! А у тебя есть фотография мужа?

— Нет, он терпеть не может фотографироваться. Есть, правда, фотографии дома...

Дом был чудесный, настоящая вилла с бассейном и роскошным садом.

— Нравится?

— Ну еще бы!

— Приезжай к нам с сыном, допустим в сентябре...

— В сентябре он учится.

— Ах да...

— А впрочем, недельку он может пропустить, все равно я больше чем на недельку не смогу вырваться...

— А может, в июле?

— Да нет, в июле Гошка еще будет у деда... Ладно, Юлька, главное мы

нашли друг друга, а о сроках сговоримся по телефону, в конце концов.

— Смотри, ты будешь жить вот в этой комнате на втором этаже, а сын твой вот тут...

Странно, мне почему-то совсем не захотелось ехать к ней... что-то во всем разговоре было словно бы обязательное, неискреннее какое-то.

— Ну, Олеська, расскажи мне еще что-нибудь...

— Да что рассказывать... Я не знаю, ты задавай вопросы, я буду отвечать, а так я не могу...

— О чем ты пишешь в своих романах?

— О любви, о чем же еще? А ты может, все-таки прочтешь один, хотя бы из любопытства?

— Хорошо, обязательно, ты выбери мне что-нибудь... Я, правда, редко читаю по-русски...

— Юль, не надо, я тебе ничего не хочу навязывать.

— Олеська, не обижайся!

Как ни странно, я обиделась. Обычно я никогда не обижаюсь на тех, кто не хочет читать мои книги. А тут почему-то просто сердце от обиды заныло. Вот мама не читает и меня это ни чуточки не трогает, а тут...

— Ты мне все-таки подари книжку, Олеська, я в самолете почитаю...

Я сняла с полки наиболее удачно изданную книгу и надписала: «Юле от родной сестры. Не для чтения, а в знак почтения».

Я украдкой поглядывала на часы, скоро ли в аэропорт, ее присутствие уже тяготило меня. Совершенно чужой человек...

Наконец мы спустились и сели в машину.

До Шереметьева ехали, перебрасываясь ничего не значащими фразами. Я поставила машину на стоянку, чтобы проводить ее до таможенного контроля, соблюсти все приличия и забыть... Посадка на рейс еще не была объявлена. Она сидела, держа в руках билет и паспорт.

— Может, хочешь пить? — поинтересовалась я.

— Нет, спасибо, я ничего не хочу...

Вдруг у нее в сумке зазвонил телефон. И тут с ней произошло что-то странное — она вспыхнула, рванула молнию на сумке, молнию заело, она сунула мне в руки паспорт с билетом, буквально разодрала молнию, выхватила телефон и, вскочив, отошла в сторонку. Я оторопело взглянула на нее. Ее нельзя было узнать. Она вдруг так помолодела и похорошела, что я сразу догадалась — она говорит с любимым женщиной. Не с мужем, явно. И говорит по-русски. От ее сияния мне сделалось как-то не по себе, словно я подглядывала в замочную скважину. И чтоб не видеть этого, я машинально раскрыла книжечку билета. Вот тут у меня буквально в зобу

дыханье сперло. Она пробыла в Москве более трех недель. И лишь позавчера перед самым отъездом позвонила мне. И по телевизору она меня видела в Москве, а не у русского приятеля в Италии... Значит, у нее тут любовник, а я зачем понадобилась? Случайно увидав меня, она решила, что это гениальное алиби, роскошная отмазка для мужа? А так даже и не вспомнила бы о родной сестре? И найти меня было не сложно. Позвонил же кто-то матери и спросил мои координаты. А надо заметить, что у матери телефон за эти долгие годы не менялся. Да Юлька же ее точная копия, только еще хуже... Мать была больна страхом, а Юлька... Яблоко от яблони недалеко падает. А я? Я тоже недалеко упала? Какой ужас!

Но тут Юлька вернулась.

— Извини, Олесечка, очень важный звонок.

— Да я уж вижу.

Я решила ничего ей не говорить, зачем, она бы все равно меня не услышала. Так для чего метать бисер? К счастью, вскоре, объявили посадку.

— Ну что ж, мне пора, Олеська!

— Счастливого пути и мягкой посадки. Рада была тебя повидать...

— А я просто счастлива, что у тебя все хорошо... Знаешь, я не оставляю тебе свой телефон... Так, сказать, на всякий случай... Ну, чтобы она не узнала, понимаешь? — смущенно пролепетала она. — Но я буду тебе регулярно звонить...

— Твой телефон сохранился у меня в мобильнике, — усмехнулась я. — Но ты не волнуйся, я звонить не буду. Пока, сестричка!

— Олеся, прости, прости меня. Вот, вот возьми мою визитку с телефонами, и если тебе что-то понадобится...

— Да нет, спасибо, мне ничего не понадобится, а вот если тебе понадобится алиби, можешь позвонить, я все подтверждаю, что потребуется. Не беспокойся!

На мгновение она оторопела, потом виновато и очень обаятельно улыбнулась.

— Я всегда знала, что ты очень умная, Олеська! Но ты не думай, насчет приезда к нам я не шутила, я скоро пришлю приглашение...

Она прошла через зеленый коридор, а я почувствовала себя совершенно разбитой. Хорошо бы сейчас выпить рюмку, но я же за рулем. Что все это было? Зачем? Я давно уже пришла к убеждению, что все в жизни имеет какой-то смысл, пусть иной раз чисто символический, но все же... А что, для романа это хороший ход... появление давным-давно пропавшей сестры... Не сестры, нет, это слишком прозрачно, брата! Или

матери! Надо подумать... Да, этакая мать-кукушка объявится через двадцать лет... Но тогда она оттянет действие на себя, а что, сейчас это и неплохо, я не очень понимаю, что делать дальше, а появление кукушки может повлечь за собой массу неожиданных поворотов. Да, это отличная мысль, просто суперская, как выражается мой сын. Его нет две недели, а я уже жутко соскучилась. Может, стоит недельки через две слетать в Германию? Подумаю. Одна моя приятельница, когда я использую в книге какие-то жизненные коллизии, говорит как бы в шутку «Все на продажу», вспоминая классический фильм Анджея Вайды, а на самом деле я чувствую, что она слегка меня осуждает. Ну и пусть, я как Джамбул, что вижу, то пою!

* * *

Я уже тащила в пробке по Ленинградскому шоссе, когда позвонил Миклашевич. Я вдруг обрадовалась.

— Привет, ты где?

— Тащусь по Ленинградке.

— Сестрицу провожала?

— А ты откуда знаешь?

— Ой, как трудно догадаться! Ну, как прошла встреча?

— Сложно, даже очень...

— Слушай, Олеська, мне звонил мой заказчик, они сегодня летят в Литву и приглашают нас с тобой. Полетим на денек-другой, посмотрим как там и что, может, за этот дом и браться не стоит. Ты как?

— Ты про меня уже что-то сболтнул?

Да боже избави! Я просто сказал, что могу поехать с декоратором, моей помощницей и все. Они обещали снять нам комнаты в частном пансионе неподалеку. Пансион, кстати, тоже на берегу озера, говорят там просто райские места.

— Мить, я поеду! Мне сейчас необходима встряска! А как с визами?

— Не проблема, дашь мне паспорт, я мигом все улажу. У тебя паспорт с собой?

— Нет, конечно.

— Ладно, тогда я выберу момент и заеду к тебе, заодно погляжу, как ты устроилась. Ох, Олеська, покатаемся с тобой на лодке, помнишь, как мы катались по Оке?

— Нет, я забыла, но почему не покататься?

— Мы на лодочке катались золотисто-золотой... — напел он.
— Не надейся! — отрезала я.
— Надежда умирает последней, — засмеялся он.
— Митя, я предупреждала — чисто деловые отношения!
— Да на фиг ты мне сдалась! — вдруг взорвался он. — Деловые отношения — это все, что мне от тебя нужно, заруби это на своем курносом носу. Так я заеду за паспортом!

Черт знает что! Я уже получила по носу... А зачем ты с ним опять связалась? Тебе мало было? Просто очень захотелось поехать в Литву, посмотреть на сельский дом на берегу озера, вспомнить прошлое... В конце концов Миклашевич просто разозлился на меня за то, что я его поставила на место, он этого не любит, вот и взбеленился. Эта партия все равно осталась за мной.

И вполне удовлетворенная, я помчалась на рынок за цветами. Надо к его приходу максимально украсить свою квартиру.

Он позвонил нескоро, когда я уже решила, что он сегодня не объявится...

— Олеся, извини меня за несдержанность...

— А ты изменился, Миклашевич, раньше ты никогда не извинялся, — засмеялась я.

— А я что говорю? Я изменился, и мы будем работать на совершенно новых основаниях. Когда я смогу заехать? Через полчаса удобно? Я понимаю, уже поздно, но раньше я не мог... Зато тогда я завтра с самого утра сунусь в посольство.

— Хорошо, приезжай!

Интересно, он хоть с цветами приедет? Хотя зачем мне цветы? И, конечно, лезть ко мне он сегодня не будет, понимает, что тогда не видать ему ни меня, ни моего брэнда. Я торжествовала. Главное в жизни уметь превратить свое поражение в победу, а я, похоже, этому научилась!

Он приехал, конечно, без цветов, и вид у него был усталый и замученный.

— О! — воскликнул он с порога. — Я не ошибся, приглашая тебя на этот проект, молодец, моя школа! Выжала из однокомнатной квартиры все, что только возможно! И с фантазией... Этот зеленый цвет на первый взгляд шокирует, но на самом деле — это класс! Поздравляю себя с удачной идеей! Ты меня не посрамишь!

— Миклашевич, у тебя усталый вид, ты есть хочешь?

— Да нет, я так устал, что хочу уже только добраться до дому. Давай паспорт, я завтра позвоню, пока, детка!

И он ушел.

* * *

Утром, часов в девять, позвонила Лерка. Голос у нее был трагический.
— Олеська, свинюга, совсем меня забыла, а я, между прочим, глубоко травмирована!

— А сама чего не звонишь? И чем это ты травмирована?

— Курицей.

— У тебя что ли птичий грипп?

— Слава богу, нет, но я сломала палец на ноге.

— Господи, как тебя угораздило? — огорчилась я. — Играла в футбол мороженой курицей?

— Почти, — всхлипнула она. — Я от боли сознание потеряла.

— Но как это случилось?

— Помнишь Розу?

— Какую?

— Ну, барона, Гришкиного друга детства?

— Такое не забывается! При чем тут он? А главное, при чем тут курица?

— Ты не очень спешишь?

— Да нет, а что, рассказ будет долгим?

— Да! Представляешь, Олеська, Роза пригласил нас в гости, у него дом за городом, шикарный, между прочим. Ну мы приехали. Сад у них такой клевый и все так приятно, зелено, трава такая свежая, я как дура малолетняя обрадовалась. Там еще пес чудесный, забыла какой породы, но такой миляга, мы с ним сразу подружились, он мне в зубах мячик припер, чтобы я с ним играла. Я и стала играть, я подбрасываю, он ловит, я подбрасываю, он ловит и мне опять приносит, а тут вдруг его кто-то позвал, он мячик бросил и побежал к дому, а я хотела мячик ногой подкинуть, как размахнусь и... думала умру на фиг, такая боль. Там в траве курица фарфоровая здоровенная стояла. Траву не выкосили, вот я ее и не заметила, эту окаянную курицу.

— Господи, Лерка, мне даже нехорошо стало, как я представила себе... Ужас! Зачем там эта курица?

— Хрен ее знает, для красоты. У Розиной жены, видишь ли особое пристрастие к курицам... У них в бассейне кафель бледно-зелененький, а как декор — курочки с цыплятками, и полотенца с курочками,

представляешь, гадость какая.

— Она что, птичница в прошлом?

— Да кто ее знает, но я ее возненавидела! Это ж надо выдумать — куры в траве...

— Идея довольно безвкусная, но не оригинальная.

Ну я тоже видала гномов, зайцев ставят, но там они не прячутся в траве, а тут на этот еврокитч русская безалаберность наложилась, и в результате — тяжелая травма.

— Ну хоть курица-то разбилась?

— Хренушки! Ничего ей не сделалось! Зато Роза так ругался, так орал!

— На тебя?

— На меня-то за что? На женушку свою! Меня они с Гришкой сразу уложили в машину, отвезли в больницу, мне там рентген сделали, сказали, что у меня еще и ноготь сойдет... А вот Гришка как резаный на меня орал...

— Это он с перепугу и от сочувствия.

— Да знаю я...

— А какая жена у Розы?

— Дура, куроманка!

— Куроманка? Хороший термин. Ну, а как она выглядит?

— А тебе зачем?

— Просто любопытно.

— Ну как тебе сказать, собственно, она никакая... Усредненная, я бы сказала, средневропейская. Блондинка, под пятьдесят, ухоженная, Роза верит, что она идеал хозяйки...

— Ну после твоей травмы вряд ли, у идеальной хозяйки траву бы выкосили.

— Я ж говорю... Больше я к ним не поеду, хватит с меня.

— Сама виновата, чего вздумала с собакой носиться? Сидела бы чинно-благородно, как полагается сорокалетней женщине...

— Ага, посидишь там, я чуть с тоски не сдохла. Она из себя светскую даму строит, а я, сама знаешь, как это люблю... И потом все светские новости у нее, по-моему, из журнала «Семь дней». Думаю, он изменяет ей на каждом шагу, и правильно делает, между прочим. Такие бабы созданы, чтобы им изменяли.

— Хорошая ты, Лерка, истинная христианка! — засмеялась я. — Ну забыла она траву выкосить вокруг курочки, а ты уж ее во всех смертных грехах винишь.

— Понимаешь, мне Роза очень нравится... — тихо призналась

Лерка. — Такой обаятельный мужик...

— Господи, Лерка, что я слышу, а как же Гришка?

— При чем тут Гришка? Я ж не в том смысле! Если хочешь знать, я вот что придумала — надо мне как-нибудь тебя с ним познакомить. Вдруг у вас что-то получится...

— Не было печали, черти накачали! Зачем мне нужны женатые Розы?

Лерка, а хочешь, я тебя удивлю?

— Есть чем?

— Не то слово!

— Олеська, миленькая, садись-ка в машину и подваливай ко мне. Меня надо навещать, я раненая...

Ага, как у Чехова: «Я человек болезненный, ревматический, я человек раненый...» А вообще неплохая мысль. Тебе чего-нибудь привезти?

— Мороженого, Олеська, знаешь мое любимое с шоколадной стружкой.

— Может, еще будут пожелания?

— Олесечка, пожалуйста, намекни, что за новости у тебя!

— Еще чего!

— Ну пожалуйста, а то я умру от любопытства.

— Вся ты не умрешь!

— Олеська, у тебя кто-то появился?

— Не появился, а реанимировался.

— Миклашевич, да?

— А ты почему знаешь?

— Просто я всегда знала, что эта история еще не исчерпана. А вообще, ну его, Олеська... Давай я лучше тебя с Розой познакомлю!

— Лерка, может, мне и приезжать не стоит?

— Стоит, стоит, Олесечка! Жду!

* * *

Я еще сидела у Лерки, когда позвонил Миклашевич с известием, что визы будут послезавтра, и послезавтра же мы вылетаем в Вильнюс... Я обрадовалась.

— Ну что? — требовательно спросила Лерка, уписывая уже третью вазочку мороженого.

— Лер, ты спятила, столько мороженого жрать? Все твои диетстрадания пойдут насмарку!

— Олеська, понимаешь, — таинственным шепотом произнесла Лерка, — Гришка сказал, что мне не мешало бы набрать килограмма четыре, можешь себе представить.

— Он прав, подруга.

— Гришка у меня золото! — вздохнула Лерка.

— Ты его подозреваешь всегда черт знает в чем, а у него даже Роза оказалась мужского пола.

Почему-то я не рассказала Лерке о своей встрече с Розой. Она не очень умеет держать язык за зубами, а мне не хочется, чтобы он разгадал мою загадку. Я почему-то была уверена, что жизнь обязательно еще столкнет нас... И рассказ Лерки о его жене, о его доме был мне даже неприятен.

— Это Миклашевич звонил?

— Он, — вздохнула я. И, чтобы перевести разговор, рассказала ей о приезде сестры. Это малоинтересная новость для светских знакомых Лерки.

Глаза Лерки наполнились слезами.

— Ну надо же... Как странно... Олеська, это же целый сюжет для романа. Представляешь, какие турусы на колесах можно развести...

— Что-то не вдохновляет...

— Ты не думай, я не проболтаюсь.

— Если б думала, не рассказала бы.

— Олесь, ну неужели ее не проняло?

Откуда я знаю? Меня самое поначалу так проняло, что я ничегошеньки не заметила, а потом вдруг как что-то стукнуло... И очень сильно стукнуло, должна сказать. Я потому и согласилась с Миклашевичем в Литву поехать...

— Так ты все-таки едешь с ним в Литву?

— Ага, еду.

— Олеська, это он под тебя клинья подбивает, потому что ты прославилась...

— Я тебя умоляю! — поморщилась я.

— А что? Я тут от нечего делать покопалась в Интернете, просто от скуки, и узнала, что ты... как это... ага, вспомнила: один из самых рулезных авторов...

— Каких? — поперхнулась я.

— Рулезных.

— И что это значит?

— Это круто!

— Почем ты знаешь?

— А я Степке позвонила, племянничку. Он сказал, что это круто! Правда, там было написано «я чуть не скопытилась, когда узнала, что Миклашевская один из самых рулезных авторов, на мой вкус это полный отстой».

— Это ты уточнила, чтобы я не задавалась? — рассмеялась я.

— Ничего подобного! — возмутилась Лерка. — Мало ли что думают недоразвитые компьютерные девицы. А ты сама в Интернет не лазаешь?

Почему, если надо что-то найти, конечно, но просто так — нет, это слишком похоже на всемирную помойку. Начитаешься таких высказываний, можно вообще веру в себя потерять.

— Глупости какие! Зато мы теперь знаем, что ты — рулёзная!

* * *

Вечером опять позвонил Миклашевич, просто так позвонил, поболтать. Это тоже не очень в его стиле, но чего только на свете не бывает... Болтать, впрочем, с ним приятно, он умный, с хорошим чувством юмора, если в добром расположении духа.

— Да, Митя, а как поживает Амалия Адамовна? — спохватилась я.

— Вполне прилично. Страшно обрадовалась, что я «восстановил отношения с этой милой Олесей». И взяла с меня слово, что я непременно привезу тебя к ней. Кстати, она читает все твои романы.

— Да? — слегка испугалась я. В своем первом романе о Миклашевиче я и ее вывела в образе тетки героя. Но, может, она себя не узнала?

— Олеська, скажи, у тебя сейчас есть кто-нибудь?

— А тебе какое дело?

— Фу, какая ты грубая! И все же?

— Есть, представь себе.

— И кто он?

— Ну уж это тебя совершенно не касается!

— Ты его любишь?

— Миклашевич, ты глухой? Еще один вопрос и я никуда не еду!

— Все, никаких вопросов больше, и так все ясно.

Я сочла за благо не спрашивать, что ему ясно. А мне было абсолютно ясно, что он попытается в Литве полностью восстановить наши отношения. Еще этот разговор о маме, которая в свое время и слышать обо мне как о невестке не желала. Зачем Митеньке зачуханная архитекторша без имени и с ребенком? Теперь же я у нее, можно сказать, «любимая писательница», к

тому же рулёзная, совсем другой коленкор. Но я вам не дамся, Миклашевичи!

* * *

Мы встретились в аэропорту.

— Извини, что не заехал за тобой, времени совсем не было, я всю ночь не спал, столько дел перед отъездом скопилось...

Вид у него и в самом деле был замученный.

— Тебе хорошо, ты умеешь спать в самолетах...

— Я дома выспалась, — безмятежно ответила я, твердо решив не поддаваться жалости и сочувствию. Не тот случай.

— Посиди тут, я пойду куплю виски.

Он, как и многие мужчины, никогда не летал трезвым.

— Не знаешь, какая в Вильнюсе погода? — спросила я.

— Это вы, бабы, вечно погодой интересуетесь. Зонтик взяла?

— Нет, забыла!

— Ну теперь уж точно там будет дождь...

— Пойду куплю.

— Не стоит, у меня есть зонт.

— Так то у тебя, а если у меня не будет своего, ты мне мозги проешь, что промок и простудился из-за своего джентльменства. Знаю я тебя, Миклашевич, так что я лучше куплю...

Я купила невероятно наглый зонтик — ярко красный в зеленую клеточку.

— А поскромнее не было? — ехидно поинтересовался он.

— Сколько угодно. Но мне понравился этот!

— Дело твое! — пожал он плечами.

— Вот именно! — зачем-то сказала я. Просто хотелось, чтоб последнее слово осталось за мной.

— Нас кто-то будет встречать? — любопытствовала я.

— Разумеется.

— Слушай, а что за люди эти заказчики? Литовцы?

— Да нет, сказать по правде, я их почти не знаю, мне их рекомендовал один мой приятель...

— А ты говорил, что это твои знакомые...

— Отвяжись, Олеська, у меня башка трещит...

Я отвязалась и стала решать кроссворд, буквально через пять минут он

заявил:

— Что за идиотское занятие! Почитала бы лучше, или ты уже как чукча, не читатель, а писатель?

— Вот именно, — невозмутимо отозвалась я.

— Слушай, как здорово, что мы опять куда-то летим вместе... — произнес он задушевно подвыпившим голосом.

— Посмотрим, — ответила я.

— Что посмотрим?

— Здорово или не очень.

— Фу, какая ты стала...

— Я тебе не навязывалась.

— Кошмар!

Но тут к счастью объявили, что самолет идет на посадку.

— Ты бывала в Вильнюсе?

— Да, в ранней молодости.

— А я был года два назад. Дивный город.

— Я Таллин гораздо больше люблю.

— Ну и дура!

— Возможно.

Похоже, он все время хочет вывести меня из себя, но у него ничего не получается и он злится. Какое счастье, что я все-таки освободилась от любви к нему. Ради того, чтобы в этом убедиться, стоило поехать куда угодно!

* * *

— Господин Миклашевич? — обратилась к нему какая-то женщина, едва мы вышли в зал.

— Совершенно верно, — обворожительно улыбнулся он. — С кем имею честь?

— Я Арина Розен.

Что? Или мне послышалось?

— О, очень приятно! Вот, познакомьтесь, это моя помощница, прекрасный декоратор Олеся.

— Ой, вы Олеся Миклашевская? — ахнула дама.

— Ну да... — смутилась я.

— Вы декоратор?

— Да, я когда-то работала с Дмитрием Алексеевичем и...

— С ума сойти! Я читаю все ваши книги!

— Спасибо, мне приятно...

— Меня зовут Арина.

— Отлично, Олеся, ты ни в каких рекомендациях не нуждаешься. Видите ли, Арина, мы тут недавно встретились с Олесей, и она показала мне свою новую квартиру. Я так восхитился ее вкусом, что тут же предложил поехать со мной сюда. Нам с Олесей всегда прекрасно работалось вместе.

— Замечательно, идемте скорее к машине. Я отвезу вас в пансион, и мы сразу поедem смотреть дом. А затем приглашаем вас на обед. Мэтью подъедет только к обеду.

— Мэтью? — переспросил Миклашевич. — Ах, это видимо Матвей Аполлонович?

— Да, я зову его Мэтью.

Интересно, она потребует, чтобы повсюду были куры? И что будет на обед, курятина во всех вариантах? Я почему-то сразу невзлюбила ее. Но какова моя интуиция? Я же точно знала, что жизнь столкнет меня с Розой... И что из этого выйдет? Но как бы там ни было, моей загадке конец... Хотя еще немного поиграть в эту игру можно будет, пока не выяснится мое знакомство с Гришкой и Леркой. Только я совсем не хочу связываться с этим проектом. Зачем мне общение с этой дамой? А впрочем, там видно будет. Может, она окажется очень даже милой? Хотя непохоже...

Она села за руль серого «Вольво». Миклашевич сел рядом, я устроилась сзади. Как ни странно, курочка на зеркальце не болталась, видимо, машина прокатная. Она уже включила зажигание, как вдруг Миклашевич заявил:

— Извините, Арина, я, пожалуй, возьму здесь машину напрокат. Не хочется без нужды вас беспокоить. Вы скажите мне, куда ехать, и я приеду вслед за вами.

— Ну, если угодно... Она нарисовала ему план.

— Олеська, ты там устраивайся и жди меня!

— Хорошо!

— Может, вы хотите пересесть вперед? — любезно предложила Арина.

— С удовольствием. Терпеть не могу ездить на заднем сиденье.

— Вы водите машину?

— Вожу.

— Какая у вас марка?

— Фольксваген-пассат.

— Простите за нескромность, Олеся, почему вы решили заняться дизайном?

— Миклашевич предложил мне этот проект, я заинтересовалась. Когда-то у меня была мечта — оформить загородный дом на берегу озера, — вдохновенно сочиняла я. — Вот он и вспомнил эту мою мечту.

— Ой, до меня только сейчас дошло, что вы Миклашевская, а он Миклашевич! Это наводит на мысли... — игриво заметила она. — Помоему, это неспроста...

— А если встречаются, к примеру, Иванова и Иваницкий?

— Тоже неспроста... — не сдавалась она.

— Может, вы и правы... А скажите, Арина, дом в каком состоянии?

— Вполне пристойном... Там был сделан ремонт еще до нас. Но Мэтью хочет кое-что перестроить, да и мне многое хотелось бы изменить... Знаете, это такое чудо... Сад... вид на озеро... Собственно, я и сама могла бы многое сделать, у меня со вкусом все в порядке, но Дмитрий Алексеевич сказал, что с дилетантами не работает... А его нам рекомендовали с самой лучшей стороны...

Она еще и бестактная... Я пока дома не видела, но мне уже дали понять, что я нагрузка к Дмитрию Алексеевичу... Дурак, болван!

Я промолчала.

— Извините, Олеся, а ваша работа вам не мешает... здесь ведь придется бывать довольно часто, чтобы следить...

— Ну, во-первых, я еще не взялась... Я не видела дома, я не знаю сроков и условий, так что говорить об этом преждевременно.

— Знаете, если вы все же согласитесь, и мы договоримся, я бы хотела, чтобы вы посмотрели мой... наш подмосковный дом. Я там все сделала сама... Хочу, чтобы вы поняли... мои предпочтения, что ли... Мой вкус, одним словом. Его ведь надо учитывать, вы согласны?

— Безусловно, но пока...

— Знаю, знаю, еще рано! — слегка смутилась она. — А когда выйдет ваша новая книга?

— Осенью.

— Ох, я жду — не дождусь! А как она будет называться?

— «Задрыга и Маркиз».

— О!

Эх, как мне хотелось сказать «Задрыга и Барон»!

— Олеся, как вы расцениваете пейзаж?

— Пейзаж? В каком смысле? — удивилась я.

— Ну окружающий пейзаж?

— А... Да, тут очень красиво.

Разве нормальный человек так спрашивает? Можно сказать по человечески: тут красиво, правда? Или, как вам здешний пейзаж? Тоже было бы нормально, а так... Впрочем, я наверное несправедлива...

Она свернула с шоссе на боковую дорогу, узкую, заросшую лесом.

— Нам уже осталось три километра, — сообщила она. — Очень, очень милый пансион, там отлично кормят, чисто, уютно...

— А вы живете в доме?

— Нет, там холодно и как-то неуютно пока. Мы живем на вилле у друзей.

Мы въехали в крохотный городишко или скорее поселок, невероятно живописный и очаровательный. И моему взору представилось дивной красоты озеро, по которому плыла яхта под белым парусом!

— Ох, какая прелесть!

— А наш дом вот там, видите, нет, левее смотрите! На берегу, левее церкви.

— Это довольно далеко отсюда, да?

— По шоссе семь километров.

— А по воде?

— Не знаю еще, я не люблю воду...

Тогда на фиг ей этот дом на озере? Престижно, что ли?

— Ну вот и ваш пансион.

«Наш пансион» представлял собой двухэтажный дом, построенный, видимо, в буржуазной Литве.

— Здесь когда-то до войны была гостиничка, потом какое-то учреждение вроде поселкового совета, а теперь вот пансион. Идемте!

Я взяла свою сумку и мы поднялись на крыльцо. К нам вышла пожилая дама с красивой сединой, похожая на экономку из английского фильма и на хорошем русском языке сказала с приветливой улыбкой:

— Добро пожаловать!

— Спасибо! Мой начальник скоро приедет, нам нужно две комнаты...

— Да, я знаю, но раз вы приехали первой, у вас есть право выбора. К сожалению двух комнат рядом у меня нет, одна внизу, вторая наверху. Удобства наверху тоже есть.

— В таком случае, я предпочитаю второй этаж.

— Идемте, вы сначала посмотрите...

Едва войдя в комнату на втором этаже, я воскликнула:

— Что бы ни было внизу, я хочу жить здесь.

Из окна открывался вид на озеро. Все было скромненько, но по-

прибалтийски чисто и уютно.

— Комната внизу немного больше, и там тоже вид на озеро.

— Неважно, мне нравится здесь.

— Ну что ж... Завтрак у нас с восьми до половины десятого. Обед с часу до трех, а ужин с семи до восьми.

— Сегодня наши гости обедают с нами! — сообщила Арина.

— Как вам угодно.

Дом стоял в небольшом саду. Мы с Ариной спустились туда и сели в беседке в ожидании Миклашевича. Пригревало нежаркое солнышко, пахло травой и озером... Мне не терпелось увидеть Розу, посмотреть, что отразится у него на физиономии. Арина все время говорила что-то, что должно было убедить меня в том, что она светская дама. Правда, я не могла ей соответствовать, ибо более не светской дамы, чем я, и не найти. Ну куда же запропастился Миклашевич?

Арине кто-то позвонил. Поговорив немного с какой-то Люней, она обратилась ко мне:

— Олеся, простите ради Бога, я должна вас часа на полтора покинуть. Мне надо срочно сделать одно дело. Давайте договоримся, что я приеду за вами... Ну, скажем в половине третьего. Надеюсь, Дмитрий Алексеевич к тому времени уже приедет.

— Хорошо, запишите мой мобильный телефон... Она умчалась, а я вздохнула с облегчением, почему-то мне при ней было душно.

Я сидела в беседке, не сводя глаз с озера. Вода это моя стихия. Когда-то в детстве Юлька все не могла оттащить меня от воды, и потом жаловалась бабушке, что Олеська ненормальная, все время таращится на воду. Помню, дело было в Эстонии, в Пярну, бабушка ответила: «В моем роду были два художника-мариниста, может быть Олеся в них пошла». Но хотя я недурно рисовала, вода как раз совсем не получалась и было ясно, что маринистки из меня не выйдут. Но смотреть на воду люблю по сей день. И куда в самом деле запропастился Миклашевич? Конечно, я могу позвонить ему, но мне неохота. Кто знает на что нарвешься? Зачем? Да и вообще не надо баловать его излишним вниманием. Меня вдруг стало клонить в сон. Я поднялась в свою комнату и прилегла на диванчик. Куда и зачем меня занесло? Да еще с Миклашевичем... Мне что, мало?

Впервые я увидела его в Архитектурном институте. Он преподавал там и многие девушки были от него без ума. Чем, по слухам, он нередко пользовался. Вообще, о нем ходила масса слухов... Но мне как-то не пришлось с ним столкнуться. Потом он вдруг ушел из института. Кажется, вышел какой-то скандал... И я о нем забыла. Прошло много лет, я окончила

Архитектурный, работала в умирающем проектно-институте за поистине символические деньги, разрываясь между сыном, матерью и работой. И вдруг кто-то сказал мне, что Миклашевич организовал частную архитектурную мастерскую, тогда еще опасались слова «фирма», и набирает архитекторов. Я решила рискнуть. Помимо маленькой зарплаты, меня мучила дикая скука, а тут открывались хоть какие-то перспективы... Чем черт не шутит. У него тогда уже был офис — двухкомнатная квартира на первом этаже в Кузьминках. Прихожая была превращена в крохотную приемную, а малюсенькая кухня в кабинет начальника. Секретарша, точно такая как все секретарши первых лет перестройки — длинноногая сексапильная блонда, показалась мне несоразмерной тесноте этой приемной, и мне стало смешно. Она ввела меня в кабинет Миклашевича. Он встал мне навстречу, что меня обрадовало. По крайней мере он хорошо воспитан.

— Дмитрий Алексеевич, — представился он.

— Олеся.

— А что это вас так рассмешило, милая барышня?

— Да секретарша ваша как-то великовата для своей приемной. Пропорции подгуляли.

— Что? — опешил он. И вдруг расхохотался как сумасшедший. — Знаете, — он максимально понизил голос: — Я все время это чувствовал, но не отдавал себе в этом отчета. Вы молодчина! Итак, что мы имеем?

Я протянула ему свой диплом.

— Миклашевская? С ума сойти! Странно, я вас не помню. Не мог же я пропустить студентку с такой фамилией. Ах да, я же первокурсникам не читал лекции, а потом ушел... Видно, это судьба... — он смотрел на меня с явно мужским интересом, а я съезжилась под его взглядом. Мне казалось, что не может такой роскошный избалованный мужик заинтересоваться такой зачуханной, плохо одетой бабенкой.

— Знаешь что, собственно говоря, архитекторы мне уже не нужны, а вот секретарь... Ты хоть какой-то иностранный язык знаешь?

— Да, немецкий и английский.

— А компьютер?

— Знаю.

— Отлично!

— Но у вас ведь есть секретарь...

— Она никуда не годится, это раз, и потом ты справедливо заметила, что у нее пропорции не для нашего офиса... к тому же она непроходимая дура и ничего не знает об архитектуре. Тебе не в падлу будет поработать

секретарем хотя бы два — три месяца? Я буду платить тебе... Ну, скажем пятьсот долларов, как-никак два языка и компьютер... — он испытующе смотрел на меня.

Пятьсот долларов в те годы были поистине гигантскими деньгами, о такой секретарской зарплате я и не слыхала никогда... даже предлагая себя как архитектора, я ни на что подобное не смела рассчитывать... К тому же все всегда говорили, что у Миклашевича даже заяц научится проектировать...

— Ну что, согласна?

— Я... согласна, да... Но как-то неудобно перед этой девушкой...

— Я все равно собирался ее уволить, ты здесь ни при чем. И не вздумай обижаться, что я беру тебя на должность... не соответствующую твоему диплому. Диплом, знаешь ли, еще ни о чем не говорит. Одним словом, теперь все в твоих руках. Как проявишь себя...

Нет, мне, видимо, просто показалось, что он смотрел на меня, как на женщину, ничего подобного, да и с чего бы... Рядом с секретаршей я просто серая мышка... А с ней он, наверное, спит и не хочет, чтобы все знали... Но за пятьсот долларов меня не убудет. Поработаю секретаршей, подумаешь...

Я тогда уже опять переехала к маме, и она взяла на себя Гошку. Ее выпроводили на пенсию, и она была рада, ибо никак не могла понять, что же происходит вокруг.

Я примчалась домой окрыленная, но, Боже, какой ушат холодной воды вылила на меня мать...

— Ты с ума сошла! Ты архитектор, профессионал, ты работала в государственном институте, и теперь меняешь это на работу секретуткой в частной лавочке! За что он будет платить тебе такие бешеные деньги, за какие услуги? Ты что, не соображаешь? Как можно настолько не иметь гордости!

— Мама, мне надо сына растить!

— Ничего, как-нибудь вырастим! Моя пенсия, твоя заплата...

— Моя зарплата и твоя пенсия — это вообще отрицательное число! И никакой я еще не архитектор! А у Миклашевича я всему научусь, он профессионал высочайшего класса!

— А ты вообще уверена, что его не посадят через месяц, твоего Миклашевича?

Я почему-то взбесилась.

— Ну если ты на него не донесешь...

Она побелела, но ничего не ответила. Больше этот разговор она не

поднимала.

Как ни странно, мне понравилось работать секретаршей. Я легко справлялась со своими обязанностями, и надо отдать должное Миклашевичу, он вел себя со мной более чем корректно, да и вообще оказался невероятно обаятельным. Кроме меня, женщин в конторе не было, да и весь штат состоял из пяти человек. Но иногда у него словно крышу сносило, он ни с того, ни с сего начинал орать на кого-то, стучать кулаком, потом в изнеможении запирался в кабинете, а после делал вид, что ничего не произошло. Его любили, но при первой же возможности уходили, слишком он был непредсказуем. Я проработала уже полгода, и он еще ни разу на меня не орал. Правда, я очень старалась. В свободное время, а оно у меня частенько бывало, я заглядывала в проекты, которыми занималась наша фирма, мне было интересно. Однажды я заболела гриппом и неделю не была на работе. Когда я пришла, то застала Миклашевича одного, в жутком мраке.

— Ну слава Богу! — пробурчал он при виде меня.

— А где все? — поинтересовалась я.

— А нет никого! Мы с тобой вдвоем остались.

— То есть как? — опешила я.

Я всех выгнал к чертям собачьим. Работы сейчас мало, хватит и нас с тобой! Одевайся, поедem на объект. В конце концов, пора работать по специальности! Имей в виду, отныне я архитектор, ты — декоратор. Справишься с этим проектом, буду платить штуку в месяц и процент от гонорара. Не справишься — иди гуляй.

— А как же...

— Секретарские обязанности сейчас мизерные, справишься.

Я была рада до смерти — наконец-то у меня появился шанс показать, на что я способна! Хотя меня и мучил страх — а вдруг я не справлюсь?

Мне еще в институте хотелось именно этого — не строить, а украшать дома. И вот такой шанс... К тому же я давно и безнадежно была влюблена в Миклашевича, несмотря на его кошмарный характер. Я видела, как взамен уволенного человека появлялся новый. После разговора в кабинете Миклашевича претендент выходил пьяный от счастья, от открывшихся перспектив, от возможности работать самостоятельно... Но проходил месяц, иногда меньше и этот человек либо сам уходил, либо его выгоняли с шумом и треском. Я понимала, что иногда Миклашевич был прав, но редко. В основном он был просто чудовищно несправедлив. Он хотел, чтобы каждый сотрудник был его вторым воплощением, но разве такое бывает? Один парень, очень талантливый и приятный, сказал мне, прощаясь:

— Олесь, уходи от него! Он же, как паук — затягивает всех в паутину своего обаяния, а потом убивает...

Я в тот момент была даже склонна с ним согласиться, но я ведь уже потеряла голову, хотя мне ровным счетом ничего не светило. Миклашевич был женат. Жена, красивая, элегантная женщина, прекрасно умела им управлять. Я про себя называла это «дистанционным управлением» — она подолгу жила за границей. Правда, вскоре я обнаружила, что он, всегда весьма уважительно отзываясь о своей жене, изменяет ей направо и налево. Ну и при чем здесь я? Однако он вопреки ожиданию высоко оценил мои предложения по оформлению дома какой-то эстрадной звездочки...

— Молодчина, у тебя отличный вкус и чувство стиля, к тому же никакого гонора, с тобой приятно иметь дело...

Мы подружились. Он часто приглашал меня ужинать в ресторанчик «Сивая кобыла» неподалеку от нашего офиса. И изливал мне душу, что-то рассказывал, вспоминал, меня практически ни о чем не спрашивал. Да мне и не надо было. Я с наслаждением слушала его. Он был умен, прекрасно образован, у него беспрерывно возникали блестящие оригинальные идеи, хотя иной раз мне казалось, что его заносит, но я, разумеется, помалкивала. Однако главной его чертой был фантастический эгоцентризм. Но я все ему прощала, потому что мне было с ним невероятно интересно, как с профессиональной точки зрения, так и вообще. В какой-то момент я отчетливо поняла, что он ко мне равнодушен, однако никаких попыток сближения он не делал. Хотя я частенько замечала, что женщины при упоминании его имени как-то нехорошо ухмыляются. Мне всякий раз казалось, что меня ошпарили кипятком. Странно, неужели я просто выдаю желаемое за действительное? Но однажды я уехала на две недели в отпуск с сыном и поняла, что пропадаю. Я каждую минуту думала о нем... Мы с Гошкой жили на даче у моих друзей в Крыму и однажды, гуляя по набережной Ялты, я увидела старика, продающего смешные маленькие парусники. Я вспомнила рассказ Миклашевича, о том, как в детстве он мечтал быть пиратом и вместе с другом делал парусники... Я купила эту игрушку. Потом мне стало стыдно, что я купила парусник не Гошке, а чужому дядьке. И отдала парусник сыну, но тот абсолютно им не заинтересовался. Повертел в руках и забыл, его куда больше занимали машинки. И когда я вернулась, Миклашевич пригласил меня поужинать. Разумеется, я подарила ему парусник. Его реакция меня поразила! Он так несказанно обрадовался, растрогался, развеселился. Все время вертел мой подарок в руках, объяснял, где какой парус...

— Олеська, ты чудо... — произнес он вдруг, пристально глядя мне в

глаза. — И я, кажется, тебя люблю...

— Когда кажется, креститься надо, — отшутилась я испуганно.

Он перекрестился, правда, как-то неумело, прислушался к себе и сказал:

— Не помогло!

У меня сердце ушло в пятки.

* * *

... Внезапно мои воспоминания прервал стук в дверь.

— Олеська, дрыхнешь?

— Входи!

— О, какой отсюда вид! А где эта мымра?

— Почему мымра? — засмеялась я.

— Не знаю, просто есть в ней что-то мымристое. Так где она?

— Обещала скоро позвонить.

— Ну чего ты валяешься? Смотри, какая погода. Пошли, искупаемся!

— Не выдумывай, вода холодная.

— Тогда позагорает! Надо пользоваться моментом. Вставай, вставай, я хочу кофе! Можем пообедать внизу, хозяйка предлагала.

— Но мы же вроде приглашены на обед...

— Знаешь, я есть хочу, а когда этот обед еще будет. У меня в детстве была нянька, которая всегда говорила: «Ты сперва нажрися, наприя, а потом ступай в гости!»

Я вдруг тоже проголодалась.

Обед был чудесный — протертый овощной суп, необыкновенно нежный и вкусный, жареная свежая рыба и какой-то фантастический десерт со взбитыми сливками.

Мы успели все съесть, а Арина все не звонила. Миклашевич закипал.

— Могла хотя бы позвонить, что это за хамство? Если через два часа она не появится, мы уезжаем. С такими людьми нельзя иметь дело.

И в этот момент раздался звонок.

— Извините ради бога, мой муж куда-то пропал... Я через десять минут заеду за вами...

— Не торопитесь, мы уже пообедали! — холодно произнес Миклашевич, забрав у меня трубку.

Было слышно, как она что-то лопочет.

— Я ж говорю, мымра! — сердито буркнул Миклашевич. — Муж

пропал! Куда он денется! Загулял, небось, он, видишь ли, с утра уехал с другом на рыбалку. Как будто без него нельзя посмотреть дом... Идиотка!

— Митя, не злись. Ты уже пообедал, расслабься!

— Я сюда не расслабляться приехал, мое время дорого! Да и твое тоже! А этот барон тоже хорош! Если договорился с людьми, какая на фиг рыбалка? Черт знает что! Не хочу я с ними никаких дел иметь! Давай прямо сейчас уедем!

— Миклашевич, остынь! Барон-то нашелся?

— А черт его знает, я не понял!

— Ну ты даешь! А вдруг он утонул?

— Ну, если утонул, это его извиняет...

— А если нет?

— Если нет, тогда пошел он к дьяволу! А вот и мымира! И барон с нею! Не утонул, голубчик!

Я выглянула в окно. Арина уже взбегала на крыльцо, а Роза стоял у машины и курил. Мы вышли на крыльцо.

— Извините нас, пожалуйста, так неловко вышло... Вы действительно отказываетесь от обеда?

— Действительно! Наше время дорого, мадам! Едем сейчас смотреть дом.

Когда Роза увидел меня, у него буквально отвисла челюсть.

— Познакомься, Мэтью, это госпожа Миклашевская, известная писательница, а в прошлом архитектор. Она будет нашим дизайнером!

— Простите, мадам, в нашей среде это называется декоратором! — холодно поправил ее Миклашевич, обмениваясь рукопожатием с Розой.

— Ох, да какая разница, впрочем, как угодно, — пробормотала Арина.

— Прошу меня простить, я на рыбалке так увлекся, что позабыл обо все на свете. Здравствуйте, я очень рад! — сказал он, пристально глядя мне в глаза, и не поцеловал, а пожал руку. — Мы где-то встречались? Мне знакомо ваше лицо...

— Да нет, по-моему, не встречались, — сказала я и подмигнула ему. Зачем и сама не знаю. Просто из хулиганства.

Миклашевич захотел ехать на двух машинах, чтобы ни от кого не зависеть.

— По-моему, ты его сразила наповал, этого барона, — усмехнулся он, пристроившись в хвост «вольво».

— Глупости! Я не из тех женщин, что сражают на повал.

— Вообще-то правда, но бывают исключения. Только не вздумай завести с ним роман.

— А почему, собственно?

— Ну, во-первых, я этого не хочу, а во-вторых, Арина не допустит. Она, знаешь ли, из разряда «щука-пикант».

— Миклашевич, ты как всегда непоследователен. То она мымра, то вдруг щука-пикант. Кстати, первый раз слышу такое определение.

— Неужели? Для писательницы это непростительно.

— Возьму на вооружение!

* * *

В дом я влюбилась сразу. Он стоял на взгорке над озером, а вокруг заросли черемухи. Все было запущено и до ужаса романтично.

— Миклашевич, это чудо!

Это чудо потребует столько трудов... И денег, кстати. Не уверен, что они на это пойдут, тетка, по-моему, прижимиста. Так что особенно губу не раскатывай! — шепотом посоветовал он.

— Вся эта земля ваша? — спросил он у Матвея.

— Да, дом я получил, а землю пришлось купить. Мне, собственно, столько и не нужно, но продавали весь участок целиком. Но в этом есть своя прелесть, да и выгода тоже.

— Да, если через несколько лет продать все вместе, можно недурно заработать, — заметил Миклашевич. — Ну-с, пошли внутрь.

Изнутри дом являл собою зрелище жалкое до слез.

— М-да, — сказал Миклашевич, — если здесь и водятся привидения, то весьма убогие.

— И слава Богу! Никакие рыцари не будут бряцать доспехами, к тому же я не уверен, что привидения водятся в столь жалких помещениях. Хотя, об этом лучше спросить писательницу, — улыбнулся новоявленный домовладелец.

— Ну, писатели куда хотите могут поместить призраков, не проблема! — засмеялась я.

Арина и Миклашевич направились в подвал.

— Послушайте, откуда вы меня знаете? — поспешно прошептал Роза. — Что это был за розыгрыш?

— Это моя писательская тайна.

— Вы меня интригуете?

— Да!

— Это вызов?

— Боже упаси!

— Олеся! Где ты? — донесся громкий голос Миклашевича. — Иди сюда, посмотри!

* * *

Черт побери, что за игры в самом-то деле? И зачем Арине понадобилось приглашать сюда эту письменницу? Что она может? Или она попросту любовница этого архитектора? Говорят, он великолепно отреставрировал дом Матевосяна и вообще мастер своего дела. Возможно, конечно, но при чем тут писательница? И зачем эти дурацкие игры? Чего ей от меня надо? А она интересная, что-то в ней такое есть... Не красавица, отнюдь, но... Но она же явно со мной заигрывает... Или мне просто этого хочется? Конечно, хочется... Еще как хочется! Но я не хочу, чтобы она занималась моим домом... Это лишнее, только мешать будет... Надо уговорить Арину отказаться от их услуг под любым предлогом... А потом в удобный момент подкатиться к Олеся. А то если в отношениях замешаны деньги, как-то некрасиво получится. Помню, я еще в школе учился, мой двоюродный братец учил меня уму-разуму: «Имей в виду, Матвей, не заводи девчонок ни в школе, ни на работе и запомни раз и навсегда: „Не люби жену у брата и блядей из аппарата“. Надо пойти посмотреть, что они там делают... Обалдеть, второй раз вижу ее, а уже ведусь за ней как осел за морковкой... Какая она там писательница я не разобрал, как-то неохота мне читать, какие женщины несчастные, и какие сволочи мужики. Арина, оказалось, тоже ее читает. А мне просто хочется затащить ее на сеновал, задрать юбку и...

— Мэтью, поди сюда!

Как я ненавижу это «Мэтью», скрипнул он зубами. Тоже мне аристократка нашлась... Мэтью!

Он недовольно направился в кухню, откуда его звали.

* * *

Миклашевич тщательно облазил все углы и закоулки старого дома, поглядел чертежи и поэтажный план, полученный хозяином вместе с правами на дом, и сказал:

— Господа, я должен изучить все подробно, на это мне понадобится,

как минимум три дня, затем я составлю смету, сообразуясь с местными ценами, так будет дешевле, правда, я не уверен, что смогу найти здесь мастеров по всем специальностям, но попробую. У меня неплохие связи с литовскими фирмами, а главное есть замечательный парень-подрядчик, он живет в Каунасе. Если я с ним свяжусь, и он согласится, то больших проблем не предвидится, технически дом во вполне приличном состоянии. Короче, через неделю, самое большее дней через десять я дам вам окончательный ответ.

— Извините, вы сказали, подрядчик... — нерешительно подала голос Арина.

— Ну да, а что вас смущает?

— Ну, я думала, вы сами будете руководить?

— Разумеется, я буду делать, так сказать, творческую часть проекта, а уж наблюдать за рабочими, это, как говорится, не мой профиль.

— Но мне сказали...

— Отлично! Великолепно! — взорвался Миклашевич. — Вам, судя по всему, нужен прораб, а не архитектор. Видимо, мы просто не поняли друг друга. В таком случае...

— Нет-нет, прошу прощения, — вмешался вдруг Матвей. — Нам нужен именно архитектор, дом нуждается в перепланировке и притом существенной. Прошу вас, успокойтесь, занимайтесь всем, что вы сочтете нужным. Разумеется, наблюдать за рабочими должен прораб, а не архитектор с таким именем...

Арина метнула на мужа удивленный взгляд, видимо, он редко вмешивается в подобные дела. А Миклашевичу понравилось замечание Розы.

А я уже мысленно видела этот дом... Надо снести к черту кое-какие стены, сделать по возможности большой и высокий холл...

— Скажите, а сколько комнат вы хотели бы иметь в доме? — обратилась я к Розе. — Вернее, как говорят за границей, сколько спален?

— Не меньше пяти! — ответила за него Арина.

— Зачем столько? — удивился ее супруг.

— К нам будут приезжать гости, иначе здесь можно сдохнуть с тоски! А что, вы хотите все снести?

— Ну, я пока только прикидываю, но мне кажется, что стоило бы сделать большой холл и значительно увеличить кухню.

— Кухню вообще надо объединить со столовой, как это теперь принято, и она обязательно должна быть очень светлой, с французскими окнами, вообще, я бы хотела везде французские окна! Это так красиво,

элегантно и аристократично...

— Простите меня, но, по-моему, здесь климат не очень подходящий для французских окон. А вы собираетесь жить здесь круглый год?

— Нет, конечно.

— Тогда это, по меньшей мере, непрактично.

— Олеся, не увлекайся пока! — одернул меня Миклашевич.

— Можно вас на минуточку? — спросил, подойдя ко мне, Роза. Он отвел меня в сторонку. — Я вас умоляю, не надо объединять кухню со столовой. Мне кажется, здесь это неуместно. Здесь я хотел бы что-то более традиционное, что ли...

Я обрадовалась.

— Да, конечно, я вижу здесь просторную кухню, немного в старинном духе, конечно, со всеми современными прибабасами, так сказать, и все же... Скорее темную, с красными деталями, к примеру, красные поставцы с белыми тарелками, может быть, даже с очагом, тяжелый большой стол, стулья тоже тяжелые с вышитыми подушками, а вот столовая должна быть полным контрастом: светлая, легкая, изящная.

Он как-то грустно на меня смотрел. Я осеклась.

— Впрочем, это лишь сиюминутные идеи. Там будет видно.

— Очаг это хорошо, — улыбнулся он.

На мое плечо опустилась большая рука Миклашевича.

— Уже фонтанируешь?

— Да нет, просто...

— Нам, пожалуй, пора. До встречи в Москве! — сказал он, решительно пожимая руку хозяину. — Мы подумаем, посоветуемся и представим план и смету.

— Простите ради бога, что из-за меня не состоялся обещанный вам обед, так, может быть, поужинаем вместе? — предложил Матвей Аполлонович.

— Извините, но у нас на вечер свои планы... А завтра мы уже уедем, совсем нет времени.

Интересно, он же собирался пробыть здесь дня три. Что бы это значило?

— Жаль, а я хотел утром повезти вас на рыбалку, тут такие места...

— О, рыбалка не для меня! — засмеялся Миклашевич. — Я через пять минут готов сломать к чертям все удочки.

— Кто говорит об удочках! А на блесну вы не пробовали?

— Да нет, я не рыбак!

— Вы охотник?

— Да, но только на очень крупную дичь! — усмехнулся Миклашевич.
В его голосе мне послышался вызов. Подошла Арина.

— Жалко, что вы так спешите, мне казалось, что нам стоило бы поближе познакомиться, чтобы вы поняли наши устремления.

— Мы встретимся в Москве и решим, стоит нам интересоваться вашими устремлениями или нет.

Она даже побледнела от его хамства. Он что, с ума спятил?

Когда мы сели в машину, я спросила:

— Митя, ты что рехнулся?

— Ты о чем?

— Что за тон, как ты с ней разговаривал!

— Все нормально, Олеська, просто я хочу, чтобы она сама отказалась от моих услуг.

— Зачем? Ты не хочешь делать этот дом?

— Да ни за что!

— Но почему?

— По кочану!

— А конкретнее нельзя?

— Ну не нравятся они мне, особенно она, хотя и он тоже гусь. Зачем мне выслушивать ее идиотские пожелания, что может быть хуже снобизма плебейки?

— Бред какой-то! Ты вполне мог бы спокойно поставить ее на место, в конце концов вмешивалась бы она не столько в твою, сколько в мою работу! А мне безумно понравился этот...

— Я так и понял, потому и отказался.

— Что ты понял?

— Что тебе безумно понравился этот барон!

— Да при чем тут барон? — заорала я. — Мне дом понравился. Я так и вижу его...

— Да черт с ним, с домом, я не хочу!

— Можешь объяснить почему?

— Могу, но не желаю. Много чести!

— Кому? Мне?

— Всем.

— Боже мой, как я могла опять наступить на те же грабли, идиотка! Все, Миклашевич, больше никаких разговоров про брэнд, про запасной аэродром, это все мое сугубо личное дело, тебя эти вещи не касаются!

Я была в ярости.

— Слушай, Олеська, ты чего бесишься, так уж этот мужик тебе

глянулся? Чем он лучше меня?

— Миклашевич, ты глухой? Мне понравился дом, понимаешь, дом! Я еще студенткой мечтала работать над таким объектом...

— Да ладно, найду я тебе другой дом, без барона...

— ... твою мать! — только и сумела сказать я.

— Чего ты ругаешься? Я же не слепой, он явно положил на тебя глаз...

— А даже если, тебе-то какое дело?

— Ты мне не безразлична, а тут тебя ждали бы большие неприятности.

— Так меня же, не тебя! Да и какие к черту неприятности, ты, видимо, просто испугался, что тебе...

Он не дал мне договорить.

— Я испугался? Да чего мне-то пугаться? Хотя... если честно, то я действительно испугался... за тебя. Эта баба легко сживет тебя со свету. Как представит себе, что ее благополучию что-то угрожает...

— Слушай, Митька, — вдруг рассмеялась я, — ты что, хочешь непременно свети меня с этим Розеном?

— Я?

— Ты, ты! Ты так упорно твердишь, что он положил на меня глаз, что я могу ведь и заинтересоваться им. А что, он мужик еще не старый, очень привлекательный, вероятно, не бедный, чем не любовник? Надо будет рассмотреть его кандидатуру...

Он вдруг побелел и скрипнул зубами.

— Идиотка! Блядь!

— Миклашевич, ты что, ревнуешь? — обалдела вдруг я от догадки.

— А хоть бы и так! И вообще, Олеська, давай-ка, выходи за меня замуж. Хватит нам, нагулялись уже, пора гнездо вить.

У меня отвалилась челюсть.

— Мить, ты меня за сумасшедшую держишь?

— Отнюдь. Но ты же любила меня... И я... тоже.

— Любила, не отрицаю, но когда это было?

— Олеська, поехали покатаемся на лодке, вечер такой чудный.

— Нет, я не хочу никуда с тобой ехать. И вообще, что-то Гошка мне сегодня не звонил.

— А он что, каждый день звонит?

— Представь себе. Странно, телефон не отвечает.

— Позвони на мобильный.

— Я и звоню на мобильный.

— Может, он забыл его зарядить. Или не заплатил вовремя, потратил денежки на мороженое или на презервативы.

— Что? Ты спятил?

— Почему? Парню уже четырнадцать, пора уж девок трепать... Я в его годы...

— Я не желаю знать, что ты в его годы... Это совсем другой случай!

— Да почему другой? Нормальный здоровый парень в четырнадцать лет должен уже... Кстати, для Георгия сейчас мужчина в доме тоже будет полезен.

— И ты полагаешь, я буду жить с тобой в одном доме?

— А чем плохо? Мы с тобой прекрасная пара, с Гошкой я всегда найду общий язык... Ты подумай, подумай, твоя квартирка, конечно, очень милая, но это же так, гарсоньерка, что называется. А оставлять мальчишку с твоей полоумной мамашей по меньшей мере неразумно. А мы будем жить семьей, у меня теперь дом большой. Да и тебе за городом жить полезно, и работать там хорошо. Со всех сторон отличное предложение. Подумай несколько деньков... Ладно, я что-то устал, пойду спать. Завтра у нас самолет в пять вечера, так что погуляем, поездим по окрестностям.

— Подожди, ты что, сразу взял билет?

— Ну да, как только приехали, я отправил тебя с этой мымрой, а сам взял билеты и машину. Мне сразу она не понравилась.

— И ты не будешь делать смету и план?

— А зачем, если я не хочу?

— Так надо было сразу отказаться, зачем морочить людям голову?

— Кстати, они меня тоже сразу невзлюбили. Этот барон из ревности, а его баронесса...

— А баронесса за твое дикое хамство.

— А она не хамка?

— Да вроде нет...

— Хамка, хамка, я сразу это просек. Ну все, спокойной ночи, и подумай над моим предложением.

С этими словами он удалился в свой номер. Нет, он конечно просто псих и думать над его предложением я не собираюсь.

* * *

— Знаешь, Мэтью, я не хочу иметь дело с этим Миклашевичем. Он хам и дилетант!

— Дилетант? — удивился Матвей Аполлонович. — Мне его рекомендовали как профессионала высочайшего класса. А что касается

хама... то тут, пожалуй, я соглашусь. Но все, что он предлагал, показалось мне интересным. И, кстати, идеи твоей любимой писательницы были очень недурны.

— Именно в писательнице все и дело. Он так жаждет приобщить ее к архитектуре, что это кажется подозрительным. И вообще, пусть каждый занимается своим делом.

— Как, по-твоему, между ними что-то есть?

— А тебе не все равно? — насторожилась Арина.

— Абсолютно все равно, просто любопытно.

— Есть, есть, и тебе там вряд ли что-то светит.

— Господи, о чем ты? — поморщился он.

Я заметила, как ты на нее посматривал... мне слишком хорошо известны эти твои взгляды... Но во-первых, этот Миклашевич за нее глотку перегрызет, а во-вторых, она совсем не в твоём вкусе. Да и вообще... Если что в ней есть, так только имя. Писательница она неплохая, а женщина совсем неинтересная. Фигура не ахти и одета как-то... И главное, носит бижутерию.

— А чем это плохо? По-моему, сейчас это модно...

— Но не в ее возрасте и не с ее положением.

— Это уже становится интересным, — усмехнулся Матвей Аполлонович. — По-твоему, она должна была нацепить на себя драгоценности, собираясь в литовскую глушь? Это было бы верхом безвкусицы!

— Значит так, завтра утром ты позвонишь ему и скажешь, что он может не беспокоиться, мы в его услугах не нуждаемся. Вполне достаточно, что мы оплатили им перелет и пансион.

— Позвони лучше сама.

— Ты мужчина или кто?

— В данном случае или кто. Потому что я бы лично поручил им этот дом. Мне их идеи понравились, но дело, безусловно, твое.

— Хорошо, я сама позвоню. А архитектора можно найти не только в Москве, а, к примеру, в Швейцарии или в Германии, или даже тут, в Литве. Кстати, это обойдется дешевле. Местные архитекторы больше понимают в здешних природных условиях...

— А что ты станешь говорить своим приятельницам? Миклашевич это ведь считается престижным, а какой-то неведомый литовец...

— Ничего, я сумею сделать так, что литовец станет куда престижнее Миклашевича! Хам!

Вот и славно, подумал Розен, к чему нам встречаться на глазах Арины?

В том, что они будут встречаться, у него сомнений не возникало. В-первых, при виде ее опять «ворохнулось» сердце, а во-вторых, в ее глазах он заметил ответный огонек. Правда, возможно, Арина тоже все это заметила и именно потому решила отказаться от услуг Миклашевича. И все же, что их связывает, Миклашевича и Миклашевскую, кроме общей профессии и сходства фамилий? Непохоже, что у них роман, хотя этот наглый тип смотрит на нее так... Но она ему, кажется, не отвечает... А впрочем, кто их разберет, этих баб. Он и вправду хамоват, зачем ей такой? Я уведу ее у него, чего бы мне это ни стоило! В молодости ни одна девчонка не могла передо мной устоять, особенно, когда я носил форму.

И он погрузился в лирические воспоминания о годах учебы в Оренбургском летном училище. Особенно нежно вспоминалась юная Иринка, медсестричка из госпиталя, куда он угодил с пневмонией. Она называла его ласково — Розочка, и почему-то ему это нравилось... Ох, как он намучился тогда со своей фамилией, помог только тот факт, что отец был Героем Советского Союза, участником боев за Берлин... Кроме отца с подозрительной фамилией, была еще еврейская мама Мириам Савельевна, тоже начинавшая медсестричкой, она выходила отца уже в мирные годы, когда он покалечился на испытаниях... Какой страшной тайной было его баронское происхождение... А отцу, когда он женился на матери, пришлось перейти в Гражданскую авиацию... Однако при такой неблагоприятной анкете ему все же удалось поступить в Оренбургскую «лётку». «Имей в виду, Мотька, — сказал ему тогда отец, — ты должен быть лучше всех!» Отец вообще был максималистом. Лучше всех Матвей не был, но и фамилию не посрамил. Он после училища летал всего два года, а потом у него вдруг обнаружили туберкулез легких и какие уж тут полеты. Его долго, скучно и безуспешно лечили, и тогда в дело вступила мама Мириам Савельевна, к тому времени ставшая прекрасным врачом. Она забрала сына и увезла в тайгу, к брату Илье, леснику с медицинским образованием. Человек сложной судьбы, одинокий волк, как называла его мама, он взялся вылечить племянника, совершенно захиревшего от антибиотиков и стандартного лечения в госпиталях. Дядя Илья сразу оценил веселый и неунывающий нрав Матвея, но сказал: «Мириам, ты уезжай. Нам тут совершенно не нужны бабьи антимионии. Ты хоть и врач, а все одно баба. Не беспокойся, раз в месяц я буду тебе писать и давать полный медицинский отчет. Перспективы хорошие, он ведь у нас оптимист, Мотька. Оптимистов эта, с косой, не любит, она все больше к нытикам льнет... Ты слава богу вовремя спохватилась». И мать, как ни странно, послушалась брата, уехала. А дядя Илья взял Матвея в оборот. Они вместе

ходили далеко в тайгу за травами, поначалу Матвей еще еле таскал ноги, но постепенно стал набираться сил. Травы, мед, какие-то мерзкие на вкус снадобья, простая, но здоровая пища и свежий воздух делали свое дело. К тому же дядя Илья был удивительно интересным человеком, знавшим, казалось, все на свете, но люто ненавидевшим советскую власть.

— Я из-за нее и окопался тут, в тайге...

— Но ведь тебе все равно приходится с нею сталкиваться...

— Да, но минимально все-таки... И потом, тут у нас врачей почти нет, а меня как врача уважают. Я как-то жену секретаря обкома спас, с тех пор у меня вроде как охранный грамота... Лучше я здесь в тайге один буду жить, чем в лагере гнить, тут я по крайней мере пользу приношу, во-первых, лесу, а во-вторых, людям.

— Я бы так не смог... Один, в лесу...

— Понятное дело, ты молодой еще, не пуганый, до баб охочий...

— А тебе что, бабы не нужны?

Дядя Илья загадочно ухмыльнулся в усы, и племянник понял, куда это дядька отправлялся один по субботам. Потом он узнал, что в селе за двенадцать километров жила вдова прежнего лесника Елизавета Егоровна.

— А ты почему на ней не женишься. — полюбопытствовал Матвей.

Дядя Илья внимательно посмотрел на племянника и тихо сказал:

— Да есть у меня кое-какие мысли... Матвея вдруг осенило.

— Уехать хочешь? В Израиль? Дядя Илья прижал палец к губам.

Матвей кивнул. В те годы даже в тайге лучше было говорить об этом шепотом.

И ведь он добился своего. Через четыре года действительно уехал, воспользовавшись политическим моментом. Теперь он жил в маленьком городе Цфат, и Матвей раз в год навещал его. А отец с матерью давно умерли...

Через год Матвей вернулся в Москву абсолютно здоровый, но летать больше не стал, поступил в МАИ к величайшей радости родителей. Вскоре женился, потом развелся, женился опять, а потом подоспела перестройка и тут вдруг он обнаружил в себе коммерческую жилку, легко, как многие в то время, нажил большие деньги, через полгода прогорел, но этот опыт пошел ему на пользу. И вот теперь он был вполне состоявшимся и состоятельным бизнесменом. Арина была его третьей женой, и они прожили вместе тринадцать лет.

Как все странно, даже дико... Что-то я ничего не пойму... Мне почудилось, что Миклашевич практически сделал мне предложение? То самое, руки и сердца? Неужто примерещилось? Да нет, с чего бы... Несколько лет назад я умерла бы от счастья, а теперь мне немного грустно и очень смешно. Но до чего же он самоуверен... Думает наверное, что довольно поманить меня пальчиком... Нет уж, фигушки! Не хочу я замуж, ни за кого на всем свете... Я просто хочу любви... А Митька... Понятно, ему нужен брэнд. Но неужели до такой степени, что он готов жениться на мне? Чепуха... И как странно, что он не полез ко мне в постель, чтобы, так сказать, делом подкрепить свое предложение... И ведь это был бы весомый аргумент в его пользу, я раньше таяла от каждого его поцелуя и прикосновения... Неужели у него и с этим проблемы? Или действительно устал? Что ж, посмотрим, что будет утром. Утро ведь вечера мудренее, давно известно. И что это за финт с Розенами? Если он уже в аэропорту решил, что ему не нравится Арина, зачем он поехал смотреть дом? И вообще, зачем ему нужно любить и обожать клиента? Чушь какая-то, я ничего не понимаю... А мне бы хотелось заняться этим домом, хотя Арина и вправду довольно противная баба. Зато Аполлоныч само обаяние. Пожалуй, он даже обаятельнее Миклашевича... У Миклашевича обаяние какое-то опасное, а у Розена — нет. Все дело, видимо, в глазах... У Розена глаза голубые, чуть близорукие, а у Миклашевича светло-карие, почти желтые, в них бывает что-то хищное, тигриное...

Время было еще не позднее, в садике упоительно пахло сиренью, еще не совсем стемнело, и по озеру плыла лодка. Я спустилась вниз, вышла на крылечко. Как тут хорошо, красиво, спокойно. А может послать к черту Миклашевича, остаться тут недельки на две и спокойно поработать, когда никто не отвлекает, работать легче, войдешь в колею и пишешь, пишешь... Остаться в пансионе, не встречаться ни с кем, взять напрокат машину... Я опять набрала Гошкин номер. На сей раз он откликнулся сразу.

— Алло, мам, как дела?

— "Ты почему к телефону не подходил?"

— Да я забыл его дома, а мы с дедом ездили на Химзее.

— Это что, озеро?

— Ага, там посредине озера этот шиз Людвиг Баварский дворец отгрохал! Представь себе, мам, он его построил для духа Людовика Четырнадцатого! И он жил в этом дворце девять дней, можешь себе представить? Меня экскурсоводша спрашивает: тебе понравилось? А я сказал: нет, она удивилась, а я говорю: дурдом и все! Деду, кстати, тоже не понравилось! Ой, мам, Как у тебя дела? Как бабушка?

— А ты ей не звонил?

Мам, она очень занудничает последнее время, просто хоть вой! Может, поговоришь с ней, а то просто звонить неохота... Мам, а когда твоя книжка выйдет? Меня тут многие спрашивают... Да, мы с дедом зашли в русский магазин, там твоих книг навалом. Я спросил, говорят, они здорово продаются! Мам, я соскучился! Ты к нам собираешься?

— Конечно, Гошенька, я приеду, может, даже на той неделе. Вы, пока никуда с дедом не собираетесь?

— Хотим поехать в Амстердам на два дня, но если ты приедешь, мы тебя дождемся и можно вместе махнуть, а?

— Прекрасно, а Владимир Александрович дома?

— Нет.

— Ладно, сын, передавай ему привет. Я, кстати, сейчас не дома, а в Литве. И тоже на озере.

— Да? А что ты там делаешь?

— Ничего интересного, я тебе потом расскажу.

— Мам, когда ты к нам соберешься, захвати с собою мою красную бейсболку, мне ее не хватает!

— Слушаюсь, Георгий Юрьевич. Что еще прикажете захватить?

— Пока только бейсболку. Ой, мам, приезжай скорее!

Вот теперь можно спокойно идти спать. Поговорила с Гошкой, сразу стало легко. Я уже повернула к дому, как вдруг услышала тихий голос:

— Олеся!

Я оглянулась.

— Матвей Аполлонович? Что вы тут делаете?

— Да вот, пошел прогуляться перед сном и вдруг увидел вас. А где же ваш патрон?

— Спит уже.

— А вы?

— А я вышла подышать воздухом. Нечасто приходится дышать такой прелестью.

— Олеся, я должен предупредить вас...

— О чем это?

— Боюсь, что наш договор... Одним словом, Дмитрий Алексеевич... ну, скажем, был не очень вежлив с моей женой...

— И вы приехали вызвать его на дуэль? — рассмеялась я.

— Боже сохрани.

— А жаль! Это был бы поистине дворянский поступок!

— Послушайте, я просто хотел сказать, что...

— Что мы не устраиваем вашу жену. Что ж, чувство вполне взаимное и Дмитрий Алексеевич сразу взял обратные билеты, еще до посещения вашего дома.

— Но почему?

— Не знаю, видимо, его сразу что-то не устроило... Может ваша жена что-то не так сказала, потому что вообще Миклашевич не хам.

— Сказать по правде, я этого не заметил. Но бог с ним. Олеся, вы не хотите прокатиться на лодке?

— А у вас есть лодка?

— Хотите?

— Не знаю... Поздно уже...

— Да разве это поздно, половина одиннадцатого, такой чудный вечер.

— Но где взять лодку?

— А вон там, видите, лодочная станция. И я знаком с лодочником. Пошли?

Мне вдруг нестерпимо захотелось прокатиться с ним на лодке по ночному озеру.

— Пошли!

Он помог мне войти в лодку, сел на весла, и мы поплыли.

Он молчал. Возникла какая-то неловкость.

— Олеся, можно задать вам один вопрос?

— Валяйте!

— Откуда вы меня знаете?

— Ничего нового я вам не скажу. Я вас не знаю. Это было наитие!

— Да бросьте, вы совсем не похожи на полоумную.

— А по-вашему, наитие бывает только у полоумных?

— Как правило, да. Я вообще не верю во всю эту фигню. Но впрочем, не хотите говорить, не надо. Рано или поздно это выяснится. Олеся, а что если в Москве... мы встретимся?

— Встретимся? На какой предмет?

— Что за дурацкий вопрос? Просто вы мне нравитесь, вы меня заинтриговали.

— Видит Бог, я не ставила себе такой задачи.

— Но вы не ответили на мой вопрос.

— Отвечаю: почему бы и нет? Я женщина свободная.

— Звучит многообещающе... А Миклашевич?

— Вы его боитесь?

— Послушайте, вы меня провоцируете...

— Матвей Аполлонович, давайте помолчим, такая ночь, такая

красота...

— Вы правы, Олеся. Какое чудное имя...

Он замолчал, а я подумала: замечательная ситуация для моего романа: герой и героиня плывут на лодке, а второй герой дрыхнет в отеле неподалеку, происходит решительное объяснение, герой хочет обнять Марину и... и они падают в воду. Он плохо плавает, и Марина его спасает... Так получится забавнее, не столь банально... Да, это неплохо. Она его спасает, они насквозь мокрые возвращаются в отель... Но она теряет к нему интерес, а он влюбляется в нее еще больше, но понимает, что упал в ее глазах и, чтобы реабилитироваться, отправляется в опасную экспедицию в пустыню Гоби... Или не Гоби, в принципе, он может отправиться в любую пустыню... Или в джунгли Амазонки... Нет, ну их, эти джунгли, там как-то уж очень все густо, пусть лучше будет пустыня, там более или менее все понятно... Можно, конечно, отправить его на какой-нибудь вулкан или вовсе в Антарктиду. Там плавать необязательно, как, впрочем, и в пустыне. Короче, надо что-то экстремальное придумать. Но тогда, если он покажет себя героем, Марина должна выбрать его... Но второй-то уже и так герой... Черт, я запуталась...

— Олеся, о чем вы задумались?

— Да вот обдумываю один сюжетный ход...

— О, простите, что прервал ваши размышления...

— Хорошо, что прервали. Уже совсем темно, нам пора возвращаться.

— Олеся, Миклашевич ваш любовник? — огорошил он меня вопросом.

— По-вашему прилично задавать почти незнакомой женщине подобный вопрос?

— Неприлично, но очень интересно.

— А почему это вам интересно?

— Потому что я... Я...

— Бойтесь его?

— Да что за глупости! Просто я сам хочу... быть вашим любовником!

— И не мечтайте!

— Почему? Вы так безумно его любите?

— Нет, просто не хочу иметь дело с женатым мужчиной.

— Но мы же взрослые люди...

— И что? Встретились, понравились, потрахались и разбежались? Мне это неинтересно.

— А Миклашевич не женат?

— Матвей Аполлонович, вам не кажется, что наш разговор зашел куда-

то не туда, а?

— Пожалуй.

— И вообще, пора спать. Я устала, гребите к берегу.

— Вы на меня рассердились?

— Да нет... А впрочем, да, рассердилась. Вы были чересчур прямолинейны. И все, мы закрыли эту тему.

— Извините меня, просто вся обстановка располагает к лирике...

Я расхохоталась.

— По-вашему, это лирика? Вы же прямым текстом заявили: Олеся, я хочу с вами переспать... Да, видно, я отстала от века, если теперь это считается лирикой...

— Простите, я и вправду идиот. Но это вы меня провоцируете!

— Разумеется!

— Олеся, пожалуйста, не смейтесь!

— Почему это?

— Потому что ваш смех буквально сводит меня с ума... Еще когда вы просто говорите, я могу держать себя в руках, а вот когда смеетесь...

Я еще пуще рассмеялась и тут... Он бросил весла и рванул ко мне, но килевая лодка не была рассчитана на столь бурный порыв страсти, и мы оба очутились в воде.

— Олеся! Держитесь, — заорал он, и схватил меня за волосы.

— Идиот! Пусти, тут же дно!

Мы были уже недалеко от берега и ледяная вода была мне по грудь. Я выскочила на берег.

— Олеся, простите меня, но вы сами виноваты!

— К черту вас, я побежала в пансион, слишком холодно, пока!

Но тут я обнаружила, что потеряла в воде босоножку.

— Черт бы вас побрал, теперь я простужусь!

— Ерунда! — он вдруг подхватил меня на руки и побежал к будке лодочника. Тот уже подтягивал лодку багром.

— Водка есть? — крикнул он лодочнику.

Тот открыл дверь в комнатку, чисто прибранную и даже уютную, и кинул мне большое махровое полотенце.

— Да отпустите меня, идиот!

— Раздевайтесь и вытирайтесь насухо! — приказал лодочник и протянул Матвею второе полотенце.

— Водка в шкафчике. Спокойной ночи.

— Постойте! — крикнула я ему вслед, но он уже ретировался.

— Раздевайся, живо! — скомандовал Матвей и стащил с себя

куртку. — Тут не до церемоний, я отвернусь!

Полотенце, к счастью, было большое. Я скинула с себя все мокрое, наплевав на присутствие Аполлоныча. Кретин! И ведь я сама все это придумала и вот тебе, сразу все испытала на собственной шкуре. Столь быстрого и точного воплощения своих писательских фантазий я никак не ожидала. Правда, я его не спасала и ему незачем уезжать в пустыню Гоби. Я слышала, как он тихо чертыхается за моей спиной, но мне было на него наплевать, ну увидит он мою голую задницу, подумаешь, велика беда! Но как теперь добраться до пансиона? Мобильник мой благополучно остался на дне озера вместе с босоножкой.

— Олеся, простите меня, болвана.

— Но что же теперь делать?

Я повернулась к нему, замотавшись в полотенце. У него было хорошее тело, сухое, мускулистое.

— Вы согрелись? Но все равно, надо выпить водки.

— Но как я теперь доберусь до пансиона?

— Мы сейчас все просушим на печурке, часа через два все высохнет...

— У меня мобильник утонул... и босоножка...

— Я вам все возьму...

— Да причем тут это? Просто я не могу позвонить Мите и как я дойду? Я не умею ходить босиком...

— Я вас донесу!

— Может, и донесете, но я этого не хочу!

— Ладно, разберемся... Да уберите вы ваше бельишко, главное юбку просушить и кофту, а места тут мало. Дойдете и без трусов, велика важность! И пейте, пейте водку, чертова кукла!

Он еще и ругается, скотина!

Я выпила полстакана водки и вдруг осознала весь комизм ситуации. Теперь по законам жанра должен появиться Миклашевич или разгневанная Арина. Стоп, Олеся, а то накликаешь! Миклашевич давно видит сны, а вот Арина, наверняка, волнуется, куда пропал муженек, и если застанет его здесь в таком виде... Меня начал душить смех.

— Ну что вы опять смеетесь? — раздраженно бросил он, видимо, тоже опасался появления жены.

— Просто подумала, если сейчас появится ваша жена, мы вряд ли сумеем убедить ее в нашей невинности...

Он посмотрел на меня странным долгим взглядом, повернул ключ в замке и потушил свет.

— Вы что спятили?

— Нет, — произнес он хрипло. — Если будем сидеть в темноте, нас тут никто не засечет.

— А вы не подумали, что ваша жена...

— Мы не будем говорить о моей жене.

— А зачем вы заперли дверь?

— Чтобы сюда никто не вломился.

В комнатухе становилось невыносимо жарко, от мокрых вещей на печурке шел пар. И атмосфера тоже накалялась.

Если он сейчас полезет ко мне, я могу и не устоять... А если не полезет, тогда о нем вообще следует забыть. Разве это мужик?

— Иди ко мне! — тихо произнес он. — Слышишь меня?

— Еще чего!

В нашем убежище было темно хоть глаз выколи. Я затаилась. И вдруг он схватил меня.

— Олеся, это судьба!

Я поняла, что не могу и не хочу сопротивляться ему. И вся ситуация вдруг представилась мне такой романтической — озеро, ночь, мы потерпели кораблекрушение. От его поцелуев и прикосновений голова у меня пошла кругом, он подтолкнул меня к кровати, опрокинул, навалился на меня, и тут вдруг вошла луна, я увидела его лицо...

— Матвей, открой, я знаю, что ты тут! — раздался крик и стук в дверь.

Он отпрянул. Заметался, схватил полотенце с полу. Прикрылся.

— Матвей! Мэтью! Открой сейчас же!

Меня душил нервный смех. Но тут я вдруг вспомнила сцену из одного моего романа, где происходило нечто подобное, к тому же я увидела путь к спасению.

— Быстро под кровать! — шепнула я, схватила с печки его шмотье и швырнула ему.

Видимо от растерянности он подчинился. Я замоталась в полотенце и открыла дверь, не зажигая света.

— Вы? — притворилась я сонной и разбуженной неожиданным визитом.

— Где мои муж.?

— Господи, какое счастье, что вы появились, Арина! Я тут чуть не утонула, потеряла мобильник и босоножки... Вы на машине? Ради бога, отвезите меня в пансион.

Она растерялась.

— А как вы сюда попали?

— Я потерпела крушение рядом с пристанью, лодочник меня выловил

и оставил тут сушиться. Вы довезете меня?

— А Мэтью тут нет?

— Боже мой, вы что, решили, что мы вдвоем и не дай бог у нас тут любовное гнездышко? Единственное, что я могу вам сказать, что видела из лодки, как ваш муж заходил в бар вместе с двумя мужчинами.

Я успела натянуть едва подсохшую одежонку и выскочила из будки... Машина Арины стояла рядом. Я забралась на сиденье. Ей очень хотелось, по-моему, обыскать домик лодочника, но, слава богу, хватило ума не ставить себя в столь унижительное положение.

* * *

Черт побери, ну что за идиотская, прямо-таки анекдотическая ситуация, Матвей в темноте вылез из-под кровати и услышал, как взвыл мотор. Она гениально вышла из положения, эта Олеся. Но самое странное, что Арина купилась на этот трюк. Надо поскорее смываться отсюда.

Дверь открыл хозяин дома, где они жили.

— Матвей, что с тобой?

— Тсс! — он прижал палец к губам.

— Ты что, тонул?

— Нет, я чуть было не вознесся, но тут явилась Арина. Погоди, мне надо переодеться, — он быстро ввел приятеля в курс дела. Переодевшись, собрал мокрые вещи. — Можно это где-нибудь просушить?

— Нельзя, — покачал головой Миколас. — Арина же сразу поймет, что вы тонули вместе. Говоришь, твоя баба...

— Она не баба!

— О! Извини, дружище, твоя Дульсиня сказала, что видела тебя входящим в бар?

— Да.

— Есть одна мысль... Давай сюда вещи! Теперь бегом на кухню, там есть водка, пей и чтобы в зюю! А с этими вещичками придется распрощаться.

— Да черт с ними!

— Снимай ботинки.

— С ними тоже надо попрощаться?

— Увы! За удовольствия надо платить.

— Так ничего же не было...

— За удовольствие кататься на лодке с посторонней женщиной! В

зюю, я сказал, в зюю! Разговаривать с Ариной буду я! А ты имей в виду, что спяну забрел на стройплощадку и упал в яму. А больше ты ничего не помнишь.

Матвей даже присвистнул.

— Думаешь, она поверит?

— Она очень захочет поверить. Пей, я кому говорю!

— Это проще всего.

Вернувшаяся вскоре Арина застала мертвецки пьяного мужа, голым спящего на ковре в их комнате в окружении вещей, безнадежно испакощенных какой-то строительной гадостью. Но она не поверила в эту историю. Матвей был не из тех мужчин, которые в пьяном виде забредают невесть куда, к тому же она хорошо знала Миколаса и его буйную режиссерскую фантазию. Но с другой стороны — не пойман, не вор.

* * *

Я проснулась утром и прислушалась к себе, не заболела ли я после вчерашнего купания в ледяной воде. Но то ли вода была недостаточно ледяная, то ли последующие события хорошо меня согрели, но я чувствовала себя вполне здоровой. Непонятно только, как ехать в Москву в одной босоножке? Придется что-то купить. И мобильника жалко. Там было столько телефонов забито, что восстанавливать придется долго и мучительно. Вот урок на будущее — все номера телефонов записывать и в книжку. В дверь постучали.

— Войдите.

— Олеська, ты почему на звонки не отвечаешь?

— Ой, Митя, я вчера утопила мобильник в озере, и одну босоножку...

— Как тебя угораздило?

— Я пошла вечером пройтись, мне позвонил Гошка, я с ним поговорила и еще не успела спрятать телефон в карман, как откуда ни возьмись появилась огромная собака, я испугалась, дернулась и уронила мобильник в воду, вскрикнула, собачица ко мне подбежала, я оступилась... Короче говоря, теперь мне нужно купить что-то на ноги.

— Купим, что за проблема. Тебе есть хотя бы в чем пойти позавтракать?

— Ну вот в этих шлепках...

— Даже завтракать в махровых шлепках довольно странно, а уж в Москву ехать и вовсе... А как ты до дому-то добралась?

- Босиком, как же еще?
- А собака?
- Прибежала какая-то девочка и увела ее.
- По-моему, ты раньше не боялась собак...
- Сама не знаю, что на меня нашло...
- Что ж ты меня не разбудила?
- А зачем?
- Ну я бы тебе посочувствовал... пожалел тебя...
- Я как-то не жду от тебя сочувствия.

Ах да, Миклашевич же чудовище. В таком разе пошли завтракать и пусть все обитатели пансиона смотрят на тебя с осуждением.

* * *

Вчерашняя история вдруг представилась мне настолько комичной, что я, пожалуй, не стану вставлять ее в свой роман, это уж чересчур! Вообще так бывает — что-то в жизни оказывается настолько ярким, смешным, выпуклым, что в книгу не вставишь, слишком уж все в ней чересчур. У меня, например, была одна знакомая, которая так говорила по-русски, что хоть стой, хоть падай, но я попробовала вставить одно из ее выражений в роман и поняла — не годится, никто не поверит, что человек может так говорить, будучи в здравом уме и твердой памяти. Например, про одну сильно располневшую даму она сказала: «Жопка — ее самая большая катастрофа на сегодняшний день»... Когда у нее был нарыв на пальце, она сообщила: «Я схватила гнойную ситуацию». Ну разве такое бывает? Хотя сейчас уже бывает все и я боюсь, что скоро подобные выражения станут нормой речи, но пока... А как вовремя появилась Арина! Ведь еще чуть-чуть... Слава Богу, зачем он мне нужен этот Аполлоныч? Аполлоныч... А у него хорошее тело, горячее, сухое, мужественное. Аполлоныч Бельведерский... Интересно, как он вышел из положения? Успел домой до возвращения супруги? А ведь увидав его мокрые шмотки, она обо всем догадается... Ну и пусть... Слава Богу, Миклашевич решил отказаться от этого проекта... Да и Арина тоже... То есть какой вывод можно сделать? Все к лучшему в этом лучшем из миров!

И я с наслаждением принялась за вкусный и обильный завтрак.

— Олеська, ты как будто приняла какое-то решение, — заметил Миклашевич, намазывая хлеб медом. — Надеюсь, в мою пользу?

— Ты о чем? — спросила я, в который уже раз поразившись его

чуткости.

— О предложении руки и сердца.

— Этот вопрос даже не рассматривается.

— Ерунда. Итак, когда ты едешь к Гошке?

— А при чем здесь Гошка?

— Просто я поеду с тобой.

— За каким чертом?

— Ну надо же посвятить парня в наши планы.

— Миклашевич, ты болван? Какие планы? Мы думали сделать вместе этот проект, не выгорело. А больше ни о чем речи быть не может.

— Будет, во-первых, другой проект. А во-вторых...

— Нет, Митя, уже понятно, что твоя идея не хлячет!

— Что за чушь! Если бы этот Аполлоныч не положил на тебя глаз, все прекрасно прохиляло бы...

— Не надо врать, у меня еще нет маразма! Ты же сам невзлюбил эту Арину с первого взгляда, так при чем тут Аполлоныч?

— А кстати, безвкусная идея будучи Аполлоном назвать сына Матвеем, ты не находишь?

Я рассмеялась. Миклашевич в своем репертуаре! После завтрака мы поехали покупать мне обувь. Потом Миклашевич предложил покататься на лодке.

— Нет, Митя, это озеро стоило мне мобильного, босоножек и...

— Глупости, поехали, Олеська, помнишь, как мы раньше любили...

— Не хочу!

— Ну, дело твое, — на удивление легко согласился Миклашевич.

— Мить, а давай уже поедem в Вильнюс, лучше там погуляем...

— Ты от кого сбежать-то хочешь, деточка? — прищурился он.

Это «деточка» всегда безумно меня раздражало. Если бы он так называл только меня, я бы радовалась, но он так звал абсолютно всех, кто был рядом, независимо от возраста. И хотя здесь и сейчас он был чрезвычайно мил и обходителен, я вспомнила все, что мне довелось от него вытерпеть в свое время. Что я наделала, зачем опять впустила его в свою жизнь? Но ничего, еще не поздно все исправить.

Я мило улыбнулась ему и сказала спокойно, без вызова:

— Просто хочется побродить по Вильнюсу, я не так хорошо его знаю.

— Ну, допустим, — кивнул он.

И мы уехали.

В самолете я решала кроссворд, Миклашевич читал газету, но уже на подлете к Москве он сказал:

— Знаешь, поскольку мы вернулись раньше времени, то я предлагаю...

— Митя, я счастлива, что мы вернулись раньше времени и я сейчас еду домой и сажусь за работу, у меня накопилось много идей. И еще: впредь я никак ни в каких твоих проектах не участвую. Не желаю я иметь дело с капризными клиентами и клиентками. Я попробовала и больше не хочу, это мое последнее слово.

— Дело хозяйское, — пожал плечами он. — Не хочешь, так не хочешь. Но замуж-то за меня ты выйдешь!

Вопроса в его интонации не было, просто спокойное утверждение. Я рассмеялась.

— Митька, зачем тебе это нужно? Из-за того, что я теперь...

— Мне плевать, что ты теперь, просто я... устал, что ли. Захотелось, чтобы рядом был кто-то... свой, родной, близкий.

— Но почему именно я? По-моему, у тебя таких родных и близких чертова уйма.

— Знаешь, я когда вдруг понял, что хочу иметь семью, я перебрал в уме всех, как ты сказала, родных и близких... И знаешь, что получилось? Что кроме тебя никого и нет...

— А куда ж они все девались? Надя? Рузанна? Лялечка?

— Брось! Это все несерьезно. Ну о чем можно говорить с Лялечкой? Смешно. И вообще, Олеська, вспомни, как нам было хорошо вместе!

— Что-то не припомню, Митя. Тебе, может и было хорошо, а мне...

— Не ври! Вспомни, как я показывал тебе Париж, как мы путешествовали по Израилю, сколько мы хохотали... А помнишь как в Турции шили тебе кожаную куртку? — голос у него был грустный и во мне даже шевельнулся червячок жалости. — Знаешь, уже не хочется бегать по бабам, хочется к кому-то прилобуниться. Помнишь, так говорила наша уборщица Дуня? И что для меня всего важнее, мне перед тобой неохота хорохориться, притворяться молодым и неутомимым. Мне с тобой уютно...

— Господи, Миклашевич, что с тобой? Ты ж еще не старый!

— Факт, я еще вполне можно сказать молодой, но я хочу семью иметь, а ты...

А я, Митя, не хочу! Я живу одна сейчас, у меня есть сын, и больше мне ничего не нужно. Так что поскреби еще по сусекам, авось найдешь милую

неглупую бабенку, которая будет счастлива спать с тобой и терпеть твой несносный характер. А я на эту роль не гожусь.

— Уж позволь мне самому решать, кто годится, а кто нет!

— Разумеется, решать будешь ты.

— Ну так я уже решил!

— Мить, меня кто-то недавно спросил из-за чего, собственно, мы с тобой расстались. И я ответила: из-за местоимения.

— Что ты имеешь в виду? — раздраженно спросил он.

— Ты же признаешь только одно местоимение: «я»! А мне это скучно.

Я видела, что он взбесился. Ну и пусть. Эта глава в моей жизни давно дописана и глупо было пытаться ее продолжить.

С этой минуты он держался со мной холодно и отчужденно. Ну и дурак.

* * *

Прошло больше недели. Я вполне успокоилась. Миклашевич больше не звонил. Я сидела и работала. Сценка с крушением лодки получилась, из нее вытекало множество забавных эпизодов, я не отказала себе в удовольствии описать Арину, припомнив и Леркину историю с курицей. А через два дня мне предстояло лететь к Гошке. Словом, жизнь вошла в колею.

Люблю лето в Москве! Особенно в выходные. Народу мало, телефон звонит не так часто, дни длинные, можно спокойно работать. Я писала с удовольствием, сама потешаясь над тем, что произошло в романе благодаря перевернутой лодке. Не дай Бог, конечно, накликать это так же, как историю с лодкой и появлением Арины в самый волнующий момент. Должна признать, что вспоминая этот пресловутый момент, я всякий раз начинала дрожать... Его лицо, когда в окно заглянула луна, его горячее тело... Я была уверена, что жизнь еще предоставит нам возможность встретиться... Не исключено, что трезвый взгляд на него поможет избавиться от этого наваждения. Да какое там наваждение, просто неосуществленное желание, ничего больше. И боже упаси связаться с Ариной! А кстати, я сегодня видела по телевизору интервью с каким-то деятелем, который занимается микрочипами, и он рассказывал о том, как можно эффективно использовать чип в слежке за неверным мужем или женой. И я решила, что у меня в книге жена установит за мужем слежку, это здорово обострит ситуацию. Просто слежку, без микрочипа. А то я

обязательно что-нибудь напутаю с техникой. Да-да, это хороший ход... Между прочим, первоначальную идею о том, что Марина спасает героя, я отбросила, я написала все так, как было на самом деле — с перевернувшейся лодкой, с потерянными босоножками и мобильником. И, разумеется, с появлением жены в самый неподходящий момент... Получилось забавно. А потом герой находит Марину и является к ней с новым мобильником и босоножками... И вот тут-то все и происходит... К тому же он окажется кинооператором и предложит Марину на роль подруги главной героини в снимающемся телесериале. Там режиссер его добрый приятель...

Мои пальцы так и летали по клавиатуре. Больше всего люблю такое свое состояние, когда кажется, что пишу не я, а только кончики пальцев, тогда все получается как нельзя лучше. А когда пишешь головой, все выходит тяжелее и натужнее...

Раздался звонок домофона. Кого это черт принес? Я побежала в переднюю, но домофон уже смолк, видимо, кто-то впустил пришельца в подъезд. А может кто-то просто по ошибке нажал не на ту кнопку. Я прислушалась. Явно ошибка, и слава богу. Я бегом вернулась к компьютеру. Но тут позвонили в дверь.

У нас на этаже шесть квартир и холл отгорожен железной дверью. Я вышла, глянула в глазок. Там кто-то стоял, похоже, мужчина, но лица не видно.

— Кто там?

— Олеся, откройте, это Матвей... Накликала!

— Кто? — испуганно переспросила я.

— Матвей Розен!

Я открыла дверь. Он стоял с каким-то пакетом в руках, без цветов, сразу отметила я. Лицо у него было крайне смущенное.

— Как вы меня нашли? — не придумала я ничего умнее.

— Легко! Вы позволите войти?

— Ну да... Заходите, хотя я не понимаю...

— Бросьте, все вы прекрасно понимаете. И я уверен, что вы меня ждали!

— Ни сном, ни духом! Но раз уж пришли...

Он вошел за мной в квартиру.

— Как у вас красиво... и неожиданно... Эти зеленые шкафы...

— Хотите чего-нибудь?

— Хочу!

— Чаю? Кофе?

— Нет, благодарю.

— Так может виски или коньяку?

— Нет, спасибо.

— Тогда чего вы хотите? — уже произнеся этот дурацкий вопрос, я поняла, чего он хочет.

— Надо объяснять?

— Наверное, воды, на улице довольно жарко.

— Нет, воды в наших отношениях и так было слишком много.

Вероятно, если бы он вошел и без всяких слов меня обнял, я бы не оттолкнула его. А сейчас он стоял посреди комнаты с пакетом в руках и намекал мне на то, что неплохо было бы переспать. Черт знает что! Я так не люблю.

— Садитесь, Матвей Аполлонович. Что вы так вцепились в ваш пакет?

— Ох, простите, я идиот! Это вам! Можно я сяду?

Он плюхнулся в кресло, достал платок и вытер лоб. Видно, полагал, что я брошусь ему на шею.

— Что это такое?

— Так сказать, возмещение ущерба... В пакете лежали две коробки.

— Что это?

— Телефон и босоножки...

Самое смешное, что босоножки оказались точно такие, как те... И телефон тоже. Все-таки я провидица.

— Примерьте, пожалуйста! Вам впору?

— Да, но как...

— Босоножка валялась на берегу, видно, кто-то выловил, а телефон у вас точно такой же как у Арины, я заметил... Ну и вот... С босоножками мне повезло. Я купил их в первом же магазине, в который заехал... Ну, я рад, что возместил... Слушайте, дайте немного виски...

— А вы не голодны? Могу вас покормить.

— Да нет, благодарю, я сыт...

Повисло неловкое молчание. Он, видимо, понял, что момент упущен. И растерялся. И я, помня, как волновалась при одной только мысли о нем, как-то вдруг остыла. А в романе у меня встреча получилась жаркой... Впрочем, мужчины в моих романах всегда лучше и решительнее, чем в жизни... И на кой ляд мне нужен второй мобильник, я ведь уже успела купить себе новый. Ничего, отдам Гошке, у него старый... А босоножкам я рада, я их любила, очень удобные... Молчание затягивалось.

— Матвей Аполлонович, а как вы тогда до дому добрались? — решила я кинуть ему удочку.

Он взглянул на меня с благодарностью и рассмеялся.

— Все кончилось благополучно. Но вы были просто героиней!

— Мне ничего другого не оставалось, — сказала я и поняла, что зря затронула эту тему. Он выпил виски и налил себе еще. Выпил опять залпом, как водку. Храбрости что ли набирается? А я хотела уже только одного — чтобы он ушел. Мне не нравилась его растерянность. — А вы случайно не за рулем?

— Да, за рулем...

— Но как же вы поедете?

— Ничего, не страшно. Хотя вообще-то... Если честно...

— Вы рассчитывали у меня остаться?

Он вдруг густо покраснел. Это мне показалось милым.

— Да, Олеся! — и он шагнул ко мне.

Я отступила на шаг.

— А что, вашей жены нет в Москве?

— Олеся, не надо так... Я понимаю, что выглядел тогда чудовищно глупо... Полез под кровать... Но вы же сами мне велели... Да и кто бы не растерялся на моем месте...

— Но я же вот не растерялась...

— Вам, насколько я понял, нечего было терять... — пробормотал он.

— А сейчас вашей жены нет, опасность вам не грозит, и можно... — Я вдруг жутко разозлилась. Нет, в моих книгах положительные герои так себя никогда не ведут! А зачем мне еще один отрицательный нужен? Хватит с меня и Миклашевича.

И тут в дверь позвонили. Слава Богу! Наверное, соседка, больше вроде некому.

— Извините, я открою! Я выскочила в холл.

— Кто там?

— Олеська, открой!

Господи, Миклашевич! Он стоял на площадке с огромным букетом таких сказочных роз, что я с сожалением подумала: я же послезавтра уезжаю!

Да, ситуация, как в оперетке!

— Олеська, я соскучился! И он полез обниматься.

— Мить, потише, там у меня... гость...

— Кто еще?

Мы вошли в квартиру. При виде друг друга оба позеленели.

— Какие люди! — скрипнул зубами Миклашевич.

— Я вас оставлю на несколько минут, надо поставить цветы... — и я

спешно ретировалась на кухню. Надеюсь, они не подерутся. Да, как говорится, разом пусто, разом густо... И уж точно — без пол-литра не разберешься. Но зато сколько в последнее время адреналина поступает в кровь от этих пикантных ситуаций. Жаль только Арины нет в Москве, а то совсем было бы весело! Да, розы очень удобны для того, чтобы потянуть время — с ними столько возни... Однако я понимала четко — чем бы ни закончился сегодняшний вечер, чувства у обоих, наверняка, обострятся. Соперничество отличная подпитка! Ну и слава богу, пусть помучаются... А я несколько лет жила спокойно. Хватит, пора и поволноваться...

Я взяла цветы и пошла в комнату! Оба молча курили, и дым уже стоял коромыслом.

— Олеся, мне, пожалуй, пора! — сразу вскочил Аполлоныч.

В глазах Миклашевича читалось торжество. И плясали веселые черти.

— Ну что ж, не смею вас задерживать. Но может быть все-таки вызвать вам такси?

— Не беспокойтесь, я... Ни в одном глазу, смею вас уверить! — довольно злобно произнес барон Розен. — Всего хорошего! А виски у вас так себе...

— Я вас выпущу, — сказала я, хохоча про себя. Это замечание о виски было поистине великолепно! Обязательно вставлю его в роман.

— Желаю счастья! — буквально прошипел он, нажимая на кнопку лифта.

— Благодарю! Я вам тоже желаю... семейного счастья!

Он опять позеленел, но тут подошел лифт!

* * *

Теперь еще предстояла битва с Миклашевичем. С ним справиться будет посложнее! Когда я вошла в комнату, он двумя пальцами, даже с некоторой брезгливостью, держал новую босоножку. Он, конечно, все уже понял.

— Ага, значит мобильник и босоножки утопил этот хмырь? И решил возместить ущерб? Кстати, ты уже купила новый мобильник?

— А что, ты тоже мне решил возместить ущерб?

— Я? С какого перепуга? Я никого и ничего не топил.

— А зачем ты явился?

— Соскучился. Я понял, что мне без тебя плохо...

— Ох, не заливай.

— Нет, честно... Слушай, дай стакан, я глотну виски... Как тебе понравилось это хамское замечание, а? И вообще, что у тебя с ним?

— Ничего, но если б ты не явился, могло бы быть все.

— Этого не будет! — произнес он с бешенством. — Заруби это себе на носу!

— Митя, ты ничего не перепутал? Я тебе не жена.

— Пока не жена, скоро будешь. Кстати, я чего приехал... Мама приглашает тебя завтра к нам на обед.

— Да? С чего бы это?

— Хочет с тобой поближе познакомиться.

— Увы, я завтра не смогу, а послезавтра улетаю к Гошке. И я достаточно знакома с Амалией Адамовной. И вообще, Миклашевич, не подбивай под меня клинья. Бесплезно!

— Ерунда! Ты что, влюблена в этого барончика? Но там тебе ничего не светит, Арина пустит в ход все средства, но не отдаст свое сокровище. А я, как ни верти, хорошая партия.

— Совершенно согласна с тобой, ты хорошая партия, но не для меня! Мне муж даже в дурном сне не снится. Я устроила свою жизнь сама и никто мне не нужен!

— А любовь? Вы же, бабы, помешаны на любви.

— Любовь и брак не очень в наше время совмещаются. Мне, во всяком случае, не повезло. А тебя я любила на всю катушку, ну и чем это кончилось?

— А ничего не кончилось... Все только начинается, Олеська...

Он видимо решил пустить в ход последний и, надо заметить, самый сильный аргумент — подошел сзади, обнял и стал целовать в шею — прекрасно знал, что я на это реагирую...

* * *

Матвей Аполлонович был в ярости. Что за ерунда с этой бабой? Ну не вышло один раз, так успокойся... Нет, поперся к ней... А тут этот Миклашевич, черт бы его взял... любовь там что ли? Да что я в ней нашел? Ни кожи, ни рожи... Да, в ней есть некоторая пикантность, она обаятельна, явно умна, с хорошим чувством юмора, язык подвешен... Но не молода уже... с гонором... Да ну их, этих независимых баб, кому они на фиг нужны... А я тоже хорош... Виски у нее не лучшего качества, но воспитанные люди об этом молчат. Мне надо напиться. Поеду домой и

напьюсь. Но это последнее дело — пить одному. Гришка! Позвоню-ка я Гришке! Такой хороший парень, этот Гриша... И женка у него славная, как ее, Лера, кажется. Бедняжка, ногу разбила об эту идиотскую Аринину курицу... Хорошо, что Арины нет дома... Я бы сейчас не смог слушать ее болтовню... Она как будто еще поглупела в последнее время. Он вытащил мобильник.

— Гриша? Привет, Роза!

Роза! Рад слышать, мы только вчера вечером вернулись из Хорватии. Знаешь, я сделал то, что ты просил, проверил все, там полный порядок, можешь не волноваться, твое дело правое. И по-моему, за это надо выпить, как считаешь?

— Гриша, дорогой ты мой, я как раз подумал, с кем бы мне сегодня выпить!

— Так приезжай ко мне.

— А может, махнем ко мне, Арины нет, она в Италии...

— Да нет, Лерка даже слышать про твою дачу не желает, а я ее одну не хочу бросать. Давай, давай, переночуешь у нас или такси закажешь... Нет проблем!

— Ладно, еду!

Гриша был именитым адвокатом и смог легко уладить одно его дело. Теперь Матвей Аполлонович, кроме всего прочего хотел, чтобы Гриша стал его постоянным юристом. И сейчас он решил с этого начать, а уж потом...

Предложение старого друга Гриша принял с большим удовольствием.

— Знаешь, иметь дело с проверенным человеком, более того, другом детства, куда приятнее, чем с этими нуворищами или полубандитами. Так что, Роза, выпить у нас тобой масса поводов. Лера, ласточка моя, сообрази нам что-нибудь... Ты есть хочешь, Матвей?

— Да, должен признаться, что здорово проголодался.

Очаровательная изящная Лера весело хлопотала на просторной кухне, хлопала холодильником, включала какие-то приборы, у нее все так и горело в руках. Гриша как замороженный следил за ней взглядом, ему безумно нравилось смотреть, как она хлопочет... Но тут его позвали к телефону. Звонок был деловой, он извинился и вышел из кухни.

— Матвей, а как ваш чудный песик поживает?

— Что ему делается.

— Он такой весельчак, я давно таких милых собак не встречала....

— Лера, скажите, вы слышали о такой писательнице Миклашевской?

— Олесе Миклашевской? — уточнила на всякий случай Лера.

— Ну да.

— Конечно слыхала, а что? — насторожилась Лера. — Вы что ли ее читаете?

— Да нет, просто нам для ремонта дома в Литве рекомендовали архитектора Миклашевича...

— И что?

— А он приехал с дизайнером, женщиной, которая оказалась этой самой писательницей...

— Олеська приехала к вам с Миклашевичем?

— Вы с ней знакомы?

— Да она моя лучшая подруга, еще со школы! Но это для меня новость... И они будут у вас работать?

Нет, у нас что-то не срослось... Арина не захотела Миклашевича... Он тоже повел себя странно, — Матвей уже пожалел, что завел этот разговор. Надо постараться держать язык за зубами. Если Лера ее задушевная подруга...

— Вы не беспокойтесь, Матвей, я никогда не передаю никаких разговоров, просто меня страшно огорчила новость, что Олеська опять с Миклашевичем.

— Что значит опять?

— Ну, там несколько лет назад была безумная любовь, а потом они расстались и, как говорится, разошлись как в море корабли. И потом зачем ей это нужно — Тут на кухню вернулся Гриша.

— Ну, как дела? Можно уже выпить?

— Садись. Я вам не помешаю? — кокетливо осведомилась Лера.

— Что ты, ласточка, как ты можешь помешать! Ну, Матвей, давай выпьем за нашу совместную работу!

Но тут его опять отвлек телефон.

— Кошмар, я уж готова разбить все телефоны, просто жизни нет! — пожаловалась Лера. — Матвей, а Олеся вам понравилась?

— Да я как-то не разобрался. Меня немножко удивило, с чего бы такая модная писательница решила заняться чем-то, так сказать, посторонним?

— А я убеждена, что это не она решила, а прохвост Миклашевич решил использовать ее имя.

— А он прохвост?

— Да, законченный прохвост, но мужик — обалдеть. Бабы от него дохнут... Но мне это совсем не нравится... Только Олеська пришла в себя, он опять тут как тут... С этим надо что-то делать!

— Что вы имеете в виду? Ее надо спасти от Миклашевича?

— Именно!

— А она хочет, чтобы ее спасали?

— Я вообще ничего уже не понимаю. Но мне кажется, что... Она вам нравится, да? — таинственным шепотом спросила Лера.

Он не успел ответить, как появился Гриша.

— Ну, дорогие мои...

* * *

Утром, покормив мужчин завтраком и выпроводив их из дома, Лера позвонила подруге. Сонный голос ответил:

— Алло!

— Привет, Олеська!

— Ой, Лерка! Вернулась! Ты мне так нужна... Хотя я не знаю, как получится, я завтра лечу к Гошке, сегодня надо еще заскочить к маме. Может, пообедаем вместе? Часа в три, а?

— А где?

— Недалеко от издательства есть милый ресторанчик. Может там?

— Давай! У меня интересные новости.

— У меня тоже, — вздохнула Олеся.

* * *

Какое счастье, что приехала Лерка! Ей я могу рассказать все! А мне это необходимо... И почему-то едва закрылась дверь за Миклашевичем, в памяти всплыли строки Лермонтова: «Кумир поверженный всё Бог!» Миклашевич был уже поверженным кумиром, а теперь... А что теперь? У меня нет иллюзий и это хорошо, но он вбил себе в башку, что женится на мне, а если он что-то вбил себе в башку... Хотя нет... Я ни за что не согласилась сегодня идти на обед к его маме и после всего случившегося он не стал настаивать. Видимо, окончательно уверовал в свою победу... Но я не дам... Я завтра улечу, пробуду в Германии не меньше двух недель... Господи, как в свое время я мечтала выйти за него... А теперь...

Я закрыла глаза и вспомнила минувшую ночь. У него есть власть надо мной. Я просто старалась забыть об этом, и сумела, а он напомнил... Каким, даже помимо секса, он умеет быть очаровательным... Почему-то вспоминалось сейчас только хорошее. А вот Аполлоныч как-то поблек в моих глазах... Ох, надо же еще заскочить к маме, а я лежу и предаюсь

праздным мыслям, впрочем, это нельзя назвать мыслями, разве что ощущениями...

* * *

Мама встретила меня обиженной миной. — Я уж думала, ты и не появишься.

— Прости, мам, я так замоталась!

— Кофе хочешь?

— Хочу, я даже позавтракать не успела, проспала безбожно.

— Знаешь, мне сегодня приснилась... твоя сестрица.

— Да? — растерялась я. Она никогда не говорит со мной о Юльке.

— Представь себе. Мне приснилось, что она в Москве... И я случайно встречаю ее на Центральном рынке...

— Но Центральный рынок давно закрыт.

— Олеся, ты совсем дура? Это же было во сне!

— Ох, да... Просто я ужасно не выспалась...

— И она там покупает у грузина красные гвоздики, очень много... Я спрашиваю, зачем тебе столько? А она отвечает: это на твою могилу...

— Господи, кошмар какой! Но это же ерунда... Разве ты веришь в сны?

— Она мне никогда не снилась за эти годы... Ни разу. Наверное, я скоро умру...

— Глупости, просто, видимо, тебя мучает совесть... Ты вспоминала ее, думала о ней?

— Знаешь, да... Какое-то время назад я наткнулась на ее детскую фотографию и стала думать... И мне почему-то казалось, что она где-то близко... А совесть меня совсем не мучает, с какой стати? Но она моя дочь... Хотелось бы просто узнать, что она жива и здорова... Больше мне ничего не нужно.

— А если бы ты вдруг встретила с ней?

— Ты что-то о ней знаешь?

— Ничего. Откуда? — сказала я, и тут же мне стало совестно. — Знаешь, я пытаюсь ее найти...

— Но ты уже пыталась!

— Я решила еще попытаться, у меня появились знакомые в Италии...

— Почему в Италии? — насторожилась мать.

— Просто в Италии очень хорошо развита система поиска людей, —

вывернулась я. — А если бы она вдруг нашлась, что бы ты сделала?

— Откуда я знаю? — пожалала плечами мать. — Все, наверное, зависело бы от того, как она повела бы себя...

— То есть?

— Ну, если бы она раскаялась...

— Мама, но ведь она твоя дочь, твой первенец, и ты ее не видела столько лет... Неужели тебе нужно ее раскаяние? А кстати, в чем она должна перед тобой каяться? Ведь во всем виновата только ты!

— Ерунда, я ни в чем не виновата! Если бы не изменился строй, она еще была бы мне благодарна! Неужели ты не понимаешь, нас всех могли бы посадить...

— Не выдумывай, в те годы никого за это уже не сажали!

— Ты ничего не понимаешь! Все шло к тому! Опять начинали закручивать гайки и я, как мать, обязана была...

— Хватит, мама, я не могу этого больше слушать!

— Ну, разумеется, ты-то довольна всем, еще бы, при прежнем строе твои пустопорожние книжки никто не стал бы печатать! Я даже вообразить не могу... А, ладно... Ты собираешься где-то отдохнуть?

— Да, я же еду к Гошке, а потом, осенью, может, на недельку смотаюсь в Турцию или в Грецию...

— А в своей стране ты уже все видела?

— Что? — не поняла я.

— В Советском Союзе столько прекрасных интереснейших мест...

— Мама, очнись, где ты видишь Советский Союз...

— Неважно, в России тоже...

— Кто бы спорил, но я хочу в Грецию, я там еще не была! И главное для меня — возможность выбора! Куда хочу, туда и еду и без всякой идеологической нагрузки!

— Вот-вот! Ты посмотри кругом, послушай, что говорят по телевизору!

— Бог с ним, мама, я завтра уезжаю. Что тебе привезти?

— Ничего, абсолютно ничего! В прошлый раз ты привезла мне куртку, но я не могу ее носить...

— Почему? Она тебе очень идет, и по размеру вполне годится. Это очень хорошая, модная, дорогая куртка...

— Вот именно что дорогая...

— Не понимаю...

— По-твоему, я должна повсюду и всем демонстрировать твои материальные возможности?

— Мама, о чем ты говоришь? — закричала я. — Ты ничего никому не должна демонстрировать! Ты должна просто ее носить, потому что она легкая, теплая, удобная... И только!

— Я так не считаю!

— Ну все, ты меня достала! Я уйду! Вот, оставляю тебе деньги...

— Хорошо, спасибо, — сухо ответила она. — И скажи Георгию, что иногда можно и позвонить!

Когда я вышла на лестницу, меня трясло. Ну что за невыносимый человек! Неужто я к старости тоже стану такой? Надеюсь, что нет, а вот Юлька наверняка. Правда, у нее нет детей... Но надо всегда помнить, что во мне есть и мамины гены...

— Ой, тетя Олеся! — окликнул меня девичий голос.

— Майка, привет!

Это была Гошкина подружка еще с детского сада Майка Громова.

— Тетя Олеся, а как там Гошка?

— Хорошо, вот завтра лечу к нему. Что-нибудь передать?

— Привет передайте, — она покраснела.

— Ты совсем уже взрослая стала, Майка. И хорошенькая, глаз не отвести! Как мама?

— Нормально.

— Ты, я гляжу, загорела...

— Мы в Египте были...

— Майка, по-моему, ты хочешь мне что-то сказать...

Она вспыхнула и потупила глаза.

— Что случилось, Майя?

— Тетя Олеся... Надежда Львовна запретила Гошке со мной дружить...

— То есть как? Почему?

— Она рассердилась, что Гошка пошел меня провожать после театра...

А где тут провожать, до соседнего подъезда...

— И что?

— На другой день я пришла к Гошке геометрию делать. А Надежда Львовна сказала, чтобы ноги моей больше у них не было... — шмыгнула носом Майка. — А я что? Я ничего не сделала, мы с Гошкой даже не целовались ни разу. Она мне такого наговорила...

Я вскипела от злости.

— Ладно, Майка, не бери в голову! Я разберусь... А когда это было?

— Да в конце мая еще...

— А Гошка что? Подчинился бабке?

Нет, — смущенно проговорила девочка. И улыбнулась так обворожительно, что я подумала: дурак мой сын, что еще с тобой не целовался. — Он очень расстроился и сказал: ну, если нельзя у меня, будем встречаться во дворе. Или у тебя. Ой, тетя Олеся, вы ему не говорите, что я сказала вам, он не хотел, чтобы вы знали...

— Ладно, как-нибудь разберусь со всем этим, не беспокойся, Майка.

Я довезла ее до метро «Фрунзенская» и помчалась на встречу с Леркой.

— Ты чего такая бешеная? — сразу спросила Лерка.

— У матери была...

— А, понятно. Что-то конкретное или вообще?

— И вообще, и конкретное! Боюсь, придется мне Гошку у нее забрать.

— Как забрать? Куда?

— Ну к себе, куда ж еще...

— Но тогда надо Надежду Львовну поселить к тебе, а тебе с Гошкой...

— Лер, ты соображаешь, что говоришь? Ты себе представить можешь, что будет?

— А что такое? У тебя ж не квартира, а игрушка! Для одной пожилой женщины...

Нет, это исключено, она выпьет у меня столько крови... Она же всю жизнь провела там, там знакомые, соседи, привычка уже почти полувековая и три комнаты, а тут одна... Нет, видно придется пойти в кабалу к издателям, взять у них деньги, они предлагали... Продам мою квартиру и куплю двухкомнатную, другого выхода я не вижу. Но оставлять парня с ней... И ведь он ни разу мне не пожаловался... Я думала, у них все хорошо...

— Настоящим мужиком растет... — вздохнула Лерка.

— Правда, тут намечается другой выход, — усмехнулась я.

— Какой?

— А Миклашевич сделал мне предложение.

— Миклашевич? Какое?

— Ну, вообще-то за последнее время от него поступило несколько предложений, но я имею в виду предложение руки и сердца. У него, видишь ли, большой дом за городом, мальчику нужен мужчина в доме и вообще он устал от жизни и хочет ко мне прилуниться.

— Чего?

— Так когда-то наша уборщица говорила.

— Олеська, ты серьезно?

— Ну, что касается предложения, то он действительно его сделал,

только я-то не хочу...

— Олеська, с ним нельзя...

— Сама понимаю. Нет, видимо, придется покупать двушку. Опять ремонт, устройство, новая школа для Гошки. Но я сама виновата. Как я могла не понять? Слишком увлеклась — успех, рейтинги, интервью... Подумаешь, великая писательница, а сын страдает... Ну ничего, я успею все исправить, он хороший парень, я даже рада. Вдвоем нам будет хорошо!

— Только, не вздумай продать свою квартирку. Уж поднапрягись, а ее оставь.

— Зачем?

— А личная жизнь?

— Да ну ее к черту, эту личную жизнь. Знаешь, как сейчас квартиры подорожали? Моя личная жизнь столько не стоит, собственно говоря, она вообще гроша ломаного не стоит...

— Ты переспала с Миклашевичем? — напрямки спросила Лерка. — Можешь не отвечать, я и так знаю.

— Откуда ты знаешь?

— Олесь, ты думаешь я совсем дурочка? Как только ты с ним переспала, сразу утратила и спокойствие и оптимизм... Ты в последнее время была совсем другая... Мне даже Гришка как-то сказал — Олесе идет отсутствие Миклашевича, ну и успех, конечно...

— Господи, неужто все так заметно? — испугалась я.

— Гони-ка ты его в шею... Ой, Олеська, я чуть не забыла... Ты в курсе, что Роза в тебя втюрился?

— Да ну его... Как втюрился, так и растюрится. Слабак!

И я в красках расписала ей наше катание на лодке. Она долго хохотала.

— Да, бывает... Олеська, займись, уведи Розу от этой куроманки.

— Нет, она не куроманка, а куропатка. Ну знаешь, как метеопатка или психопатка.

— Ну, Олеська, ты даешь! Надо ему это сказать и я гарантирую — это будет яд замедленного действия. Он начнет смотреть на нее иронически и через несколько месяцев бросит на фиг... Олесь, а если б она не появилась тогда на озере... ты бы ему дала?

— Так я уже практически дала, только он взять не успел.

— А он все же порядочный, босоножки купил и мобилу... И вообще, он мне нравится... Олеська, уведи его!

— А Миклашевич все поломает! Он знаешь как взбеленился, когда его у меня увидел... И сразу просек, что Роза представляет для него опасность. Если Миклашевич чего-то хочет, он сметает все преграды. А я не умею по-

настоящему ему противостоять.

— Олеська, ты поверила, что он тебя любит? Да ему просто обидно до чертиков, что он упустил такую успешную бабу, проморгал... Вот увидишь, он непременно захочет устроить громкую свадьбу с кучей народа... С журналюгами. Модный архитектор женится на знаменитой писательнице.

— Ну, для свадьбы еще надо, чтобы я согласилась.

— Боюсь, он тебя дождет, а потом замучает... Не надо, Олеська!

— Нет, Лерка, я слишком хорошо его знаю и слишком дорожу своей свободой!

— Олеська, знаешь, мне кажется, вы с Розой были бы хорошей парой.

— Я не хочу быть парой, я лучше сама по себе...

— А как ты думаешь, если бы Роза не нарисовался, Миклашевич стал бы так активничать?

— Да, он уже явился ко мне с готовой программой. Я ему зачем-то нужна...

— Понятно зачем! Брэнд!

— Да ну, по-моему, все вокруг уже сбрендили.

— А ты знаешь, что Роза в прошлом летчик?

— Да? Надо же... Мама, я летчика люблю!

— Олеська, уведи Розу!

* * *

Матвей Аполлонович пребывал в непрерывном раздражении, что вообще-то было ему несвойственно. Он старательно сдерживался на работе, но так от этого уставал, что дома почти все время проводил у себя в кабинете, чтобы не сорваться на жену. И спал там же, отговариваясь срочной работой. Олеся подружка Гришиной жены, вот откуда ноги растут... Наитие, видите ли! Дура! Идиотка! Что ж, тем лучше... Видимо, Лера решила пристроить одинокую подружку, а подружка дамочка затейливая, вот и придумала всю эту фигню... Ну уж нет, нам такой хоккей не нужен! Хотя, с другой стороны, она вроде и пристроена... Миклашевич там на страже, он своего не упустит, к тому же они в прошлом коллеги, всегда есть о чем поговорить... Хотя такая с кем угодно найдет о чем поговорить. Как близко она была... Кажется, она не простила мне, что я тогда полез под кровать. А что было делать? Она, конечно, гениально вышла из положения, увезла Арину, но я для нее, похоже, кончился... Ну и

черт с ней, может, оно и к лучшему, а то еще влюбился бы как бобик, натворил бы глупостей, а зачем? Все они в общем более или менее одинаковы при ближайшем рассмотрении. Ну умнее она Арины и что с того? Тут уже много лет прожито и не все годы были сытыми и благополучными. Надо только как-то отучить Арину от этих потуг на светскость и аристократизм, в ее случае это по меньшей мере смешно...

— Мэтью, иди завтракать! Я ее убью!

— Мэтью, что с тобой?

— Ничего, не обращай внимания, это рабочие проблемы.

— Может, ты поделишься?

— Мне пришлось бы прочесть тебе не одну лекцию, чтобы ты хоть отдаленно что-то поняла.

— По-твоему, я такая дура?

— Я этого не говорил, но ты ровным счетом ничего не понимаешь в том, чем я занимаюсь.

— Ты, кажется, забыл, что я все-таки окончила МХТИ.

— Во-первых, когда это было, а во-вторых, мои проблемы ничего общего не имеют с химическими технологиями.

— Это уж точно, твои проблемы связаны с литературой и архитектурой в одном флаконе. Я тебе тогда помешала, вот ты и бесишься.

— Ты это о чем? — спросил он таким голосом, что у Арины заболело под ложечкой. Но она уже закусил удила.

— Ты ж небось уже подкатился к ней в Москве, а она тебя продинамила, да? Зря стараешься, бабы не прощают трусости! — выкрикнула она и тут же пожалела.

Он побелел, потом побагровел, но все-таки взял себя в руки.

— Арина, ты, по-моему, спятила. Вообразила себе невесть что, и... Обратись-ка, моя дорогая, к психотерапевту. Это становится навязчивой идеей. Мне с высокой колокольни плевать на эту бабу. Я терпеть не могу эмансипированных, уверенных в себе сорокалетних теток!

— Тогда почему же она так поспешно увела меня из этой будки?

— О! А вот об этом тебе следовало бы спросить у нее! Она там была, а не я!

— Ну вот ты и попался!

— Что?

Ну я так и думала! Ты не умеешь врать, Мэтью! Я ведь ни единого звука тебе не сказала о том, что нашла ее голую в будке лодочника, а ты оказался в курсе... И судя по тому, как ты беснуешься в последнее время, трахнуть ее ты не успел!

— Да побойся Бога! Я узнал об этой истории от Миклашевича, которого встретил на заправке на следующее утро. Только и всего. И заруби себе на носу, Арина, что...

— Нет, это ты заруби себе на носу, Мэтью, что я начеку и если ты свяжешься с этой бабой, я такое устрою, никому мало не покажется, ни тебе, ни ей!

Он вдруг рассмеялся, впервые за последнее время.

— Ты так ревнуешь меня, Аришка? Мне даже приятно.

Такой резкий переход совершенно сбил Арину с толку. А может он и вправду узнал обо всем от Миклашевича? В тот день он действительно ездил на бензоколонку... Надо быть осторожнее и не упоминать больше об Олесе, а то он может назло мне связаться с ней... Надо просто забыть об этой теме, вернее, сделать вид... а еще надо попробовать поговорить по душам с его секретаршей, узнать, как он ведет себя на работе, и, уже исходя из этого, решить, как быть дальше.

* * *

В аэропорту меня встречал только Гошка. Я от радости даже задохнулась. Как он чудесно выглядит — загорелый, свежий, глаза веселые.

— Мама! Мамочка!

— Гошка, а где твой дед?

— Он сегодня занят, я один приехал! Мы поедем на такси! Знаешь, у нас для тебя сюрприз! Мам, а ты чего-то бледная, усталая, да? Книжка еще не вышла? А красную бейсболку привезла?

— Привезла, не волнуйся. А что за сюрприз?

— Увидишь!

Мы погрузились в такси. Гошка захлебываясь рассказывал мне о своих впечатлениях от поездок по Европе с дедом.

— Гошка, а куда мы едем?

— Сюрприз!

Мне не хотелось никаких сюрпризов, я устала, ибо всю ночь препиралась с Миклашевичем, пытаюсь доказать ему, что замужество — не моя стезя. В результате мы страшно поругались и он ушел, хлопнув дверью, но до этого успел наговорить мне много гадостей. Правда, когда он ушел, я испытала облегчение. Огромное облегчение.

— Гош, может, скажешь, куда мы едем?

— Нет! Дед не велел!

Если я не сижу за рулем, то быстро засыпаю в любом транспорте. Я и тут вздремнула. И открыла глаза, когда машина остановилась.

— Приехали, мама!

— Ну и чей это дом?

— Наш! Мы переехали, мама!

— Что? Весь дом ваш?

— Ага! Тут так клево! И сад...

Действительно, дом стоял в небольшом ухоженном саду. И первое, что бросилось в глаза — фарфоровый гном в траве.

— Mam, ты чего смеешься?

— Да так... Радуюсь!

Дом был очарователен. Просторный, светлый, с пресловутыми французскими окнами, с белым столом на зеленой лужайке...

— Дед что, жениться собрался? — предположила я.

У Гошки вытянулось лицо.

— Mam, ты чего? Он же старый! И вообще...

— Ну, не такой уж он старый, вполне может жениться, а иначе, зачем ему такой большой дом?

— Ну, во-первых, у него сейчас много учеников...

Что во-вторых, я так и не успела узнать, так как зазвонил телефон. Гошка схватил трубку. Я не стала вслушиваться, а направилась в ванную, вымыть с дороги руки.

— Mam, как насчет велика, а? Прокатимся?

— Прямо сейчас?

— Ага, дед нас ждет в ресторанчике за полтора километра отсюда.

— Полтора километра можно пешком пройти!

— Но это будет дольше. Давай, мам, тряхнем стариной!

— Но мне надо переодеться.

— Давай быстро переодевайся, и поедem, я пока выведу велики.

Вероятно в Москве подобная идея не вызвала бы у меня ничего, кроме раздражения, но тут... почему бы не прокатиться немного на велосипеде? С превеликим удовольствием, как говорится! Я была так счастлива, что вырвалась наконец из Москвы, где в последнее время на меня обрушилось столько эмоций, столько дурацких проблем и недоразумений... Достаточно вспомнить странное появление Юльки... И ведь она ни разу мне больше не позвонила. Я дважды пыталась набрать телефон, значившийся на карточке, но там был включен автоответчик. А мобильный заблокирован. И я бросила попытки связаться с сестрой. Я словно потеряла ее во второй раз. И теперь уж, видимо, окончательно, хотя вовсе не исключала, что она

может возникнуть, когда ей понадобится алиби для мужа...

— Мам, ну ты скоро? Я есть хочу!

— Бегу!

На велосипеде я езжу только в Германии с Гошкой. Вот и теперь мы покатали по специальной велосипедной дорожке. Погода стояла теплая, светило солнышко, вокруг было красиво, по-европейски уютно и мило. Владимира Александровича я увидела издали. Он стоял, приложив руку козырьком ко лбу, и вглядывался вдаль. Темных очков он не признавал. Для своих семидесяти двух выглядел он превосходно.

— О, вот и наша знаменитая писательница прибыла! Рад, весьма рад, Олесенька! Ничего, что прямо с самолета на велосипед?

— А такси вы забыли? — засмеялась я. Мне всегда было с ним легко, куда легче, чем с его сыном.

— Ну как тебе наше новое обиталище?

— Не иначе, вы собираетесь жениться!

— Боже сохрани, я в эти игры больше не играю. Ну, что будешь заказывать?

— Сосиски и темное пиво! Отдам дань местной кухне.

— А потом пойдем в кондитерскую! — заявил Гошка. — Ух, до чего я рад, мама!

— Да, кстати, тебе привет от Майки, я ее встретила, она такая хорошенькая!

Гошка помрачнел.

Владимир Александрович тоже это заметил и сразу перевел разговор.

— Кстати, Олеся, послезавтра я намерен реабилитироваться, и мы-таки поедem в Зальцбург!

— О! Я с восторгом!

На Новый год мы с Гошкой тоже были в Мюнхене и второго января рано утром выехали на машине в Зальцбург, да так до него и не доехали, с полпути повернули назад, ибо начался такой буран и заносы на дорогах, что мы сочли за благо вернуться в Мюнхен.

— Я с восторгом, давно мечтаю туда попасть!

И вообще, я буду тут отдыхать на всю катушку, я даже ноутбук дома оставила.

— Ура! — воскликнул Гошка.

— У тебя усталый вид, девочка, — сказал вечером Владимир Александрович. — Ты отдыхай тут, ни о чем не волнуйся, Гошкой я доволен, он у нас хороший малый. Должен сказать, он тебя просто обожает.

Я это и сама знала, но слышать было все равно приятно.

— У тебя какие-то неприятности? Да?

— Не уверена, что это можно назвать неприятностями, скорее неурядицами. Ничего существенного.

— Ну и слава богу! Но ежели захочешь поделиться или посоветоваться, я к твоим услугам.

— Обязательно и поделюсь, и посоветуюсь, но сперва хочу попробовать сама с этим разобраться, пусть все немножко уляжется в башке, а то и работать мешает и вообще... Думаю, денька через три-четыре мы обо всем поговорим, ладно?

— Ну разумеется! А шла бы ты спать, голуба моя. Гошка все равно смотрит футбол. И тут уж ничего не попишешь.

— Да, пожалуй, вы правы. Я и вправду устала.

* * *

Утром я проснулась от солнца и птичьего щебета. В открытое окно на втором этаже лился чудный воздух. Как хорошо, как спокойно... А может, я зря оставила дома ноутбук? Наверное через недельку мне захочется работать... А может, задержаться тут подольше? Я же не знала, что свекор снял такой чудный дом... И никаких тебе Роз, никаких Миклашевичей. Ура! Нет, не буду о них думать. Лучше подумаю о книге... Моя Марина там оказалась между двух огней. Два мужика, оба в общем-то годятся для нее, каждый по-своему хорош, она стоит перед выбором. Оба добиваются ее, а она в растерянности. Но я должна за нее сделать выбор. Хотя мне тоже они оба нравятся. Но ведь известно, за двумя зайцами погонишься... И заблудишься в трех соснах! А что, прекрасное название — «Два зайца, три сосны»! А ведь у меня тоже вроде как два зайца... Но я ведь ни за одним из них не гонюсь, хотя, если честно, я бы не прочь завести легкий роман с Аполлонычем. Я просто убеждена, что роман с ним был бы именно легким, ни к чему не обязывающим. Он не собирается расставаться со своей Ариной, мне тоже он триста лет как муж не нужен, но нас явно тянет друг к другу, хотя его ретирада под кровать в будке лодочника до сих пор вызывает у меня смех вкупе с легким презрением. И все-таки надо дать ему шанс реабилитироваться. Но как? Не звонить же ему... А я попрошу

Лерку! Да, именно, попрошу ее позвать нас обоих в гости. Вот, один заяц уже появился. Заяц за которым я, вроде как, гонюсь. Но уж Миклашевич в зайцы никак не годится, он даже в любимые зайчики не годится. Он — волчара, хотя нет, он просто противный злой заяц из «Ну, погоди!». Терпеть его всегда не могла. Не Миклашевича, а мультипликационного зайца. Миклашевича я любила... Еще как любила! У меня просто снесло крышу, когда я наконец переспала с ним... Какой он был тогда милый, влюбленный, нежный, веселый, и это не говоря уж о сексуальном впечатлении, которое он на меня произвел... Помню, мы тогда поехали вдвоем в Израиль, и нам было так здорово вместе... Мы столько смеялись... Помню, однажды утром я проснулась, он спал рядом и я сказала себе: я люблю в нем все, каждую его ресничку в отдельности, шрам на ноге, родинку на предплечье... Нет, этим воспоминаниям нельзя предаваться, слишком опасно. Лучше вспомню, что было потом. Измены, хамство, несправедливые обвинения, идиотская ревность невесты к кому, принимавшая поистине чудовищные формы... Нет, от этого зайца надо бежать сломя голову. А какую сцену он мне устроил позавчера, когда я в который уж раз сказала, что не выйду за него... И ведь это не от любви. Просто, как я могу в чем-то отказать такому потрясающему типу? Ну, тут уж он вынужден был объяснить мне, кто я такая на самом деле — бездарная баба, ни кожи, ни рожи, обалдевшая от дешевого успеха, невеста что о себе возомнившая. Я пыталась спросить у него, зачем же я такая ему нужна, но где там! Он не слышал меня, и, кажется, себя уже тоже не слышал. Тьфу! Не хочу я больше его видеть и знать.

— Мам, ты спишь? — в дверь просунулась взлохмаченная Гошкина башка.

— Нет, балдею!

— Мам, какие на сегодня планы?

— А никаких. Есть предложения? Излагай!

— У деда сегодня дела, так что мы свободны, а завтра поедem в Зальцбург!

— Это я помню. А давай просто пошляемся по Мюнхену?

— Мам, ты же будешь по магазинам таскаться, я тебя знаю.

— Могу и не таскаться.

— Не хочу видеть твои страдания, — засмеялся Гошка. — Давай знаешь как сделаем? Ты вали по магазинам, а в три встретимся на Мариенплац и пообедаем в ресторане.

— У тебя утром есть какие-то планы?

— Это не планы... а так... — покраснел Гошка.

— Девочка? Как ее зовут?

— Марика.

— Все, договорились. Если хочешь, приводи Марику на обед.

— Нет, мам, это ни к чему, — еще сильнее покраснел сын.

— А сколько ей лет?

Тринадцать! Она клевая, знаешь, ее мама работает в зоопарке, у них там недавно родился жирафик Джимми, ой, мам, он такой! Его еще посетителям не показывают, а я уже видел! Марика иногда помогает там маме, и я тоже... Только ты никому не говори, ладно?

— Ладно. А дед в курсе?

— Конечно, ему тоже Марика нравится. Она будет биологом, как ее мама. У них дома одно время жил котенок пумы, это вообще умереть не встать.

— Котенок пумы... Это мечта... Он мягонький?

— Не то слово... Но его скоро отдали, их опасно в доме держать.

— А ты с Марикой говоришь по-немецки?

— Когда как, но чаще по-русски. Ее мама русская, Евгения Петровна. Тоже кстати клевая тетка, и читает все твои книги. Говорит, что отдыхает душой, вот! Кстати, вставай, дед приготовил завтрак.

— Встаю!

Через десять минут мы втроем уже завтракали на кухне. На столе было все мое любимое и упоительно пахло кофе из кофеварки.

— Мам, хлеб совсем свежий, я смотался в булочную!

— Молодец, спасибо тебе.

— Жених тебе на новом месте не приснился? — лукаво осведомился Владимир Александрович.

— Слава богу, кошмары меня не мучили!

— Какие планы на день?

— С утра курс тряпкотерапии, а днем обед с сыном. Дальнейших планов пока нет.

— Если хочешь, можешь взять сегодня машину.

— Да нет, спасибо, не хочу никаких заморочек, где там парковаться, я ж с ума сойду.

— Пожалуй, это мудро. Лучше взять такси.

Обожаю ходить по магазинам за границей, особенно когда мне ничего определенного не нужно, а деньги есть. Они не так давно у меня появились и я еще не привыкла к ним, они доставляют мне удовольствие, нет, не так — мне доставляет удовольствие их тратить. Я никогда не роскошествую, не покупаю шмотки от кутюр или драгоценности, с ума не схожу, но...

Словом, я побрела по любимым мною мюнхенским улицам, никуда не торопясь, ни о чем не думая, просто наслаждаясь жизнью. Через два часа я, накупив всякой нетяжелой ерунды, решила передохнуть в кондитерской, а потом с новыми силами побрела дальше. Ровно в три я в изнеможении присела на край фонтана на Мариенплац. Вскоре появился Гоша.

— Нагулялась? Еле жива, да?

— Да! Куда пойдём?

— Далеко не стоит, не дойдёшь, по-моему.

— Это точно! Но я хочу сидеть на воздухе. Мы нашли премилое заведение.

— Ну, как Марика?

— Нормально.

— А Майка?

— Что Майка? Майка просто подруга детства.

— Ах, подруга детства! Гошка, ты почему мне ничего не сказал?

Он вспыхнул.

— Про что?

— Про бабушку.

— А зачем?

— Как зачем? Я бы с ней поговорила...

— А толку что? И вообще, мам, раз ты сама начала... Знаешь, дед хочет, чтобы я остался здесь, с ним. Он для этого и дом снял... Мам, я лучше с ним останусь, ладно?

Я замерла.

— Понимаешь, я не хотел тебе говорить, думал, дед сам скажет... Но лучше я... Я не могу больше с бабушкой...

— Гошка, но почему ж ты мне ничего не говорил, мне казалось, ты ее любишь, тебе с ней хорошо...

— Мама, ты же так хотела жить одна, я понимаю тебя, ты работаешь и личная жизнь...

Меня бросило в жар.

— Какие глупости ты несешь! Одно твое слово и я бы все сделала по-другому... И уж ни за что бы тебя ни бросила с бабкой...

— Да я тогда тоже еще не знал... Когда ты съехала, тогда, в общем-то, все и началось...

— Да что началось-то, Гошенька?

— Ничего такого... Она меня не била, голодом не морила...

— Еще не хватало!

— Понимаешь, когда ты еще с нами жила, она... как бы это сказать...

меньше выступала, понимаешь? Но это бы все ладно, но она начала на тебя наезжать... причем не со мной, а со своими старпершами... Олеся никудышная мать...

— Оказывается, она была права, — с горечью проговорила я.

— Ничего подобного, ты самая клевая! И еще всякие гадости про тебя говорила... Но это ладно, она старая... Но мне одна девчонка в школе сказала, что бабка когда-то настучала на тетю Юлю в гебуху... Я не поверил и решил спросить у бабки сам... Вот тут началось... Mam, скажи мне честно, я уже почти взрослый, это правда?

— К сожалению, правда. Я сама долго в это не верила... Вернее, не хотела верить... Но когда узнала, ушла от нее...

— А зачем вернулась?

— Положение было безвыходное, да и жалко мне ее стало, времена-то поменялись, ее с работы поперли, она растерялась...

— И ты ее простила?

— Простила, наверное. Она же все-таки мне мать.

— А тетя Юля?

— Что?

— Она не нашлась?

— Нашлась. Только бабушке об этом ни слова.

— Mam, я к ней не вернусь.

— Гошенька, я после разговора с Майкой и сама так решила. Я куплю двухкомнатную квартиру и будем жить вместе. Вот вернусь отсюда и займусь... Постараюсь к началу учебного года успеть...

— Нет, мама, я останусь с дедом! Я хочу остаться с ним! Ты не обижайся, я тебя знаешь как люблю, но сейчас мне лучше будет с дедом.

— Это не из-за Марики?

— Нет, просто я сейчас деду нужнее, чем тебе... И потом он мужчина, — потупился он.

— Воображаю, что будет с бабушкой...

— Да ничего особенного, просто будет поливать тебя еще больше, и деда заодно... Mam, а расскажи про тетю Юлю! Где ты ее нашла?

— Это она меня нашла.

И я выдала сыну сильно приукрашенную версию Юлькиного появления в Москве.

— Mam, а мы правда к ней поедем? — загорелся Гошка.

— Ну, разве что на Рождество, мы говорили о сентябре, а я в тот момент забыла, что у меня же книжная ярмарка... И вообще... Там будет видно.

— Она тебе не понравилась через столько лет, да? — спросил не в меру проникательный сын. — Она стала как бабка?

— Ну в общем-то ты прав...

— Мам, так ты мне позволишь остаться?

— Ты твердо решил?

— Да.

— А если у меня будет двухкомнатная квартира?

— Нет, мам, я не из-за квартиры, я просто хочу с дедом... Но я буду приезжать, и ты к нам, сколько захочешь... И потом дед говорит, что армия...

О, армия более чем весомый аргумент в пользу такого решения. Какая мать в наше время не замирает от ужаса, слыша это слово, какая мать не примеряет на себя каждое сообщение о побеге солдат из части, о беспределе в казармах... Я хорошо помню, как покончил с собой в армии мой одноклассник Серега Колосков... А Ванька Федотов сошел с ума...

— А где же ты будешь учиться? У тебя не такой уж хороший немецкий...

— А ты знаешь, дед со мной дома говорит только по-немецки, и дружок у меня есть, Клаус, он вообще по-русски ни в зуб ногой... Мам, ты не расстраивайся, мне тут будет хорошо, правда-правда! Знаешь, я хочу еще мороженого!

* * *

Вечером, когда Гошка лег спать, Владимир Александрович налил нам по рюмке коньяка и сказал:

— Олесенька, я так понял, что Георгий уже поговорил с тобой?

— Поговорил, — вздохнула я.

— И что ты на это скажешь? — с некоторым даже страхом спросил он.

— А что я могу сказать, вы же все уже без меня решили... И вероятно это мудрое решение, хотя мне очень больно, но я сама виновата... Я оставила Гошку на маму, занялась своим писательством... И вот так теперь все вышло... Но когда Гошка сказал про армию, я даже в душе заткнулась. Все более чем понятно. Да и вы куда лучше сумеете воспитать в нем мужчину... Но я буду его содержать. Вы скажите мне, сколько нужно будет, я сейчас это могу... И за дом буду платить...

— Олеся, я хочу сказать тебе одну вещь, но ты пообещай, что ни звука не скажешь Георгию.

Я со страхом смотрела на него.

— Этот дом принадлежит... Гошке.

— То есть как? — опешила я.

— Год назад умерла моя сестра в Австралии...

— Я не знала, что у вас есть сестра в Австралии...

— В свое время сей факт приходилось тщательно скрывать и я привык... Так вот, она оставила мне в наследство... очень немалую сумму. И я поспешил купить дом, но Гошка об этом не знает. Я хочу переписать дом на тебя. Я же не могу пока, да и не хочу оформлять его на имя Георгия, а в том, что Юра и его нынешняя супруга поведут себя порядочно после моей смерти, я не уверен. А посему, я запишу его на тебя, и тогда он уж точно достанется Георгию. Понимаешь?

— Да, понимаю... Хотя Юра вполне порядочный человек.

— Но связался с непорядочной бабой. А говорить обо всем этом Георгию я не хочу, ибо у мальчишки в таком возрасте могут появиться нежелательные настроения. Он должен знать, что все в жизни достигается трудом, мы с тобой можем как угодно баловать парня, но он понимает, что и мне и тебе все нелегко дается. Кстати, он понимает, что ты работаешь как каторжная и очень тобой гордиться... Вообще, ты молодчина, и он растет хорошим малым, несмотря на воспитание Надежды Львовны. Так ты обещаешь мне, что ничего ему не скажешь?

— Обещаю. Это мудро, Владимир Александрович. И я доверяю его вам, как говорится, с легким сердцем.

* * *

Прошло несколько дней. Мы успели съездить в Зальцбург, показавшийся мне поистине сказочным городом, переночевали там и на два дня смотались в Вену. Владимир Александрович так много знал об истории этих в высшей степени музыкальных городов и умел так интересно рассказывать, что мы с Гошкой слушали его буквально открыв рот. Потом мы с удовольствием вернулись в наш уютный дом.

Владимир Александрович сказал Гошке:

— Георгий, ты не удивляйся, в связи с твоим переездом сюда, нам с мамой придется решить ряд вопросов, так сказать, юридических, поэтому завтра мы с утра поедem по этим делам.

— Ладно, а я смотаюсь в зоопарк, охота посмотреть на жирафика! Мам, а ты не хочешь?

— Хочу, но позже! Завтра у нас дела.

И утром мы уехали. Оформление заняло кучу времени и нам предстояло еще множество формальностей. Мы возвращались домой под вечер, усталые до изнеможения. Еще из машины я увидела, что за столиком в саду сидят Гошка и какой-то мужчина. Я пригляделась, и мне стало нехорошо. Это несомненно был Миклашевич.

— Кто это? — спросил Владимир Александрович. — Я его не знаю.

— Один из двух зайцев, — вырвалось у меня.

— Мне всегда казалось, что погоня за зайцами не твой жанр, — усмехнулся он.

— Конечно, эти зайцы сами за мной гоняются.

— А ты?

— А я, кажется, заблудилась в трех соснах. Черт его принес!

— Я так понял, это не тот заяц?

— Откуда я знаю... Хотя вы правы, не тот.

— А я сам на него посмотрю, вдруг ты ошибаешься...

— Нет, этого зайца я хорошо знаю.

Но нам навстречу уже бежал Гошка, на его мордахе была написана искренняя радость. Миклашевич неспешно, деликатно шел за ним.

— Mam, дядя Митя приехал!

— Да уж вижу!

— Mam, поздравляю! Ты почему мне ничего не сказала?

Mне опять стало нехорошо.

— О чем это ты?

— Как о чем? О свадьбе!

— Олесенька, я так соскучился! Познакомь же меня с Владимиром Александровичем! Я, разумеется, прекрасно знаю вас, как потрясающего пианиста, неоднократно бывал на ваших концертах, но лично не имел чести...

Да я готова поклясться, что он даже забыл, где находится консерватория! Но Владимиру Александровичу его слова несомненно были приятны.

— Олеся, кажется, впала в ступор, посему представляюсь сам — Дмитрий Миклашевич, архитектор и будущий муж...

От его наглости я и впрямь впала в ступор. А они уже пожимали друг другу руки.

— В юности я всегда бегал на ваши концерты, особенно если в программе была H-moll'ная Шопена. Лучше вас ее никто не играл! А восьмая Прокофьева! Знаете, у меня есть запись Лондонского концерта

восемьдесят второго года...

От изумления у меня в зобу дыхание сперло. Никогда в жизни я не слышала о его увлечении серьезной музыкой. А Владимир Александрович внимал ему более чем благосклонно. И Гошка смотрел ему в рот. Что же это такое?

— Господа, вы, вероятно, устали и голодны, а посему я предлагаю всем через полчаса поехать в ресторан, мы поужинаем и обсудим наши с Олесенькой, так сказать, матримониальные планы... Ужин обещаю дивный! Я знаю здесь неподалеку потрясающий ресторанчик. Фантастика, пальчики оближете. И я уже выяснил у Гошки, что вам это заведение незнакомо!

Обаяние было включено на полную мощность. Не поддаваться ему просто невозможно. Проклятый паук, уже затянул в свою паутину и свекра, и сына, да и я уже начинаю барахтаться как измученная муха-цокотуха. А где мой комарик? Нету!

— Мам, а он классный! Ты почему мне ничего не сказала? — шептал Гошка, провожая меня наверх.

— Да что я должна была тебе говорить? — разозлилась я.

— Ну про замуж! Про свадьбу! Он сказал, что ты уже присмотрела платье для свадьбы, зеленое!

И тут мне в голову стукнуло, что это просто потрясающий эпизод для романа! Злой заяц берет ее нахрапом... Правда, в отличие от меня, Марина хочет замуж.

— Мам, а я тоже хочу на вашей свадьбе гулять! Дядя Митя обещал!

— Да? Может, он сказал, где будет свадьба и когда? Мне здорово интересно!

— А ты что ли не знаешь?

— Понятия не имею!

— Да ладно! — не поверил мне сын.

— Ей богу! Мы с Митей поссорились накануне моего отъезда...

— Да, он говорил... И приехал просить прощения... Он тебя жутко любит! Мам, я лично за! Он классный!

— Ты за? А я вот против.

— Он это тоже сказал, что ты здорово кобенишься, но просто потому что ты женщина, а женщины любят кобениться...

— Чего только не узнаешь о себе... Хорошо, Гошка, мне надо принять душ и переодеться.

— Значит, ты согласна поехать на ужин?

— У меня что, есть выбор?

— Нет, мамуля, у тебя нет выбора! Ура!

Выйдя из душа, я подошла к окну. За столом на лужайке Миклашевич с Гошкой играли в шашки. Но вот Гошка вскочил, радостно вскинув руки, видимо, выиграл и оба чему-то стали смеяться.

Все это казалось мне бредом, так не бывает, по крайней мере я ни с чем подобным в жизни не сталкивалась. Или Миклашевич действительно меня любит? Не может такого быть. А почему собственно? Да, я не Синди Кроуфорд, но кто сказал, что любить можно только топ-моделей? Ерунда это... Он, как Онегин, с опозданием оценил Татьяну, а она уже другому отдана и будет век ему верна... Но я-то никому не отдана, так почему же не захомутать меня, тем более на горизонте маячит соперник... Но соперник, кажется, уже даже не маячит. И там Арина, ну ее в баню и доброго зайца заодно... Я ж его по сути совершенно не знаю, я даже толком ни разу с ним не говорила, все какая-то ерунда... Он чужой муж, и вообще чужой... Я его не знаю, а Миклашевича знаю как облупленного. Да, я теперь стала совсем другой, он это понял и решил строить наши отношения на совершенно других основаниях... Раньше я была молодой, глупой, безумно влюбленной, безропотно терпела его несносный характер и целиком зависела от него, морально и материально... Теперь же все переменялось. А может, мне и в самом деле надо выйти за него замуж, но жить своей жизнью... Да нет, глупости, зачем выходить замуж, если мне не хочется? Просто чтобы спать с ним в одной постели, услужливо подсказал организм. А может родить еще ребенка? Гошка уже взрослый, он уже оторвался от меня... И теперь я смогу уделять ребенку куда больше внимания... И Миклашевич что-то говорил о ребенке. Мне вдруг безумно захотелось снова услышать упоительный запах младенческой кожи... кормить его грудью, нет, ее, я хочу дочку... И если думать о ребенке, то надо спешить, мне почти сорок, откладывать нельзя... Все эти мысли и ощущения вихрем проносились в моей голове, и я начала судорожно одеваться и наводить красоту. Только нельзя сейчас, сегодня, дать ему понять, что я почти согласна. Надо обязательно поставить себя с ним так, чтобы он...

— Мам, ты скоро? Дед уже готов.

— Не торопи маму, наверняка, она красоту наводит! — одернул Гошку Владимир Александрович.

И он и Гошка уже сдали меня, да я и сама уже почти сдалась. Где ты, комарик? Но ни комара, ни второго зайца, да и сосны вот-вот вырубят...

* * *

И приняв весьма независимый вид, я вышла на лужайку. Миклашевич сразу вскочил мне навстречу, демонстрируя хорошие манеры, поцеловал руку и шепнул:

— Прости меня, Олеська, я же тебя люблю.

И улыбнулся такой обаятельно-виноватой улыбкой, что я и впрямь простила ему недавнюю безобразную сцену.

После действительно невероятно вкусного и на удивление приятного и непринужденного ужина мы втроем вернулись домой, а Миклашевич поехал к себе в отель, расположенный в пятнадцати километрах. Он был сама предупредительность и деликатность.

— Олесь, — спросил Владимир Александрович, когда Гошка ушел спать, — может быть, надо было пригласить Дмитрия Алексеевича пожить у нас, места хватит?

— Нет, это ни к чему.

— Девочка, ты сомневаешься?

— Еще как!

— Но почему? Он, по-моему, очаровательный, интеллигентный, широко образованный человек и любит тебя, искренне любит.

— Вы так думает?

— Ну, я, знаешь ли, доверяю своей интуиции.

— У него очень тяжелый характер.

— Но ты же умная женщина, ты сумеешь с этим справиться. И потом, даже тяжелый характер куда лучше бесхарактерности... Увы, мой сын оказался именно таким, бесхарактерным... К тому же Дмитрию Алексеевичу уже пятьдесят, он угомонился в значительной мере...

— То есть вы советуете мне принять его предложение?

— Разумеется. Постой, а разве ты еще не приняла?

— Нет, более того, я ему отказала...

— Но он ведет себя так, будто... Послушай, а ведь в этом есть наверное своя прелесть, когда мужчина так резко берет все на себя... Ты ведь любишь его?

— Я когда-то безумно его любила...

— Да? Но послушай, мне казалось, что для любой женщины самое большое удовольствие утратить нос не понявшему ее чувств кавалеру, а?

В этом есть сермяжная правда, — засмеялась я. — Но не настолько же, чтобы обрекать себя на постоянную нервотрепку. Чтобы жить в браке с Миклашевичем и терпеть его кошмарный характер, надо либо безумно его любить, либо быть материально в нем заинтересованной. Первое уже в прошлом, а второе сейчас для меня неактуально, да и вообще неприемлемо.

— Знаешь девочка, по-моему, ты хорохоришься, я сегодня наблюдал за вами, вы хорошая пара. Он тебя любит... И он страшно одинокий человек...

— Естественно, одинокий, с таким-то характером...

— Но он же так обаятелен, умен, образован.

— До определенного момента.

— Олеся, у него своих детей нет?

— Насколько мне известно, нет.

— Прости, девочка, за бестактный вопрос, у тебя есть кто-то другой?

— Нет, в общем-то нет.

— Значит, на примете кто-то?

— Тоже нет.

— Тогда я тебя не понимаю. Прости, но тебе скоро сорок лет, конечно, в наше время это не возраст, но... Почему бы не попробовать, сейчас, на совершенно новых основаниях? Ты вполне самостоятельна, он тоже, Георгий будет жить со мной, это решено, а может теперь все и сложится?

— Владимир Александрович, я не пойму, вам-то зачем это нужно?

— Мне его жалко, Олеся... Ты нужна ему.

— Да, мощное обаяние... Вот не ожидала от вас.

— Видимо, меня подкупило его романтически-мужественное поведение.

— Слышали бы вы, что он мне кричал накануне моего отъезда!

— Ну, милая, мало ли что можно крикнуть сгоряча!

— Мужская солидарность в действии?

— Знаешь, ты мне не чужая, я люблю тебя как дочь, и хочу, чтобы твоя жизнь была устроена. Ты попробуй! Не надо сразу венчаться, расписываться, если ничего не выйдет, просто разбежитесь... А может и сладится, кто знает, вы же не пробовали жить вместе. Иной раз человек невыносимый на работе и в, так сказать, амурных отношениях, бывает прекрасным мужем. Знаешь, есть такая еврейская мудрость: «Хороший человек не бывает хорошим мужем». Ладно, не стану больше к тебе приставать, ты сама должна все решить, но свою точку зрения я высказал. Ложись и постарайся уснуть.

Легко сказать, а как уснуть после всего этого? И Миклашевич был сегодня поистине неотразим, настолько, что червячок сомнения стал слегка точить меня. Ладно, доживу до утра, а там посмотрим, утро вечера мудренее.

И вдруг на ночном столике затрясся переведенный на вибрацию мобильник. Я испугалась. Номер не определился.

— Алло!

— Дурища, я же люблю тебя! — раздался голос Миклашевича и телефон отключился.

Вот сволочь! Прекрасно понимает, что я не сплю и терзаюсь сомнениями, потому и дурища... А вот напишешь такое в романе, скажут — так не бывает! Ну и пусть говорят, я теперь точно знаю, что бывает... На встречах с читателями меня часто спрашивают, бывают ли в жизни такие мужчины, как в моих романах, и я с чистой совестью отвечаю: Нет! Это сказка! И тут я уснула.

* * *

Утром меня никто не будил и я проснулась в половине одиннадцатого, чего со мной практически не бывает. И первое, что я услышала сквозь открытое окно, раскатистый смех Миклашевича. Он уже тут, черт бы его подрал. Обложили меня, обложили, вспомнился любимый Высоцкий. Я встала и подошла к окну. За столом в саду сидели трое и... играли в скрэббл! Просто семейная идиллия. Но самое смешное было в том, что все были в одинаковых полосатых футболках! Наверняка идея Миклашевича. Интересно, что бы это значило? Мне вдруг стало весело. А что, чем черт не шутит, может быть он и в самом деле нуждается во мне и в моем сыне и свекре мало ли, всякое бывает... И ведь я не могу сказать, что вовсе к нему равнодушна, я просто защищаюсь так...

Едва я появилась на крыльце, как Владимир Александрович вскочил, отдал честь и, вытянувшись во фрунт, отрапортовал:

— Капитан, экипаж в составе старпома, боцмана и юнги готов к выполнению любого задания!

— А кок в экипаже есть? Капитан голоден!

Я видела, как все трое просияли оттого, что я поддержала их дурацкую игру.

— Юнга, на камбуз, — скомандовал старпом.

А боцман Миклашевич поспешно собрал карточки и фишки.

— Выспалась? — заботливо спросил Владимир Александрович.

— Да!

— И, судя по всему, у тебя хорошее настроение. Я как старпом предлагаю после завтрака отправиться всем экипажем на озеро, купаться. Сегодня жарко!

— Предложение принимается!

А тут и Гошка примчался с подносом, на котором кроме кофе, сока и прочей утренней снеди стояла вазочка с красной розой.

— Юнга, а где белые перчатки? — сурово спросила я.

— Эх, черт, это моя промашка! — почесал в затылке боцман.

— Получите взыскание, боцман!

— Готов понести заслуженную кару!

— Ничего, боцман, она поест и подобреет! — утешил его Гошка.

— Юнга, вы вместе с боцманом будете наказаны за неподобающую вольность!

— А вот и фигушки! Мы поднимем бунт на корабле и вздернем капитана на рею!

— Ха! Не на того напали!

*Или бунт на борту обнаружив,
Из-за пояса рвет пистолет,
Так что сыпется золото с кружев,
С розоватых брабантских манжет!*

И тут вдруг я заметила, как сверкнули глаза у Миклашевича. Он гордо выпрямил спину:

— Мы тоже не лыком шиты, кэп!

*Пусть безумствует море и хлещет,
Гребни волн поднялись в небеса —
Ни один пред грозой не трепещет,
Ни один не свернет паруса.*

В эту самую секунду мне вдруг показалось, что да, конечно, он подходит мне, мы хорошая пара, мы пойдем друг друга теперь, в этой новой для нас ситуации.

— Ух ты, как здорово! Дед, ты эти стихи знаешь?

— Разумеется, это Гумилев, — усмехнулся Владимир Александрович. — Я с детства любил Гумилева, хоть он и был в свое время запрещенным поэтом.

*Разве трусам даны эти руки,
Этот острый, уверенный взгляд,
Что умеет на вражьи фелуки
Неожиданно бросить фрегат.*

Мы все одной крови, мелькнуло у меня в голове. И, кажется, Миклашевич прочел эту мысль, он иногда умеет читать мои мысли...

День прошел изумительно. Миклашевич не старался остаться со мной наедине, не «давил на секс», как выражается одна моя приятельница. Он бросил все силы на завоевание Гошки и Владимира Александровича, в чем безусловно преуспел. Но хуже всего то, что к вечеру я была уже опять без памяти влюблена в него.

Но вечером, когда я легла спать, я вдруг подумала: интересно, а Аполлоныч знает эти стихи? Конечно, это не так уж важно, на это можно и наплевать, но одно я знаю точно: с Ариной он так не сможет, даже если и знает...

— Мам, можно к тебе?

— Ты чего не спишь?

— Мам,... — в руках у Гошки я заметила зеленый том Гумилева.

— Мам, а как то стихотворение называется?

— Капитаны. Это цикл стихотворений.

— Обалдеть можно, я даже не думал, что это такой кайф. Мам, но правда же он классный?

— Гумилев?

— Да нет, Миклашевич. Он тебе подходит, мам.

Вот и дед тоже так считает. А бабушке, наверное, он не понравится.

— Бабушке вообще мало кто нравится. И у нас совершенно разные вкусы.

— Мам, скажи, вот у тебя есть мечта?

— Мечта? Есть.

— Какая?

— Чтобы ты вырос нормальным парнем, настоящим мужиком и был счастливым. Вот такая мечта.

— Нет, мам, это неинтересно.

— Еще как интересно!

— Нет, я имею в виду... Ну, хотела бы ты куда-нибудь поехать, куда-нибудь далеко, на Сейшелы, например, или на Гавайи?

— Не знаю... В принципе я вполне могла бы туда поехать. Хотя нет, я бы поехала на Таити. Вот на Таити да... Но это же так далеко!

— А в Австралию, например?

— Раньше я мечтала об Австралии, но недавно где-то слышала или читала, что там нельзя купаться в океане, акулы расплодились. Так что я там забыла в таком случае? Гош, признайся, это дядя Митя поручил Тебе

выяснить насчет мечты?

Гошка вдруг покраснел.

— Ага, я угадала!

— Только не выдавай меня, ладно? А то я дурак... так глупо прокололся...

— Не волнуйся, я своих не сдаю.

— А что мне ему сказать? Насчет Таити?

— Нет. Скажи, ничего не вышло, мама все время отшучивалась. А насчет Таити не говори, а то он и впрямь организует такую поездку, а дорога длинная, мы успеем разругаться вдрызг.

— Он тебя любит, мам!

— Там будет видно. Все, иди спать! А у Гумилева прочти «Лес», тебе понравится.

* * *

— Леруня, ты опять забыла мобильник! Разве можно быть такой растяпой!

— Ой, слава богу, я думала, что опять потеряла! Гриш, а что это у тебя лицо такое хитрое? Ты мне сюрприз приготовил? — обрадовалась Лера, бросаясь мужу на шею.

— Даже два! Один просто сногшибательный, узнаешь обалдеешь. А второй... Ну, тут я не уверен, что ты обрадуешься... Да, кстати, имей в виду — оба сюрприза нематериальны.

— Говори скорее!

— С какого начать?

— Ну с того, что похуже.

— Мы завтра едем к Розе на дачу.

— Я не поеду! И это не сюрприз, а черт знает что! Не желаю я туда ехать, с меня хватит, один палец я уже сломала и вообще, ну ее, эту куропатку!

— Почему куропатку? — опешил муж.

— Это Олеська придумала. Ну она же на курах двинутая, вот Олеська и прозвала ее куропаткой, ну как психопатка.

— Да, Олеське пальца в рот не клади... Так иной раз припечатает, кстати, второй сюрприз, собственно, не мой, а Олеськин. Вернее, с нею связанный. Я видел Толика, и он мне сказал знаешь что?

— Откуда я знаю? Что она остается в Германии, да?

— Ну вот еще! В Германии остается Гошка.
— Это не так уж глупо, только в чем сюрприз-то?
— Она выходит замуж, наша Олеська!
— Замуж? За кого?
— За Миклашевича!
— Гриш, ты так шутишь?
— С чего бы мне так шутить? Может, Олеська так шутит...
— Я так и знала! Вот дура, корова! Опять она с ним снюхалась! Опять ищет приключений на свою задницу!
— Леруня, чего ты так кипятишься?
— Потому что это идиотизм, входить опять в ту же реку, вернее, в то же болото! Миклашевич! Да он же мерзавец!
— Послушай, киска, в конце концов Олеся вполне взрослая самостоятельная баба — и ей-таки нужен муж, хотя бы для представительства. А то она всюду ходит одна, это как-то... ну не очень...
— Гриша, откуда в тебе это мещанство? — возмущенно завопила Лера.
— Ну и наконец ей нужен просто мужик, к тому же он на мой взгляд ей подходит...
— Много ты понимаешь! Он ее скрутит...
— Знаешь, твои причитания мне напоминают хор из «Евгения Онегина»: «Возьмет ее в жены и будет тиранить!»... Кстати, классе в восьмом или девятом мы с Розой бегали в Большой, мы тогда помешались на опере и в частности на «Онегине». А к Розе придется поехать, я же теперь работаю с ним и мы должны там быть. Просто не носись по саду как угорелая и все будет в порядке.
— Да если не носиться, там с тоски помрешь с этой Ариной. Хотя... Ладно, я поеду! — вдруг решительно заявила Лера.
— Ты что-то задумала? Колись!
— Ничего я не задумала, просто чем одной сидеть тут... Кто знает, может там какие-нибудь знойные женщины будут? Надо не спускать с тебя глаз.

* * *

Миклашевич пробыл в Германии пять дней и уехал в Карловы Вары, где лечилась Амалия Адамовна. Самое поразительное, что за эти дни мы ни разу не поссорились, причем мне даже не приходилось держать себя в руках. Нет, он был просто обворожителен и я не заметила, чтобы он

сдерживался. Все было вполне органично. Неужто он и впрямь изменился? Или так любит меня? Почему-то хотелось в это верить... Сочетаться законным браком я категорически отказалась, но мы решили попробовать жить вместе и даже устроить что-то вроде свадебной вечеринки и уехать потом в свадебное путешествие. И он принял мои условия! Гошка и Владимир Александрович были от него без ума. Сказать, что я осталась в уме, тоже нельзя, хотя иной раз сомнения меня посещали. Главным моим условием было одно: никаких перемен в жизни, пока не допишу книгу. А учитывая то, что я совершенно выбилась из колеи, мне на это понадобится около двух месяцев. Он, конечно, уговаривал сразу переехать к нему, работать летом в загородном доме лучше, но я отказалась наотрез. Потом, все потом! Но как ни странно, перспектива такого не узаконенного брака меня почему-то радовала и забавляла. Мне казалось, если он обидит меня, что более чем реально, обида будет тоже словно незаконной, понарошку.

Брак понарошку, кстати недурное название для книги. Нет, ерунда! Брак понарошку это просто фиктивный брак, только звучит игривее. Но так или иначе, а в Москву я вернулась в весьма приподнятом настроении. И первым делом решила прослушать автоответчик. Звонки были в основном деловые, один звонок от придурочной поклонницы «Госпожа Миклашевская, вы уж который день не отвечаете на мои звонки, видно, поставили телефон с определителем! Некрасиво так зазнаваться! Я вас любила, а вы...»

Слава Богу! Но неужели человек не может предположить, что я уехала? А впрочем, бог с ней, она явно не в себе. Звонок из одной телеструктуры, где хотят экранизировать мой последний роман, и вдруг: «Олеся, это Розен. Когда вернетесь, позвоните мне. Очень вас прошу!» Я вздрогнула. Голос звучал хриловато, взволнованно. Что ему еще от меня понадобилось?

Звонить Розе я не буду, а вот Лерке позвоню сейчас же. Я сбросила туфли и забралась с ногами в кресло.

— Лер, привет!

— Олеська! Приехала! Ну наконец-то? Олеська, это правда?

— Что?

— Что ты за Миклашевича выходишь?

— Господи, откуда дровишки?

— Гришке сказал Толик.

— А Толик откуда взял?

— Какая разница, главное, это правда?

— Правда, но только отчасти.

— То есть?

— Лер, давай лучше поведемся, все обсудим, но сперва я должна поговорить с мамой, объявить ей, что Гошка останется с дедом. После этого приятно будет посидеть где-то с подружкой и поболтать о любви.

— Олеська, опять? — трагическим тоном воскликнула Лерка.

— Ты даже вообразить себе не можешь, как он изменился!

— Щас!

— Нет, правда, ладно бы Гошка, но Владимир Александрович тоже от него без ума! Ладно, Лер, где И когда?

— Может, ко мне подвалишь?

— Да нет, давай поужинаем где-нибудь.

— Тогда на свежем воздухе, в «Клубе птицы и рыбы», пойдет?

— Отлично! Тогда в семь часов. Я сейчас приму душ и двину к маме.

— Сочувствую.

Мама встретила меня мрачно.

— С приездом! Как отдохнула?

— Замечательно, мама!

— Выглядишь неплохо. Как Гошка? Когда он возвращается?

— Мама, я хочу серьезно с тобой поговорить.

— О чем это?

— О Гошке.

— С ним что-то случилось?

— Слава богу, нет. Но дело в том, что... Владимир Александрович снял чудный дом в пригороде Мюнхена, и Гошка теперь будет жить с ним. Мы втроем решили, что так лучше.

Она пошла красными пятнами.

— Что значит лучше?

— Безопаснее, мама. Куда меньше шансов попасть в дурную компанию, и потом армия, сама понимаешь... Но самое главное, он так хочет.

— Кто? Гошка? Гошка хочет жить в Германии? Но это невозможно! Недопустимо!

— Почему?

— Потому что человек должен жить у себя на Родине!

Начинается!

— Мама, человек должен жить там, где хочет. Сейчас он хочет жить с дедом, поглядим, что будет дальше.

— Это недопустимо!

— Почему?

— Эмигрантщина очень дурная среда!

— Владимир Александрович не эмигрант, это раз, и потом Гошке сейчас нужно мужское влияние!

— Не эмигрант, говоришь? А кто же он? Самый жалкий эмигрантишка! И если бы я могла предположить, что он сманит моего внука... Я буду бороться!

— Мама, с кем ты намерена бороться?

— С этим эмигрантишкой!

— И как ты намерена бороться? Напишешь Ангеле Меркель, что профессор Мокшанцев педофил? — уже взбесилась я.

— Оставь эти гнусные инсинуации! А как ты, родная мать, можешь оставить сына на этого... на этого старого развратника? Чему он научит ребенка?

— Да почему же он развратник?

— Ты знаешь, сколько у него было баб?

— Ну и что тут плохого? По крайней мере Гошка станет нормальным мужиком... А Владимир Александрович умнейший, интеллигентнейший человек. Я бы мечтала, чтобы Гошка стал таким, как он. И вообще, мама, успокойся, вопрос решенный.

— А меня не надо было спросить, когда решался этот вопрос?

— Зачем было спрашивать, если я точно знала, что ты скажешь. К тому же Гошка категорически заявил, что хочет остаться с дедом.

— Ну конечно, он еще ребенок, он купился на западную мишуру! А ты и рада от него избавиться, чтобы строгать свои идиотские романы и водить мужиков! А что я останусь одна на старости лет... Вот подожди, ты тоже будешь старой и обязательно одинокой, тебе некому будет подать стакан воды, потому что Гошка бросил тут старую бабушку по твоему наущению и тебя тоже бросит.

— Мама, по-моему, я тебя не бросила. Я в Москве и сношу все твои капризы. Достаточно терпеливо, — добавила я, уже теряя терпение.

— Я должна поговорить с Гошей.

— Поговори, кто тебе мешает? Вот тебе мой мобильник, позвони ему и говори, сколько хочешь.

— Зачем мне твой мобильник? Я позвоню ему по городскому телефону...

— Я просто не хочу, чтобы ты потом рассказывала трагическую историю о том, как нынче дороги международные переговоры.

— Ничего, я это осилю! Но говорить в твоём присутствии не желаю! Запиши мне их новый телефон!

- Пожалуйста, вот.
- Да, кстати, я тут слышала, что твой последний «шедевр» рекламируют в метро! По-твоему, это прилично?
- А что ж тут неприличного? Реклама есть реклама.
- Меня просто в жар бросило! И почему ты не взяла псевдоним? Позоришь фамилию!
- Mam, тебе не надоело?
- Мне именно надоело! Я просто уже видеть не могу, что фамилия твоего отца красуется на безобразных глянцевых обложках этой дешевки! Мне стыдно, что моей дочерью торгуют на всех углах.
- Знаешь, нормальная мать, если и не гордилась бы, так по крайней мере радовалась...
- Нормальная мать? Я, значит, ненормальная? Наверное, я же все-таки разбираюсь в литературе, я литературовед...
- Мама, а ты прочитала хоть одну мою книгу?
- Я не могу это читать! Безыдейное, бессмысленное переливание из пустого в порожнее. Ах, он на нее посмотрел, ах, у нее потемнело в глазах, я воспитана на другой литературе.
- . — Мама, вот тебе деньги и я пошла. . — Привыкла, что тебя хвалят и не хочешь слушать правду!
- Mam, у тебя своя правда, у меня своя. Вот и все. Если что-то нужно, звони!

* * *

Я вышла от нее в состоянии близком к помешательству. В каком же кошмаре жил мой сын. И ведь никогда не жаловался, а он давно все понял... Слава Богу, слава Богу, что он теперь будет далеко от нее. Мне было ее даже жалко. Конечно, это уже почти клинический случай. А ведь когда в свое время я вернулась к ней, все эти советские страсти как будто были забыты, слишком трудно было жить, мне казалось, она что-то поняла и пришла в норму, но сейчас, когда у нее нет материальных забот и проблем... Что это? Такая неизбывная обида на новую жизнь? Или же попросту глупость? Я давно поняла, что моя мать не самая умная женщина, но сейчас это переходит все границы.

Я села за руль, меня трясло.

- Олеська, что, Надежда Львовна достала?
- Не то слово! Лер, умоляю, давай больше о ней ни слова! И мне надо выпить!
- Ты же за рулем!
- Я чуть-чуть! Ну, как дела?
- Да у меня-то нормально, а вот ты... Да, пока не забыла! Я тут общалась с Розой...
- И я пока не забыла! Он мне оставил сообщение на автоответчике, просит обязательно ему позвонить. Зачем, не знаешь?
- Догадываюсь, — таинственно улыбнулась Лерка. — Он узнал, что ты выходишь за Миклашевича и чуть не грохнулся в обморок от огорчения.
- Господи, откуда он-то узнал?
- От меня, откуда же... Я нарочно ему сказала.
- Лерка, зачем?
- Я не верю в изменившегося Миклашевича, я слишком хорошо помню все твои страдания...
- И по-твоему Роза может тут что-то поделать?
- Запросто. Он же тебе нравится.
- И что?
- Закрути с ним роман, пока не наделала глупостей.
- А закрутить с ним роман это не глупость? Он же зайчик, ручной зайчик у своей Арины, и боится ее до смерти. Под кровать полез, никогда не забуду его голый зад...
- Лерка расхохоталась.
- Что, зад был так прекрасен?
- Самый обычный зад, ничего выдающегося. Кстати, надо бы подарить Арине мысль сделать ему на зад у татуировку в виде курочки!
- А там ее пока нет?
- Скоро будет!
- Олеська, ты так это говоришь... Он тебе нравится.
- Плюскамперфект.
- Это что?
- Давно прошедшее время.
- Врешь! Этот пассаж насчет курочки на зад у выдает тебя с головой. Ты его не простила! А это значит, что ты по-прежнему к нему равнодушна!

— Ерунда, я опять втюрилась в Миклашевича. Ты даже представить себе не можешь, какой он стал. Он согласился на все мои условия...

— Какие?

Я изложила подруге все условия.

— Да? Ну чего не сделаешь, чтобы своего добиться.

— И еще... Я хочу второго ребенка...

У Лерки стали несчастные глаза. Она не могла иметь детей.

— А Миклашевич про твои планы знает?

— Идея принадлежит ему. А когда я задумалась на эту тему...

— Ну, если так... Но все-таки я ему не верю! Ты сразу-то рожать не бросайся.

— Лер, откладывать уже нельзя.

— Ну полгода-то поживи, присмотришь, что и как... Ты веришь в эту проснувшуюся через столько лет любовь?

— Откуда я знаю!

— Вот и попробуй, пока не съехалась с Миклашевичем, закрутить роман с Розой.

— Опять двадцать пять! Лер, а тебе-то это зачем?

— Куропатку не выношу! Гришка потребовал недавно, чтобы я поехала с ним к Розе. Я сперва не хотела, но он настаивал. Боже, какая она дура! Весь вечер рассказывала про какие-то великосветские похороны и кто во что был там одет! Я чуть не сблеванула.

— А Роза что?

— Так это она мне, а Роза с Гришей играли в бильярд. Олеська, уведи Розу, а?

— С ума сошла? Я сроду никого ни у кого не уводила, я просто этого не умею. Я не хочу, чтобы меня мучила совесть.

— Какая совесть? Если он ее бросит, она его отпустит только голым!

— Но с курочкой на заду. Оно мне надо? Она, небось, образцовая хозяйка, а я — сама знаешь. И если у меня что-то пригорит, то курочка на заду сразу напомнит, как вкусно готовила Ариша...

— Слушай, ты вполне нормально готовишь, не прибедняйся. И к тому же он добрый, и еще он сирота, а у Миклашевича мама.

— Знаешь, по сравнению с моей мамой, Амалия Адамовна суций ангел! Обожает играть в карты, помешана на своей собачке, немножко взбалмошна, но это все нормально, а моя...

— Олесь, а Юля... Она больше не появлялась?

— Нет, даже ни разу не позвонила. Знаешь, я очень отчетливо, наверное, впервые в жизни поняла, что такое отрезанный ломоть.

— Непонятно только, кто его отрезал, этот ломоть. Надежда Львовна или сама Юля...

— На сей раз все-таки Юля. Мать сделала глубокий надрез, но Юлька...

— Как грустно, Олеська!

— Грустно...

— Но не окончательно, наверное? Вон ведь Миклашевич тоже считался отрезанным ломтем, а видишь как...

— Да, странная штука жизнь... Но все-таки хорошая и за это стоит выпить, как ты считаешь?

— Стоит! Скажи, а Розе звонить не будешь?

— Еще не хватало!

— А Миклашевич в Москве?

— Нет, он поехал в Карловы Вары. Там Амалия Адамовна и он тоже решил пройти там курс...

— Подлечить печенку, прежде чем жениться?

— По-видимому.

* * *

Когда я вернулась домой, мне вдруг стало грустно — я так люблю свою квартиру, мне так хорошо здесь одной, зачем я согласилась перебраться к Миклашевичу? Правда, еще не сейчас, а когда допишу книгу... Когда же я ее допишу? Надо поскорее садиться за работу. Вот завтра с самого утра и сяду. Я уже соскучилась по своей непутевой Марине и ее двум зайцам. А у меня остался только один заяц... И хорошо, не надо блуждать в трех жалких сосенках... Зазвонил телефон.

— Олеська, как ты там? Я соскучился!

— Мить, я жутко устала...

— А я хочу только пожелать тебе спокойной ночи, — голос был бархатный, нежный, обволакивающий. — Я люблю тебя.

— Митька, что с тобой?

— Забота юности, любовь! Мама шлет тебе привет.

— Передай ей от меня тоже... Ты там лечишься?

— Первый и последний раз в жизни! Это кошмар, но я уже начал, говорят, если бросить, все мучения пойдут насмарку. Ты скучаешь по мне?

— Да, скучаю. Но с утра берусь за работу и скучать мне будет некогда.

— Да уж, пиши скорее, а то я не выдержу и сам вселюсь к тебе.

- Миклашевич, не начинай!
- Все, молчу и целую. Спокойной ночи, деточка!

* * *

Утром я села за работу, но мысли разбредались, голова была пуста, я не могла написать ни строчки. В таких случаях мне надо выйти из дому и пройтись. Я заглянула в холодильник. Там было почти так же пусто, как у меня в голове. Вот и хорошо, пойду куплю продукты, кстати, надо еще заплатить за квартиру, за свет. Я занялась квитанциями и вскоре уже вышла из дома. Почему-то вспомнился Матвей, как я его тогда разыграла. Интересно, к кому он приезжал во второй подъезд? Хотя какое мне до этого дело? А смешно вспомнить, до чего озадаченное лицо у него тогда было. Я прошла уже половину пути, заплатила за квартиру, когда позвонила мама.

— Олеся, я плохо себя чувствую.

— Что такое, мама?

— Давление подскочило! Мне необходимо купить лекарство. У меня кончилось.

— Хорошо, я сейчас куплю и привезу. Может быть, нужно что-то еще?

— Да, нужна минеральная вода, обязательно «нарзан», а еще купи апельсины.

— Мам, ну сейчас же лето, может, что-то летнее, абрикосы, черешню, клубнику... Малина уже есть.

— Не вздумай покупать на улице! Там фрукты полны тяжелых металлов! Только в магазине. Я же знаю, ты купишь первое попавшееся, а у апельсинов, по крайней мере, толстая кожура.

— Я куплю на рынке.

— Откуда ты можешь знать, где эти рыночные фрукты хранятся? Короче, купи апельсины.

— Хорошо, куплю апельсины. Что-нибудь еще?

— Нет, больше ничего не нужно. Главное — лекарство. И поскорее, мне плохо!

Вот и подумала над книгой! Ну ничего, значит, сегодня не буду работать, видно, не судьба. Я зашла в супермаркет, купила апельсины и еще коробочку нектаринов, может, мама сочтет их безопасными, на них наклейка «Седьмого континента». Потом я зашла в аптеку и решила не тащиться на рынок. Возьму сейчас такси и отвезу все. Выслушаю еще порцию жалоб, а там будет видно. Опять зазвонил телефон. Номер

незнакомый.

— Алло! Алло, вас не слышно!

— Олеся?

Я сразу его узнала и почему-то екнуло сердце.

— Кто это? — притворилась я.

— Олеся, это Розен.

— Матвей Аполлонович? Чем обязана?

— Олеся, надо срочно повидаться! Это правда, надо, почувствовала я.

— Зачем это? Хотите научить меня разбираться в сортах виски?

— Боже, какая злопамятность! — облегченно рассмеялся он. — Нет, я ничему не стану вас учить, я сам хочу научиться...

— Чему?

— Всему, Олеся, всему!

— Звучит многозначительно, но... не слишком умно!

Тоже верно. Олеся, все дело в том, что при вас я дурею, мне нужно вероятно к вам привыкнуть, чтобы вы не считали меня идиотом. Поверьте, я не такой.

— Пока придется поверить на слово. — Мне стало весело и легко. — Так что вы предлагаете?

— Для начала предлагаю пообедать. У меня будет два часа с двух до четырех. Годится?

Я посмотрела на часы.

— Хорошо. Где?

— Как вы относитесь к итальянской кухне?

— Положительно.

— Тогда... Вы сейчас где?

— Я еду к маме на Ломоносовский, но без машины.

— Отлично, я пришлю за вами машину, скажем, к половине второго, годится?

— Хорошо.

— Говорите адрес!

Я сказала.

— Олеся, мой водитель позвонит вам на мобильный.

— Договорились.

* * *

Очень интересно! Он, значит, решил действовать, узнав о предстоящем

браке с Миклашевичем? Ну-ну, поглядим, как он станет демонстрировать свой ум. Но чувством юмора бог его все-таки не обидел, и то хлеб. А после разговора с мамой, обед в его компании это именно то, что нужно. И в конце концов обед, да еще с ограничением во времени, ровно ничего не значит! Но настроение заметно улучшилось.

* * *

— Ну наконец-то! Сколько нужно времени, чтобы купить тот пустяк, о котором я просила?

Я промолчала.

— Почему ты не сказала мне, что выходишь замуж? Я уже не достойна знать такие вещи? Меня надо ставить перед свершившимся фактом?

— Тебе Гошка сказал?

— Его прямо-таки распирало от радости! Хорошего же ты отца сыну выбрала! Теперь мне понятно, почему он решил остаться с дедом!

— Мама, ты сама себе противоречишь, но впрочем, это не важно.

Я сообразила, что такая версия ей больше нравится, ну и слава богу.

— Значит, ты все-таки своего добилась!

— Ты о чем?

— О Миклашевиче. Поздравляю! И когда свадьба?

— Никакой свадьбы, и к тому же все это будет не раньше, чем я закончу книгу.

— У! Ты это зря! Сбежит твой женишок!

— Сбежит, не заплачу!

— Ну и дура! Надо хватать его и вести в ЗАГС, пока не передумал.

— Ни какого ЗАГСа не будет вообще.

— А что? Венчаться будете по новой моде? Попам кланяться?

— Нет, мама. Просто устроим обед для самых близких и уедем в путешествие. А потом я перееду к нему.

— Собачья свадьба, значит... Ну что ж, очень в твоём духе.

Я посмотрела на часы. Машина от Розена придет еще только через сорок минут. Надо набраться терпения.

— Мама, что еще сказал Гошка?

— Да я с ним мало говорила, я провела беседу с этим старым дурнем, объяснила ему кое-что...

— Боже, что ты ему объяснила, мама?

— Я потребовала, чтобы он не смел разрушать те духовные ценности,

которые я внушала Георгию. И чтобы непременно давал ему на ночь стакан молока.

Молоко ладно, а с духовными ценностями моей мамы я надеюсь Гошка и сам уже давно распрощался. Могло быть хуже. Честно говоря, я думала, что мама впадет в отчаяние, но к счастью, кажется, этого не случилось.

— Знаешь, сегодня утром ко мне зашла Маруся Сивкова...

Это соседка по площадке.

— И что?

— Вообрази, какая наглость! Она потребовала, чтобы я подписала бумагу в ее защиту!

— Какую бумагу? — удивилась я.

— Она состряпала бумагу для участкового, о том, что ее сестрица с мужем грозят ее убить, напиваются, дебоширят...

— Откуда взялась сестрица? — не поняла я.

— А когда ее мать умерла, явилась сестрица из Брянска и заселилась, мать ее еще при жизни там прописала. Особа, надо заметить пренеприятная, а муж еще того чище...

— Бедная Маруся!

— Да. Ее жалко, и потом раньше тут было тихо, а теперь эти устраивают пьяные дебоши...

— Ты подписала письмо?

— Разумеется, нет!

— Но почему? — обалдела я.

— Я никогда никаких писем не подписываю. Принципиально!

— Мама, но ведь это же не политическое письмо! Это просто крохотная, незначительная помощь, чисто символическая, потому что милиция в такие дела предпочитает не соваться, это что-то вроде моральной поддержки и только!

— Я сказала Марусе, что очень ей сочувствую, но письма не подпишу!

— Тогда я подпишу! Я тут прописана, я жила тут долгие годы, знаю Марусю с детства, а про сестру даже никогда не слышала!

— Не смей!

— Почему это?

— Кто знает еще как все обернется, а мне тут жить! И потом ты сейчас известная личность, зачем тебе замешиваться в какой-то семейный скандал?

— Что за чепуха!

Я вскочила и выбежала на площадку, позвонила Марусе в дверь.

- Олеся! — обрадовалась она.
- Маруся, мама мне сказала про письмо, давай я подпишу.
- Ой, правда?
- Конечно!
- Заходи, этих сейчас нет.
- Я на минутку. Там мама, ей нездоровится.
- На вот, подпиши! Только прочти сначала.
- Да чего там, все ясно.
- Нет, прочти, чтобы потом Надежда Львовна...
- Да плевать мне!
- Я настаиваю.

Я пробежала глазами бумагу. Маруся просто хотела собрать свидетельства соседей о том, что она живет в этой квартире уже сорок лет и занимает комнату площадью девятнадцать с половиной метров. Я тут же поставила свою подпись. И она была далеко не единственной.

— Знаешь, кто помоложе, все подписали, а старики... Иван Платоныч сказал, что подпишет, он ко мне хорошо относится, но только не первым. Олеся, это что, совок так глубоко в людей въелся?

- Боюсь, что да...
- Спасибо тебе!
- И куда ты с этой бумагой пойдешь?

— Отнесу участковому, пускай лежит на всякий случай. Я собираюсь в отпуск уехать, боюсь, как бы не выкинули мои вещи и не заняли мою комнату...

- О, Господи!
- Хочешь рюмку хорошего коньяка?
- Да нет, спасибо, я пойду...

— Мне Надежда Львовна сказала, что Гошка у деда в Германии останется. Это правильно, она парня просто замучила... Нет, ничего особенного, но на мозги ему капала, какие раньше чистые и прекрасные люди были, а теперь... И девчонок его гоняла. Майка, какая хорошая девка, а она... Ой, извини, не буду разводить сплетни.

И тут зазвонил мобильник. Водитель Аполлоныча уже ждал внизу.

- Мама, мне пора, меня ждут.
- Иди, от тебя одни только неприятности. Удивительная дочь.

Мне хотелось сказать, что не я удивительная дочь, а она просто паразитическая мать, но смолчала.

Внизу меня ждал черный БМВ с вышколенным водителем. За всю дорогу он не произнес ни одного слова не по делу.

Уже на Садовом кольце я спросила, куда мы, собственно, едем.

— Угол Спиридоновки и Вспольного, — кратко ответил водитель.

Только этого не хватало! Это ж тот ресторан, где мы были с Юлькой. Боюсь, ничего хорошего меня там не ждет, хотя сам по себе ресторанчик чудный. Попробую отговорить Матвея идти туда. Хотя это глупости. Другой человек, другая ситуация. Зато там тихо и малоллюдно. Идти, к примеру, в «Пушкин» с дамой опасно, а сюда...

— Матвей Аполлонович уже тут, — сообщил водитель, вылез, открыл мне дверцу, подал руку и сразу я увидела, как из черной «ауди» вылезает заяц номер два.

— Как я рад вас видеть! — просиял он. Я молча улыбнулась.

— Вы тут не бывали?

— Была однажды.

— Я очень люблю это место.

— Водите сюда своих дам? Тут хорошо, мало народу бывает. Безопасно.

Он рассмеялся.

— Я счастлив, что вы записали себя в мои дамы.

— Боже упаси!

Да, с ним надо осторожнее.

В зале громко пела канарейка. И не было ни души.

— Олеся, вы не за рулем, вина выпьете? Кстати, у вас что-то с машиной?

— Нет, просто я пошла пешком на рынок, а тут позвонила мама, пришлось схватить такси...

— Олеся, это правда, что вы выходите за Миклашевича?

— Решили взять быка за рога?

— Нет, я просто хочу, чтобы они у него выросли.

— Вы чересчур прямолинейны.

— А прямая это всегда самый короткий путь к цели.

Я только головой покачала, а он смотрел на меня так, что мне тоже захотелось немедленно наставить Миклашевичу рога, тем более, я абсолютно не была уверена, что он не нашел себе в Карловых Варах дамочку для временных утех...

У меня вдруг как-то пьяно и счастливо закружилась голова, хотя я не выпила еще ни глотка. Я чувствовала себя так, как нечасто бывало в жизни... И это относилось не только к Аполлонычу, глядевшему на меня с откровенным вожделением, нет, мне сейчас было почти наплевать на него, я сейчас любила себя, я гордилась собой. Я, закомплексованная,

затюканная матерью, жизнью, Миклашевичем, сумела сбросить с себя все это, я нашла стезю, я добилась успеха, но главное, я стала другим человеком, другой женщиной!

— Олеся, вы где сейчас? — вкрадчиво осведомился барон Розен.

— Матвей Аполлонович, а как принято обращаться к баронам? Граф — ваше сиятельство, князь — ваша светлость, а барон?

Понятия не имею! — рассмеялся он. — Мне мое баронство как-то до фени! Зовите меня просто Матвей.

— А как вас звали родители?

— Отец Матюхой, а мама — Мотей.

— А как звали вашего отца?

— Полик. Смешно, да?

— Да.

— А кстати, я теперь знаю все про ваши дурацкие наития. Мне рассказала ваша очаровательная подруга.

— Вот трепло! Разрушила такую красивую легенду!

— Я не знаю, что там с вашим наитием, но вы для меня стали наваждением.

— Благодаря так называемому наитию?

— Не исключено, но факт остается фактом.

— А знаете, я в своей новой книге пишу о точно такой истории. Я многое беру из жизни, как Джамбул, что вижу, то и пою. Вы знаете, кто такой Джамбул?

— Вы забыли, сколько мне лет? Конечно, знаю. Даже помню его портрет в «Родной речи». Я ему пририсовал рога...

— Послушайте, что за страсть к рогам? А вы сами не рога, случайно?

— Полагаю, что нет.

Я поняла, что он, вероятно, не пережил бы Ариной измены, а сам готов ей изменять на каждом шагу. Впрочем, чему удивляться, все мужики таковы.

— Я знаю, о чем вы сейчас подумали, — засмеялся он.

— Держу пари, вы ошибаетесь.

— Пари держать не будем, вы же все равно не признаетесь. Но это только треп. А я должен, просто обязан сказать... Я потерял голову.

— И я должна помочь вам ее найти?

— Просто обязаны! Вы так круто меня заинтриговали...

— Но вы же теперь знаете происхождение интриги.

— А это уже не важно! И потом, Олеся, если бы не досадные

случайности, у нас уже дважды была возможность...

— Досадные случайности это ваша жена и мой будущий муж?

— Олеся, зачем так конкретизировать все? Досадная случайность есть досадная случайность.

— Знаете, барон, я баба довольно суеверная, и помню, что Бог любит троицу. Обязательно возникнет третья досадная случайность. Так что не судьба...

— Ерунда! Если возникнет третья, то уж потом... И совсем не обязательно, что она возникнет... Черт знает что получается. Я уж понял — досадная случайность это вы сами.

— То есть?

— С вами не нужно пускаться в разговоры, с вами надо действовать.

— Возможно, но тут и происходят досадные случайности. И вообще, барон, я терпеть не могу иметь дело с женатыми мужчинами. Это обременительно для совести, неудобно и даже унижительно.

Я вдруг разозлилась, устала, в меня закрался какой-то страх, так со мной бывает, и этот страх никак не относился к барону.

— Извините, мне нужно позвонить сыну.

— Ради бога!

Я набрала Гошкин номер.

— Гош, у вас все в порядке?

— Да, мамуль, все клево! Вчера бабушка звонила.

— Я знаю.

— А сегодня дядя Митя звонил.

— Зачем?

— Ну, спрашивал, как дела и все такое... жаловался, что ему там скучно... А что у тебя, мам?

— Все нормально, сын. Ну ладно, пока!

— Что с вами, Олеся? Вы отчего-то вдруг встревожились?

— Да, сама не знаю, почему.

* * *

Я сидела на диване спиной к окну и вдруг заметила, что у него изменилось лицо. На нем отразился искренний восторг и даже умиление.

— Олеся! Гляньте, какая собака!

Я обернулась. На другой стороне Вспольного переуллка стоял мужчина с невероятной собакой. Она была огромная и фантастически красивая.

Серебристая пушистая шкура и черная, тяжелая, но на редкость добродушная морда.

— Ох, а что это за порода? — воскликнула я.

— Понятия не имею! Но глаз не оторвать! Вы любите собак, Олеся?

— Очень. А эту так и хочется обнять...

И вдруг у меня замерло сердце. К мужчине с собакой подошла женщина, погладила пса, чмокнула мужчину... Это была Юлька! У меня не возникло ни секунды сомнения. Она опять в Москве. Меня заколотило.

— Олеся, что случилось, вы так побледнели?

— Матвей, это моя родная сестра...

— Почему вы говорите об этом так, словно увидели призрак?

— Собственно, вы не так уж далеки от истины.

И в этот момент в ресторане появилась Юлька с кавалером. Куда они девали собаку, хотела бы я знать?

— Олеся? Ты?

— А что ты так удивляешься? Москва мой родной город...

— Ты выследила меня? Я еще тогда поняла, что совершила ошибку, позвав тебя сюда...

— Юля! — одернул ее мужчина. — Это твоя сестра?

— Идем отсюда, я не хочу, чтобы меня выслеживали...

— Минутку, мадам! — вдруг вмешался Матвей. — Я пригласил свою любимую женщину в ресторан, который я люблю. И это было абсолютной неожиданностью для нее, так что ваши претензии безосновательны! А если у вас мания преследования, то...

— Успокойся, Юлька, я уж давно поняла, что мы чужие. И мне совершенно не нужно и не хочется с тобой общаться, а уж выслеживать тебя... Мы были сестрами, а теперь мы чужие. Идем отсюда, Матвей!

— Олеся, — обратился ко мне Юлькин кавалер, — простите Юлю, у нее плохо с нервами сейчас... Она успокоится и позвонит вам, обязательно. Сестры не должны так вести себя...

Он властно взял Юльку под руку и вывел из ресторана.

— Что это, Олеся? — растерянно спросил Матвей.

— Это одно из самых глубоких и печальных разочарований в моей жизни. И спасибо вам, Матвей, что пришли мне на помощь.

— Я просто знаю, как надо успокаивать истеричек. Моя вторая жена была законченной истеричкой. Так что у меня опыт.

— Вот вам и третья досадная случайность...

— Да? Значит, с досадными случайностями покончено? Ох, я уже должен спешить... Что ты делаешь сегодня вечером? Я должен разобраться

в этой истории. Я приеду к тебе часов в восемь, надеюсь, досадных случайностей больше не будет. Водитель отвезет тебя домой.

— Нет, спасибо, я хочу пройтись пешком, потом возьму такси, а то дома я просто рехнусь.

— Ну что ж, как хочешь. Так я приеду, да?

— Да, приезжай!

Я отчетливо поняла, что хочу этого.

* * *

Почему, собственно, я так психанула? От неожиданности? Скорее всего. Ведь я давно поняла, что прежней Юльки больше нет, а эта мне не нравится. Или от обиды, что я ей, видно, тоже не больно глянулась... Господи, неужели и я с годами превращусь в такого же монстра? Наверное, это у нас семейное. И, похоже, у меня есть все задатки. Как я могла думать, что Гошке хорошо с мамой? Мне было это удобно... Но если бы он хоть раз пожаловался... Ерунда, я сама должна была, обязана была почувствовать это... Я никудышная мать! И теперь я должна загладить свою вину перед сыном. Но как? Он теперь живет с дедом и рад этому, я играю слишком маленькую роль в его жизни, но кто мог знать, что все так обернется? Гошка хочет, чтобы я вышла за Миклашевича, он им очарован... Значит, я должна это сделать. Но пока не сделала, я хочу, чтобы пришел Матвей. Сегодня он опять мне здорово понравился. Как он отбрил Юльку! «Я пригласил любимую женщину»... До чего же приятно, когда о тебя в третьем лице говорят: любимая женщина... Чертовски приятно!

* * *

У Матвея Аполлоновича снесло крышу! Ему казалось, что он еще никогда не был так смертельно влюблен. После ночи, проведенной у нее, он примчался к себе в офис, Янина Августовна, взглянув на него, сразу все поняла. Он влюбился! И слава богу! Она терпеть не могла его жену. Интересно, кто его новая пассия?

— Янина Августовна, — слегка смущаясь, попросил он, — если моя жена будет звонить, я ночевал здесь, с ребятами, у нас был мозговой штурм...

И впервые за несколько лет совместной работы он заговорщицки ей

подмигнул.

Ничего себе, подумала секретарша. Но мысль стать конфиденткой любимого шефа ей понравилась.

— Я поняла вас, Матвей Аполлонович.

— Янина Августовна, еще просьба... Надо послать цветы.

— Хорошо. Какие, сколько и куда? Достаточно адреса, имя можно не называть!

Он взглянул на пожилую женщину с восторгом.

— Вот адрес. Розы, бледно-розовые, крупные, штук двадцать пять, наверное. Это ведь красиво, двадцать пять бледно-розовых роз?

— Красиво, но можно и меньше. Дело не в количестве. Или даме двадцать пять лет?

— Нет, — счастливо расхохотался он, — ей больше. Янина Августовна, я надеюсь на ваше молчание...

— Матвей Аполлонович! — оскорбилась дама, — кажется я не давала вам повода сомневаться в моей... молчаливости.

— Простите, простите меня, дорогая Янина Августовна!

— И разумеется, не думайте, что я, зная вашу... тайну, стану как-то этим... злоупотреблять. Ничего не изменилось, ровным счетом. И вы всегда можете рассчитывать на мою помощь!

Она терпеть не может Арину, сообразил он. И рада, что я...

Но тут зазвонил телефон, рабочий день начался. И хотя ночью он почти не спал, голова была ясной, и он играючи разрешил вопрос, еще вчера представлявшийся ему почти неразрешимым. В какой-то момент он попросил кофе и Янина Августовна подала ему чашку со словами:

— Арина Даниловна звонила.

— И что?

— Я сказала, что вы всю ночь были здесь.

— Спасибо огромное. Она поверила? — шепотом добавил он.

— В этом у меня уверенности нет.

— Ах, как я не люблю врать... Жизнь заставляет! — широко и счастливо улыбнулся он.

— Вы помолодели лет на двадцать, — позволила себе улыбнуться в ответ секретарша.

Черт знает что, я откровенничаю с секретаршей, это в сущности недопустимо. Но она меня не сдаст, в этом я уверен.

Прошло несколько дней. Им не удавалось видеться каждый день, но все его мысли были об Олесе. Арина вела себя спокойно, не приставала с расспросами, вероятно, поверила. Ночевать у Олеси он больше не оставался. Тайком от Арины завел второй мобильник, по которому созванивался с Олесей.

— Матвей Аполлонович, к вам Струков, у него что-то срочное.

— Да? Зовите.

Струков был начальником службы безопасности.

— Приветствую, Федор Семеныч!

— Матвею Аполлонычу доброго здоровья!

— Ну, с какой пакостью пожаловал, Федор Семеныч?

— Сдается мне, что за тобой слежка!

— С чего это ты взял?

— Работа у меня такая. Кто-то за тобой катается.

— Ты серьезно, что ли? — встревожился Матвей. Как раз сейчас фирма готовилась к заключению весьма выгодного контракта, который многие рады бы перехватить. Такое уже случалось.

— Кто, что, не разобрались еще?

Да нет пока, но похоже, работают профи, я послал Вазгеныча, но тот упустил... А если Вазгеныч упустил, значит действует крутой профи. Номер машинки он срисовал, но это явная туфта.

— Ищите, это ваша обязанность. Чего ты от меня-то ждешь, Федор Семеныч?

— Чтобы ты не ездил сам за рулем, это раз, чтобы брал с собой охранника, это два... Сейчас, конечно, уже не так беспредельничают, но все же осторожность не помешает. К тому же мне нужно буквально по минутам знать, где ты находишься в данный момент.

— А это еще зачем?

— Надо! Я отвечаю за твою безопасность.

— Федор Семеныч, палку-то не перегибай! Сперва разберись, кто следит, а потом уж бери меня под колпак, так это у вас называется?

— А если поздно будет?

— Тогда я тебя уволю.

— Ну, если поздно будет, меня и уволить некому будет. Понятно? Я, извиняюсь, в курсе, что у тебя дамочка новая завелась, но в эти дела мы не лезем, просто надо знать, где данная дамочка живет. А в личную жизнь мы не вмешиваемся.

Матвей вскипел. Неужто старая перечница все же разболтала?

— Откуда информация? — сурово осведомился он.

— Матвей Аполлоныч, ты ж посылаешь за дамочкой водителя, он ее в ресторан доставляет, дело житейское.

— Да, с тобой не соскучишься.

— Нет, Матвей Аполлоныч, это с тобой не соскучишься. Седина, как говорится, в бороду...

— Ты тоже не святой, Федор Семеныч, кое-что и мы знаем.

— Ну, на тебя-то я надеюсь, ты меня не сдашь!

— Я стараюсь вообще никого никогда никому не сдавать.

— Вот и славно. У тебя, я знаю, мобильничек новый завелся, так ты уж будь добр, не злись, ежели придет нужда тебя по нему потревожить, — хитро улыбнулся Струков.

— Ну а это откуда знаешь? — поразился Матвей Аполлонович.

— Работа такая! Но это знаю только я один.

Идиот, подумал о себе Розен, надо было зарегистрировать телефон на Олесю. Или на Янину. Почему-то сообщение о слежке он всерьез не воспринял. Струков бывал иной раз чересчур бдительным.

* * *

Господи, что же это я творю? На днях вернется Миклашевич, конечно же сразу все поймет и тогда такое начнется. Хотя я же пока ему не жена, я свободная женщина. Он не переживет такого удара по самолюбию, предаст меня анафеме, будет кричать, скандалить. От этих мыслей меня брала тоска и радость от нового романа как-то тускнела. Хотя с другой стороны достаточно было посмотреть в зеркало, чтобы настроение взлетело до небес. Этот роман был мне так к лицу, я сама себя не узнавала. Глаза блестели, щеки горели, губы припухли, но не так как у светских дамочек от силикона или что там еще они закачивают в себя... Я никогда себе не нравилась, а сейчас смотрела на себя с удовольствием, а уже одно это дорогого стоит. Правда, я хорошо себе представляла, как будет развиваться этот роман: угар постепенно начнет спадать, Матвей не всегда будет откликаться на звонки, и сам станет звонить все реже... Потом начнет раздражаться из-за занятости, усталости, уличных пробок... Потом у него начнет барахлить желудочно-кишечный тракт и есть не дома он не сможет, потом Арина увезет его, скажем, на Новый год, куда-нибудь за границу, по возвращении он объявится далеко не сразу, потом сделает какой-то подарок на годовщину чего-нибудь, чтобы успокоить свою совесть. А потом и вовсе сгинет... Мне было с ним удивительно хорошо и легко, но я почему-то все

время видела изнанку этих отношений и это мне мешало, и здорово мешало. Странно, у меня не было иллюзий на его счет. Я точно знала, что есть на свете Арина, которая не мытьем так катаньем поломаёт наши отношения. Но он все-таки ужасно мне нравился. Я не уверена даже, что влюблена в него... Все свои сомнения, радости и печали я переношу в книгу, уж очень все туго переплелось... Может, это мне мешает?

Со дня на день должен вернуться Миклашевич. Он звонит практически ежедневно, говорит приятные вещи, обволакивает голосом и каждый раз после разговора с ним я решаю, что приму его предложение, перееду в загородный дом и тем самым спасусь от Матвея и уж во всяком случае не позволю развиться предугадываемому мною сценарию. Фигушки! Вы не бросите меня, танцуя под Аринину дудку, Матвей Аполлонович. Я сама вас брошу! А с Миклашевичем я как-нибудь сумею ужиться, если очень захочу!

Позвонил Гошка и восторженным голосом сообщил:

— Мамуль, ты не представляешь, что у нас тут было! Такой кайф! На два дня приезжал дядя Митя со своей мамой! Офигительная старушка! Она научила меня играть в бридж! Они с дедом нашли кучу общих знакомых, а я возил дядю Митю в зоопарк, познакомил его с Маришкой... А какая собачка у Амалии Адамовны, умнющая, хоть там и плюнуть не на что!

— Гош, а зачем они приезжали? — осторожно осведомилась я.

— Дядя Митя хотел познакомить свою маму с нами.

— И что?

— Да ничего, познакомились, все друг дружке понравились... И два раза резались в бридж! Круто, да, Мам?

Это становилось неизбежностью.

Зато работа спорилась. У моей Марины голова шла кругом, еще бы, два зайца, оба достаточно хороши, куда бежать, кому жаловаться? Ах, да, пусть пойдет к какой-нибудь мудрой старушке, эксцентричной, с большим прошлым, которая скажет: за двумя гнаться бессмысленно, поэтому надо завести третьего! Правильная мысль, между прочим! Сейчас срочно надо придумать по серьезному изъяну для каждого из ее зайцев, один, к примеру, окажется... бисексуалом, это сейчас модно... Нет, с таким изъяном он в зайцы уже не годится, потому что сразу понятно, что надо отдать предпочтение второму. А второй... Хотя, если так, то зачем третий? Совершенно он нам с Мариной не нужен. Мы просто застанем этого порочного зайца в койке с мужиком и порядок! Охи, ахи, рыдания, а потом... все ясно! Чудный, вполне определенный хэппи-энд! И никаких уже блужданий в трех соснах... Да, но кто из двоих окажется бисексуалом?

Продюсер или бизнесмен? Продюсер, конечно, продюсер, ненавижу их! Испортили, гады, мне несколько романов, вообще такая гадская публика... Врут как сволочи, сулят невесть что, пока ты не продала им права, а там вообще забывают о твоём существовании, ни разу даже не предупредили, что сериал будет называться иначе, что его будут показывать по телеку, а после успеха брешут в разных интервью, какая у нас с ними взаимная любовь! Да, бисексуалом окажется именно продюсер, который и сошелся-то с Мариной, как выяснится, потому что увидел в ней весьма перспективную актрису, будущую незаурядную звезду. Но у девушки плохой характер и ее следует приручить таким древнейшим способом...

Ладно, с Мариной все более или менее ясно, а мне что прикажете делать? За Миклашевича я могу поручиться, что он не бисексуал, а вот за Матвея... Впрочем, за Матвея тоже. Пока я не обнаружила у него никаких особенных пороков, кроме жены Арины, но это, как говорится, не порок, а несчастье. Хотя чем она мне мешает? Да ничем пока, кроме факта своего существования. Вот, например, послезавтра у Матвея день рождения. И нам предстоит ранний завтрак в ресторане. Видно, теперь мода такая — завтракать с любовницей не после ночи любви, а так, чтобы ограничить время рамками рабочего дня. Какие могут быть претензии? Хорошо еще, что завтракать мы будем не там, где я завтракала с Миклашевичем. Кстати, моя Марина тоже уже завтракала черт знает в какую рань, хотя для меня это не проблема, а для актрисы подвиг — приехать на свидание к восьми утра... А между прочим, у меня еще нет подарка! Надо прямо сейчас этим заняться. Пойду пешком, у нас тут недалеко множество разных магазинов. Купить надо что-то оригинальное.

Вот сейчас попью кофе и пойду. Я выключила Компьютер, сварила себе кофе, забралась с ногами на диван и включила телевизор. И надо же, сразу попала на передачу, где говорилось о том, что подарить любимому мужчине. Какая-то дама, по виду совершеннейший синий чулок, с идиотским придыханием и злобной стародевичьей улыбкой сказала: Мужчины обожают, когда им дарят футболки! Ну и, разумеется, всякие штучки для машины...

Я тут же выключила телевизор, чтобы эта тетка не отравила мне ею же подкинутую идею. Выпив кофе залпом, я, конечно, обожгла язык, но это чепуха! Зато у меня сразу родилась роскошная идея надписи на футболке! Такого ему точно никто не подарит! Я вспомнила, что в переходе у метро есть лавочка, где делают эти надписи. И припустилась к метро. Только бы было открыто! К счастью, в закутке сидела пожилая женщина.

— Здравствуйте! — с широкой улыбкой обратилась я к ней. —

Скажите, на футболке можно сделать любую надпись?

— Конечно.

— Вот здорово! А сколько времени это займет?

— Если прямо сейчас заказать, завтра к вечеру будет готово. А если стандарт, то через полчаса можно...

— Нет, мне стандарт не нужен! Но я должна подарить эту футболку послезавтра в восемь утра...

Женщина смерила меня ласково-насмешливым взглядом.

— Футболка мужская? Размер какой? И цвет?

— Черная, размер пятьдесят два — пятьдесят четыре, у него плечи широкие...

— Сейчас погляжу, есть ли черная этого размера. Ага, есть. Что писать будем? Вот бумажка, напишите печатными буквами, чтоб потом путаницы не было.

И я вывела ее фломастером: Аполлоныч Бельведерский.

Женщина прочитала, усмехнулась, подняла на меня глаза.

— Затейливая дамочка! Ладно, с вас триста рублей. Завтра после обеда.

Я была в полном восторге! Завтра я еще забегу в универмаг напротив и упакую футболку в шикарную подарочную коробку с бантом. Уверена, он пропрется!

Чрезвычайно довольная, я не спеша, направилась домой. Огонек на автоответчике мигал. «Олеся, немедленно позвони мне! Почему ты не отвечаешь по мобильному? Это срочно!»

Я схватила мобильник, действительно, два пропущенных звонка, видно, на улице я его не услышала.

— Мама, что случилось?

— Олеся, не сочти меня за сумасшедшую, но я сегодня на Спиридоновке встретила Юльку!

Если бы она не сказала про Спиридоновку, я бы могла подумать, что ей померещилось...

— Мама, не может быть! — бодренько-фальшивым тоном воскликнула я.

— Глупости, я что, собственную дочь могла не узнать! Она с тобой связывалась?

— Нет! Что ты! — и я ведь не врала. На сей раз она со мной действительно не связывалась, а я просто предпочла забыть о той кошмарной сцене.

— Ну и что все это значит?

— Что, мама?

— Выходит, она живет в Москве и пусть не ко мне, но даже к сестре носа не кажет? Ты-то чем перед ней виновата?

— Мама, да я просто в шоке! Скажи, а ты с ней говорила? И с чего ты взяла, что она живет в Москве?

— Потому что она выгуливала собаку! Если бы не собака, я бы на нее внимания не обратила. Я таких собак никогда раньше не видела, вот и зацепилась взглядом. Я обомлела, сначала не поверила своим глазам, потом окликнула ее, но она просто ушла, даже не обернувшись!

— Мама, так, может, ты обозналась, все же столько лет прошло...

— Олеся, ты умеешь врать только на бумаге! Я по-твоему тону еще в школе всегда понимала, когда ты врешь!

— Да что я вру-то?

— Будто ты не знаешь... что она живет в Москве. Олеся, немедленно приезжай ко мне! Я требую! И не вздумай отговариваться своей дурацкой работой или делами! Немедленно, ты слышишь?

— Мама, что ты лезешь в бутылку! Я уже еду!

Хорошо бы попасть в пробку, мечтала я, спеша на стоянку, чтобы было время все обдумать. Хотя чего тут думать, надо стоять насмерть, мол знать ничего не знаю, жду результатов розыска и точка. Значит, Юлька даже не остановилась при виде матери... Неужто ей совсем ее не жалко? Ведь прошло столько лет, она нашла своего Дика, у них ничего не вышло, ее жизнь устроена, кроме того, в Москве у нее роман, а мать тогда руководствовалась страхом, пусть дурацким, но от этого не менее мучительным. Надо уметь прощать все-таки... А ведь она, Юлька, тоже боится, боится встречи с матерью, боится слезки, боится, наверное, своего мужа, боится потерять этого мужчину с собакой... И тоже несчастна от страха... Это уже генетика. А я? Чего я боюсь? Нет, я, конечно, тоже много боюсь, но страх не главное содержание моей жизни, слава богу! По крайней мере я не боюсь посмотреть маме в глаза, она очень обольщается, моя мама, говоря, что я не умею врать. Еще как умею, когда нужно! Писатель не умеющий врать, наверное, нонсенс, по крайней мере, популярный писатель. Ибо Чтобы стать популярным, надо уметь морочить голову публике...

Мать была собрана и жестка.

— Посмотри мне в глаза!

— Пожалуйста!

— Ты знаешь, что она живет в Москве?

— Нет! Я уж говорила. И еще я говорила, что ищу ее, вот как раз на

дней мне обещали ответить на запрос. А больше мне ровным счетом ничего не известно.

— Но ты-то чем перед ней провинилась? Почему она с тобой не связалась?

— Мама, я убеждена, что ты просто обозналась. Убеждена.

— Но я же не сумасшедшая!

— А по-твоему обознаться может только сумасшедший? Просто, видимо, ты в глубине души жаждешь ее найти...

— Ничего подобного!

— Мама, давай оставим эту тему и дождемся результатов розыска.

— А может, стоит обратиться в «Жди меня»? Они там находят...

— Мама...

— Знаешь, я сегодня вдруг поняла... Я хочу ее найти... может быть попросить прощения... Я, наверное, скоро умру... Нет, прощения просить я скорее всего не стала бы, и даже встречаться с ней. Я просто хотела бы убедиться, что она жива — здорова, и у нее все хорошо. Ведь возможно, у меня есть еще внуки... Послушай, у тебя же есть знакомые на телевидении, давай обратимся в «Жди меня»...

Мне стало ее безумно жалко!

— Мамочка, давай немножко подождем, недельку хотя бы... Может, ее уже нашли. Я обещаю тебе, если мой запрос ничего не даст, мы обратимся в «Жди меня». Только пообещай, что сама никуда обращаться не станешь.

— Куда я могу обращаться, теперь ведь всюду нужны связи...

— А раньше связи не были нужны?

— Ну, ты поняла, что я хотела сказать. И все-таки я уверена, что это была Юлька. И она не пожелала меня видеть, говорить со мной...

— Но раз ты в этом уверена, зачем же ее искать, да еще по телевидению?

— Но у них же не все выносят на экран, правда? — голос матери дрогнул.

Боже мой, куда девалась ее железобетонность?

И в этот момент я приняла решение.

Выйдя от мамы, села за руль и помчалась на Спиридоновку. Я отлично помнила дом и подъезд, откуда забирала Юльку. Я спрошу там кого-нибудь, в какой квартире живет эта фантастическая собака и найду Юльку или ее хахалю. Однако, добравшись до Спиридоновки, я задумалась. А зачем, собственно, я сюда примчалась? Взывать к Юлькиной совести? Уговаривать ее встретиться с матерью, если она этого так не хочет? Читать мораль? И чего я могу добиться, Кроме очередного скандала? Она уже

большая девочка, моя сестра. Ну любит она этого мужика с собакой, очень, видно, любит, и появление матери в этот момент, вероятно, привело ее в панику, она испугалась, что мать опять что-то порушит, что-то отнимет. Так и мое появление в ресторане она расценила как покушение на ее любовь. Покушение темных сил, которые для нее олицетворяет мать, а заодно уж и я. Наверное, она нещадно ругала себя за то, что поддалась порыву, позвонила... Хотя, это не было похоже на порыв, а впрочем, может, у нее теперь такие порывы... Одним словом, мне тут делать нечего. От всего этого меня взяла такая тоска, хоть вой! Я позвонила Гошке. Он сообщил, что они с дедом сейчас как раз едут в Италию. Голос у него был радостный, веселый... А я вдруг почувствовала себя такой одинокой, несчастной, растерянной. Поеду сейчас домой и напьюсь. Но тут позвонил Миклашевич. Сказать, что я обрадовалась, это ничего не сказать.

— Митька, ты в Москве?

— Кажется, ты этому рада?

— Рада, мне как-то хреново, Митька...

— Плохо себя чувствуешь?

— Да нет, на душе хреново.

— Отчего это и где ты болтаешься, дома тебя нет.

— Я у мамы была... И вообще, мне надо с тобой посоветоваться. И еще я соскучилась.

— Ты где сейчас?

— На Спиридоновке.

— Что ты там делаешь?

— Дурью маюсь.

— Продуктивное занятие! Давай, езжай домой, я приеду через часик.

Договорились?

— Да!

* * *

Как же я обрадовалась ему! Он был в хорошем настроении, излучал обаяние, привез цветы и подарок, завернутый в красивую бумажку с бантиком.

— Что это, Мить?

— Новые духи. Выбрала мама. Она утверждает, что тебе они понравятся.

— «Агент Провокатор»? Я даже не слышала о них.

— Ну, ты же вообще отсталая, не то что мама! Дай сюда, горе мое!

Я вертела в руках непрозрачный розовый флакончик в форме яйца и пыталась брызнуть на руку, но у меня не получалось.

— Темная ты, Олеська. Видишь, это же форма гранаты, а вот тут чека, выдергиваешь ее и брызгайся на здоровье. Всему-то тебя надо учить. Хотя постой, мама предупредила, что в первый момент тебя может от них стошнить, но через десять минут ты их оценишь. А давай-ка набрызгаем на носовой платок и отложим его. Вот так! Да, запах, я бы сказал, противный. Ну, давай рассказывай, что за мерихлюндии?

Уже открыв рот, я сообразила, что в ресторанчик на Вспольном я ходила с Матвеем, значит, в рассказе Должна фигурировать, к примеру, Лерка. И начала с того, что Лерка позвала меня в новый ресторан.

Выслушав мой довольно сбивчивый рассказ, он покачал головой.

— Хорошо, что у тебя все-таки хватило ума не полезть к сестре. Зачем, собственно? Ты хочешь ее переделать? Да она же просто копия вашей матери, ты можешь переделать Надежду Львовну?

— Митя, знаешь, она, кажется, сама изменилась... Ее мучает совесть... По крайней мере мне так кажется. Это старость, Олеська. Она, видно, думает о душе, хоть большевики отрицали существование души, но мы-то с тобой знаем, что они были в корне не правы. И твоя мать, хоть и большевичка в прошлом, но в сущности все-таки человек... пусть тяжелый, непереносимый даже, но просто отравленный страхом. Сказать по правде, я редко встречал такое. Ведь самое страшное пришлось на долю предыдущих поколений, но факт остается фактом... Однако ее действительно жаль и ты молодец, что не ополчилась против нее. И Гошку оставила деду правильно и совесть по этому поводу тебя не должна мучить. Олеська, я соскучился! Иди ко мне.

Я прижалась к нему и мне вдруг показалось, что он — каменная стена, что я люблю только его... Он был сейчас умным, добрым, теплым...

— Что-то мне не нравится твое состояние духа, что с тобой творится? Какие-то неприятности помимо сеструхи?

— Нет, ничего такого, просто настроение...

— А знаешь что, давай-ка мы сейчас поедem за город, я покажу тебе наш дом, поговорим, подумаем, что там надо переделать, а? Как ты на это смотришь?

— Хорошо! Хорошо смотрю, Митька! — обрадовалась я. Мне вдруг понравилось, что он принимает за меня решения. Наверное, иногда это женщине необходимо.

— Надо же, даже не споришь. Кстати, возьми с собой халат, тапочки,

что тебе еще надо, мы будем ночевать там, откроем окна, надышимся свежим воздухом...

— А Амалия Адамовна там?

— Нет, мама терпеть не может дачную жизнь.

— Гошка в восторге от нее.

— Знаешь, я удивился, как они мгновенно нашли общий язык, но потом понял — по контрасту с Надеждой Львовной.

— Да уж... — вздохнула я.

— А у твоей сестры тоже наверное неважно с чувством юмора?

Я ахнула. Конечно, у нее совсем плохо с чувством юмора, может, еще хуже, чем у мамы, поэтому обе такие ударенные жизнью и в общем-то невыносимые в общении.

— Митька, какой ты умный!

— А то! Давай, собирайся! Побудем там два дня. И тут я вспомнила про Аполлоныча Бельведерского!

— Нет, Митя, я должна завтра во второй половине дня быть в Москве, у меня важная встреча!

— С кем это? — прищурился он.

— С пиар-директором издательства, — не моргнув глазом, ответила я, ибо эта встреча состоялась два дня назад.

— А нельзя перенести?

— Никак, он послезавтра уходит в отпуск.

— Ну ладно, просто у меня потом тоже начнется сумасшедшее время.

— А что такое?

— Понимаешь, предстоит тендер на оформление нового здания одной корпорации, пока из суеверия даже называть не буду, и надо собрать чертову уйму всяких документов, это кошмар, который я ни одной живой душе не могу доверить. Ну да ничего не попишешь... А вот когда я соберу пакет, я тебя возьму в оборот и мы с тобой двинем в свадебное путешествие без свадьбы, в этом даже есть своя прелесть, а друзей оповестим и соберем уж постфактум, как ты считаешь?

— Я согласна, Дмитрий Алексеевич.

* * *

Я волновалась, каким окажется дом, в котором я, похоже, буду жить. И он мне сразу не понравился. Он был холодным, безжизненным, хотя являл собой образец современной архитектуры и дизайна. Миклашевич сразу это

просек.

— Что такое? Не нравится?

— Нравится, — вяло отозвалась я. — Только уж очень нежизненно.

— Тут просто не хватает женской руки, я сам это чувствую и мама так говорит.

— Мить, а кто декорировал дом?

— Роман Митник, помнишь его?

— Помню.

— Он сейчас в большой моде и кстати за этот дом он получил кучу премий, фотографии были во всех крупных журналах.

— Ты много времени тут проводишь?

— Совсем мало. Некогда.

— Я думаю, дело не в этом, просто тебе тут неуютно.

И вдруг его словно подменили:

— Тебе кажется, что уют это обязательно тряпки, теплые тона и всякая давно устаревшая чушь? — прошипел он, злобно прищурившись. — И кухня в ярких изразцах, подушечки всякие? Да это же прошлый век! Слава богу, что ты строчишь романы, а не занимаешься своей профессией, ты в ней совсем несостоятельна, ты...

— Митя!

— Что Митя? Почему, ты полагаешь, сорвался контракт с Розенами? Из-за тебя, ты там наболтала этому олуху про красные поставцы и прочую убогую чушь, — завелся он.

От несправедливости этого пассажа я замерла, хотела что-то сказать, но он продолжал гнуть свое:

— Почему, по-твоему, я отказался от идеи с тобой сотрудничать? Да потому что понял — ты безнадежно отстала, твоего вкуса еще как-то хватило на однокомнатную квартирку, а дом ты уже не потянешь! Ты теперь великая писательница? Вот и занимайся своим делом, а в мое не лезь!

От обиды у меня сдавило горло. Идиотка, как я могла поверить, что он изменился? Да ему попала вожжа под хвост и он опять демонстрирует свой кошмарный характер. Но я уже сыта по горло. Вступать с ним в препирательства нельзя, это только усугубит дело. Боже, куда девался обаятельный неотразимый мужчина? Это был злобный, даже сварливый тип, от которого хотелось спрятаться. Я выскочила из дома и побежала по улице. Какая-то женщина сказала, что на шоссе легко поймать машину. Я свернула за угол и тут увидела джип Миклашевича. Я отступила за придорожный куст и он пронесся мимо. Нет уж, хватит с меня! Каменная

стена оказалась сделанной из кизяка. Нет, ни за что... Куда лучше быть одной! И что я такого сказала? Что мне неуютно в этом доме, ну и что? Скорее всего, я просто наступила на любимую мозоль. Уверена, ему самому дом не нравится, но признать это он не в состоянии. Вот пусть и живет там, но без меня. Как я могла опять обмануться, в который уж раз? Ведь какой-нибудь месяц назад мы поссорились и я уехала в Германию с твердым намерением больше никогда с ним не общаться. Это было то самое благое намерение, которыми вымощена дорога в ад. И я уже почти туда причапала... Но фигушки вам, Дмитрий Алексеевич. Зазвонил мобильник. Я сразу отключила его, и тут заметила такси, подняла руку и машина остановилась. Едва я уселась на заднее сиденье как мимо опять пронесся джип Миклашевича. Я пригнула голову.

— За вами, что ль, несется?

— За мной.

— Кажись не заметил!

— Похоже на то.

— Муж, что ли?

— Слава богу пока нет.

— Жених?

— Теперь уже бывший.

— А что, плохой?

Простота вопроса поставила меня в тупик.

— Да не плохой, но характер невыносимый.

А... Понимаю вас. У меня тоже первая жена была — характер не приведи господь. Я с ней язву желудка нажил. А когда совсем терпелу не стало, ушел, нашел себе кралю на ткацкой фабрике, не красавица, но душабаба. У меня с ней и язва зажила. Вот знаете, та, первая, зарабатывала хорошо, мы с ней как сыр в масле катались, а эта, Нинка моя, не работает теперь, двойняшек воспитывает, я один на всех вкальваю, а хорошо мне. Вот и вы, женщина, правильно утекли, он вас до язвы доведет, оно вам надо?

— Не надо! — твердо ответила я. Хорошо, что мне попался такой болтливый и добродушный водитель.

— Гляньте, женщина, кажись он нас догоняет! И откуда взялся? Круг что ли сделал? Мне на «волжанке» от такого крутого джипа не уйти, вы пригнитесь. А то этот бешеный, мало ли что вздумает. Дама, может, вас куда в другое место отвезти, не домой, а к подружке какой или еще куда?

Мысль была здравая и я дала ему адрес Лерки.

* * *

— Олеська! Ты что без звонка? Что-то случилось? У тебя такой вид... как будто за тобой кто-то гонится!

— Переночевать пустишь?

— От Миклашевича спасаешься?

— От тебя ничего не скроешь, подруга.

— Опять он в своем репертуаре?

— Лерка, я больше не могу! Все, лимит исчерпан. Он сумасшедший. Мне сегодня в какой-то момент показалось, что я никого лучше не знаю, и вдруг...

— Я тебя предупреждала. И тут я разревелась.

— Ты что? Да не стоит он твоих слез!

— Дело не в том, просто сегодня был такой кошмарный день...

— Расскажи, легче станет.

— Сил нет, Лерочка.

— Найдешь!

* * *

— Ну и что такого особенного? Все можно перетолковать по-другому, — решительно заявила она, выслушав меня.

— Как?

— Объясняю! В твоей маме проснулось что-то человеческое, это уже плюс! Ты в очередной и, надеюсь, в последний раз убедилась, что с Миклашевичем нельзя иметь дело, это два. А третье, и главное, теперь ты спокойно можешь ответить на чувства Розы.

— Я уже.

— Что уже? — опешила Лерка.

— Ответила.

— Ты врешь?

— Ничуть.

— Ну ты и сука! Я тут мечу бисер, а ты уже с ним спишь?

— Ага! — всхлипнула я.

— Обалдеть! Но почему ж ты мне не сказала?

— Просто еще не успела! — Ну и как?

— Да нормально вроде...

— А ты в курсе, что у него послезавтра день рождения?

— Конечно. Я с утра ходила ему подарок заказывать.

— Олеська, какой?

— Футболку, черную, с надписью.

— А надпись какая?

— Аполлоныч Бельведерский!

Лерка открыла рот и вдруг согнулась пополам от хохота.

— Да, Олеська, только ты на всем свете могла такое придумать!

— А по-моему, это на поверхности лежит! Хотя мне самой идея нравится.

— Ну, а теперь скажи, стоило лить слезы из-за хама?

— Лерка, ты, наверное, права, но я же его все-таки...

— Только не говори, что ты его любишь! Глупости! Любила бы, не дала бы Розе.

— Ну, это ерунда... И потом так получилось... Но знаешь, наличие Розы как-то облегчает ситуацию.

— Вот это мудрые речи! Да здравствует Роза! А теперь постарайся уснуть.

— Не получится.

— Ну и зря! А между прочим, ты напрасно боишься. Миклашевич, насколько я его знаю, просто от бешенства за тобой погнался, а вообще-то он сейчас затаится, и преследовать тебя не будет, просто в какой-то момент возникнет как ни в чем не бывало, с подарком, с цветами и обаятельной улыбкой. Как было бы здорово, чтобы ему открыл дверь барон Розен!

— Что тут хорошего? Они подерутся.

— Слушай, а он правда хорошо сложен?

— Кто?

— Аполлоныч?

— Ну и что? Миклашевич тоже хорошо сложен.

— Опять Миклашевич! Я тебя про него не спрашивала. Я кажется уже наизусть знаю, где у него шрамы, родинки, надоело! Хочу знать про Аполлоныча, где у него что!

— Ну, Лерка, ты даешь! Я его еще не так хорошо изучила!

— Так изучай!

— Если тебе так любопытно, спроси у Арины.

— Мне не надо, а что касается Арины... Олеська, ты, надеюсь, не забыла, что у Гриши через неделю день рождения?

— Не забыла, у меня для него даже подарок есть, я из Германии привезла.

- Что?
- Галстук от Кардена. Что еще можно подарить такому как Гришка?
- А вот для Аполлоныча ты придумала! Слушай, Олеська, придумай для Гришки какую-нибудь надпись, я ему тоже футболку подарю.
- Лер, ну Григорий Михайлович это не Аполлоныч, что тут измыслишь?
- Вообще-то да и к тому же... Олеська, а как Роза принесет домой эту майку? Арина же спросит, где взял?
- Ну, уж это его проблемы.
- Она догадается.
- Да откуда! Сама же говоришь, она дура.
- Дура-то дура, а своего не упустит.
- И правильно, пусть не упускает, мне он не больно-то нужен. Хотя и не помешает.

* * *

Утром я спокойно вернулась домой. Никто меня не подкарауливал, на автоответчике не было проклятий. Видимо, Лерка права и он затаился. Но с меня хватит, я с этим покончила! И хорошо, что мне не понравился дом, а то я бы увязла еще глубже, а потом было бы куда больнее, если б я не дай бог, переехала к нему... Бог миловал! И все же на душе было так же тяжело и мерзко, как после каждой ссоры с Миклашевичем. В прошлый раз я спаслась тем, что улетела к Гошке, а сегодня куда себя девать? Работать я явно не смогу или так беспощадно отделаю оставшегося Марининого зайца, что она у меня одна останется... Я позвонила маме.

- Как ты себя чувствуешь?
- Как я могу себя чувствовать! А почему тебя это волнует?
- Что можно ответить на такой вопрос? Я промолчала.
- Притворяешься хорошей дочерью?
- Мама, ты хочешь поругаться со мной, испортить мне с утра настроение? Так не старайся, оно у меня и так отвратительное.
- Ну, мало ли от чего в твоём возрасте может быть дурное настроение! Пройдет! Зайдешь в книжный, увидишь как безмозглые тетki раскупают твою макулатуру, глядишь, настроение исправится. Ладно, отбыла дочернюю повинность и можешь быть свободна.

Господи, да что же за люди вокруг меня? Вчера мне на мгновение показалось, что в маме проснулось что-то человеческое... Видно, я выдала

желаемое за действительное! Пойду полежу в ванне, может, отмокну от впечатлений. Я напустила в ванну воды с пеной и только собралась погрузиться в нее, как зазвонил мобильник. Я не хотела подходить, но телефон определился незнакомый, надеюсь, это не хитрости Миклашевича!

— Простите, я могу поговорить с Олесей? — спросил мужской голос.

— Я вас слушаю.

— Олеся, мы с вами на днях встречались в ресторане, я был с вашей сестрой...

— Я вас слушаю!

— Олеся, мне надо с вами поговорить.

— А что, моя сестра сама позвонить не может, ей посредник нужен?

— Она уехала, а я хотел бы объяснить...

— Простите, не знаю, как вас зовут...

— Андрей, меня зовут Андрей Розанов.

Не слишком ли много роз?

— Так вот, Андрей, я не знаю, что тут можно объяснить, Юля тот ломоть, который сам себя отрезал...

— Она хотела извиниться перед вами, собиралась с духом, но тут встретила на улице мать и...

— Я уже знаю об этой встрече, так что...

— Наверное, Юлю можно понять.

— Мне тоже так казалось до встречи с ней, а потом я поняла, что яблоко от яблони упало совсем недалеко, Юля точная копия матери, только мать уже старая и ее мучает совесть... А впрочем, я не очень понимаю, о чем тут говорить.

— Вы обиделись на сестру?

— За эту истерику? Нисколько. Да я и вообще не слишком обидчива, просто мне стало неинтересно. К сожалению и мама, и Юля обе напрочь лишены чувства юмора и чудовищно эгоцентричны, это тяжело. Видимо, я сознаю, что двоих Боливар не выдержит.

— А вы, выходит, упали далеко от яблони?

— Говорят, я в отца...

— Олеся, ей богу, уделите мне час вашего драгоценного времени!

— Я все-таки не понимаю, о чем нам с вами говорить.

— Если честно, я и сам не знаю... Но у меня возникла потребность пообщаться с вами.

Извините, но я сейчас не в настроении удовлетворять ваши потребности. Мне и самой достаточно хреново...

— Мне тоже, а вы знаете, что минус на минус дает плюс. Объективная

реальность еще из школьной программы. Давайте попьем кофе в хорошей кондитерской, познакомимся, поболтаем... Нас обоих это ни к чему не обязывает. А я, между прочим, читал три ваших романа и хочу еще...

— Ладно врать-то! — дрогнула я.

— Честное слово. Вот встретимся и я, если вы не верите, готов обсудить с вами «Голубые воды Миссисипи», «Жизнь в зеленый горошек» и особенно «Новости — хреновости».

— Ну, запомнить три названия несложно!

— На что спорим?

— На капуччино!

— Идет! Тогда встречаемся через час...

— Через полтора!

— Через полтора у кафе «Малина», знаете?

— Знаю!

— Жду!

Как ни странно, настроение несколько улучшилось. Может вовсе и неплохо поболтать с совершенно незнакомым человеком, который к тому же прочел три моих романа... А думать о том, что он связан с Юлькой, я просто не буду! Зачем? Кончено, это может не получиться, кто знает, как повернется разговор...

* * *

— Арина, скажи, ты за собой слезки не замечала?

— Слезки? — побледнела она. — Нет, не замечала, а почему ты спрашиваешь, Мэтью?

— Потому что Струков сказал, что за мной следят.

— Господи, Мэтью, кто?

— Понятия не имею, я велел Струкову разобраться, но пока он ничего не понимает. Говорит, следят профессионалы.

— Какой ужас, Мэтью! Я говорила, давай уедем!

— Куда это мы уедем?

— Куда угодно, я боюсь за тебя!

— Я не могу сейчас никуда уехать, вообще, думаю, что это какая-то чушь!

— Ничего себе чушь! Нет, надо срочно удирать отсюда, это может плохо кончиться!

— Видишь ли, я просто не понимаю, кому это может быть нужно...

— Да мало ли кому ты перешел дорогу или... Мэтью, я умоляю тебя, давай уедем! Я боюсь!

И тут его словно что-то толкнуло изнутри.

— Хорошо, я подумаю.

Да когда тут думать, сегодня вечером надо уехать, ты же говорил, что можешь полностью положиться на Геннадия Ивановича. Он твой зам, вот пусть и замещает тебя пока. Мэтью, я возьму билеты, ну, скажем, в Париж, а там найдем машину и уедем, скажем, в Испанию. Пересидим, куда Струков разберется...

— Нет, Ариша, завтра у меня с самого утра очень важная встреча, на которой, может быть, многое прояснится.

— Но у тебя завтра день рождения, и вполне возможно, твои враги захотят преподнести тебе сюрприз...

— Арина, ты начиталась детективов! Короче, завтра вечером я скажу тебе, как обстоят дела. А пока буду предельно осторожен. Извини, мне необходимо позвонить!

Он поднялся к себе в кабинет, плотно прикрыл дверь, достал секретный мобильник и позвонил Струкову. Завтрашнее свидание я не пропущу ни за что, решил он, я не видел ее уже три дня!

* * *

Андрей Розанов оказался вполне приятным человеком примерно моего возраста, значит он лет на пять моложе Юльки... И он действительно отлично знал мои романы.

— Не понимаю, с чего вы вдруг взялись их читать? — любопытствовала я.

Понимаете, я купил их для Юли, которая боялась даже брать их в руки... Я решил, что надо ей все-таки познакомиться с вашими книгами, ненормально как-то... А она всячески уклонялась. Мне казалось это странным, ну я и взял одну с собой в самолет, когда летел в Екатеринбург. И не мог оторваться, честно скажу, я даже слегка стеснялся, и надел на книгу пластиковую обложку.

— Весьма характерно для мужчин, — усмехнулась я.

— Но меня так увлек не столько даже сюжет, сколько атмосфера, в которой существуют ваши герои. И пишете вы здорово. Когда я вернулся, то как подорванный стал читать другие романы. А потом, когда Юля приехала, я сказал ей о своих впечатлениях...

— А она?

— Обещала прочесть, когда вернется в Италию.

— Даже и не подумает.

— Боюсь, вы правы.

— Андрей, простите за прямоту, у вас что, любовь?

— Честно?

— Разумеется.

— Была любовь, давно, очень сильная и глубокая, но это прошло. У меня, по крайней мере, а Юля не желает этого видеть, не желает это принимать... Причем я когда-то просил ее выйти за меня, настаивал на этом, но при условии, что жить мы будем в Москве. Она категорически отказалась. Я повторял свое предложение, она не желала бросить Италию и мужа.

— А где вы познакомились?

— Я несколько лет жил в Италии, но у меня там ничего не складывалось, и я вернулся в Москву. И Юля стала ездить ко мне.

— То есть вы хотите сказать, что она давно здесь бывает?

— С двухтысячного года.

— А она говорила вам, что в Москве живут ее мать и сестра?

— Говорила, конечно. Но я не хотел вмешиваться... А тут как-то она увидела вас по телевизору, заволновалась, но сразу звонить не стала, решила сперва придумать легенду...

— Понятно... Знаете, для меня это тяжелый удар. Видит Бог, я ничем перед ней не провинилась, но... Ладно, не будем больше говорить об этом. Кстати, Андрей, зачем вы меня пригласили? Чтобы рассказать о Юле?

— Если честно, нет!

— Тогда в чем дело?

— Олеся, я работаю в продюсерском центре «Мэтр».

— И хотите купить у меня права на один из трех прочитанных вами романов?

— Как приятно иметь дело с умной женщиной!

— Боюсь, вас ждет разочарование.

— Права на них уже проданы?

— Нет, но просто я не хочу.

Олеся, вы напрасно это... У нас работают самые именитые и продвинутые режиссеры, у нас большой бюджет.

— И на какой роман вы положили глаз?

— На «Новости-хреновости». Там бездна юмора, три великолепных женских образа и вообще... Мы пригласим хорошего композитора, лучших

артистов... Сценарий будет писать Артур Слешко, одним словом, может получиться классный фильм.

— Фильм или сериал?

— Четыре серии. Уверен, это будет хит! Только придется изменить название, ну, вы сами понимаете.

— Фильм будет называться «Любовь до гроба» или «Счастье напрокат»?

— К чему столько иронии? Кстати, «Счастье напрокат» хорошее название. Надо предложить руководству.

— Какому?

— Руководству канала, они заказывают музыку.

Я пришла в ярость. Но сдержалась.

— Андрей, скажите, зачем было спекулировать именем моей сестры, чтобы просто предложить мне эту сделку? Вы полагали, что мое родство с Юлей заставит меня согласиться? Но это же бред!

— Нет, Олеся, вы не правы, просто я действительно купил эти книги для Юли, но, прочитав, понял — это то, что сегодня нужно каналу. Простите, если... Да, неуклюже получилось... Но в принципе, вас это интересует?

— Нет, меня ничто не интересует, я сыта по гордо. Кстати, вы проиграли мне капучино, настроение мое стало еще хуже. Всего хорошего!

— Олеся, какие ваши условия?

— У меня нет условий. Товар не продается!

— Хотите, будете сами писать сценарий!

— Я не умею!

— Научитесь!

— Я не хочу учиться, понимаете?

— Олеся, мы вам очень хорошо заплатим. Назовите вашу цену.

Я назвала сумму вдвое больше той, что получила за последний роман, чтобы отпугнуть его.

— Мы это обсудим, — несколько смешался он.

— Обсуждайте! Я пошла, всего хорошего!

— Олеся, постойте, а капучино?

— Плевать!

— Хорошо, идите, но я свои долги рано или поздно отдаю. Я еще позвоню вам.

Едва я села в машину, позвонила... Амалия Адамовна. Только ее мне сейчас не хватало для полного счастья!

— Олесечка, не удивляйся, — произнесла она с только ей свойственной капризно-лукавой интонацией. — Я столько лет не слышала твоего голоса, а по телевизору тебя видела... Ты очень хорошо выглядишь на экране.

— Амалия Адамовна, я рада вас слышать, но...

— Я понимаю, Олесечка, что ты обижена на Митю, он вел себя непозволительно, однако он сейчас в таком напряжении, ему предстоит важнейший... как это называется, никак не запомню, что-то похожее на паровоз...

— Тендер? — догадалась я.

— Да, да, именно тендер, ведь у паровоза тоже есть что-то похожее, да?

— Кажется, да, впрочем, не знаю.

— Митя безумно расстроен, он напился, плакал... Можешь себе представить Митю плачущим?

— Не могу и не хочу, я устала от него, Амалия Адамовна. Я прекрасно жила несколько лет, пока вновь не возник Митя, я сдуру поддалась, но с меня хватит. Так и передайте ему. Я поставила точку в этом романе.

— Олесечка, не надо! Кстати, твои романы такая прелесть! У меня есть все! И сын у тебя очаровательный отрок, мы так подружились, у нас может быть чудесная дружная семья, Митя говорил, что вы хотите еще ребеночка завести, я была бы счастлива, ну стоит ли все рушить из-за небольшой в сущности ссоры?

— Амалия Адамовна, все это очень мило, и я купилась было на такую идиллию, но Митя человек не для меня. Он при каждой возже, которая попадает ему под хвост, топчет мое человеческое и женское достоинство. А я не хочу это терпеть.

— Но ты же любишь его?

— Любила, а больше не хочу.

— Олесечка, давай с тобой встретимся, попьем кофейку, поговорим — по-женски... Я не верю, что ты разлюбила Митю.

— Амалия Адамовна, я уже большая девочка и могу сама разобраться в своих чувствах. А потому предпочитаю забыть вашего Митю, как ночной кошмар. Извините, если что не так. Я очень спешу сейчас, всего хорошего, Амалия Адамовна.

Интересно, кто еще позовет меня сегодня пить кофе?

Я посмотрела на часы. Скоро уже можно ехать за футболкой для Аполлоныча. Сколько всего произошло со вчерашнего утра и моя идея как-то потускнела. Надо попытаться вернуть себе то ощущения радости, с

которым я начала вчерашний день. Завтра я увижу Матвея, его ласковые глаза, его большие теплые руки, услышу чуть хрипловатый голос, чудную улыбку... Я внушала себе все это, а в душе было пусто. Слишком много всего наслоилося за полтора суток. Наверное, чтобы разобраться в своих чувствах, надо уехать куда-нибудь одной, хоть на три-четыре дня. Я даже работать не могу в таком смятении. Ведь все валится в одну кучу: мама, Юлька, ее хахаль, Миклашевич, Аполлоныч... И кроме всего прочего в груди вдруг зародилось отвратительное предчувствие — что-то должно случиться, что-то плохое...

Я поехала к нашему метро, спустилась в переход забрать футболку. Оказалось, что буквы готовы, но еще не наклеены. При мне вчерашняя тетка развернула рулончик, приложила к футболке и засунула в какую-то машинку, прикрыла крышкой, на меня повеяло жаром и тут же я увидела слегка пушистые белые буквы Аполлоныч. Сердце радостно екнуло. То же было сделано со вторым рулончиком и вот уже подарок готов! Выглядит очень эффектно!

Я поднялась в универмаг, купила красную с золотым тиснением коробку, на которую девушка нацепила роскошный золотистый бант. Надо только дожить до утра. Мне уже очень хотелось дожить до утра.

* * *

И я дождала!

Он был немного напряжен.

— Если б ты знала, как я соскучился! Даже позвонить не было возможности.

— Ну позвонить всегда есть возможность.

— Знаешь, я когда замотан, даже не хочу звонить, ну что звонить в таком состоянии...

Типично мужская логика! Но я промолчала. Все-таки у человека день рождения, и он нашел время встретиться, это важнее.

— А что это у тебя за коробка? — с мальчишеским любопытством поинтересовался он.

— Подарок тебе, вот держи!

— А что это?

— Разверни, увидишь, ничего опасного.

Он снял крышку с бантом, футболка была прикрыта еще красной шелковой бумагой.

— Олесья, что это?

— Ты вынь, разверни.

Надпись в сложенном виде не читалась. Он развернул и ахнул. Вскочил, расцеловал меня, приложил к себе футболку. Похоже, он был в восторге.

— Олеська, — произнес он прочувствованно. — Никто на свете не мог бы придумать такого подарка... Только ты... Я люблю тебе, Олеська.

Он был очень милым, этот единственный оставшийся заяц.

На террасе ресторана никого кроме нас не было. Нам подали меню.

— Смотри! — воскликнул он. — Как тебе нравится: «Куриные грудки „Эротика“? Давай закажем, а? Интересно!

— Давай, хоть это и чудовищно глупо, какая эротика в куриных грудках?

— А вдруг?

«Эротика» представляла собой куриную грудку со сливочным соусом и рисом с множеством зелени и специй.

— Жаль, мы оба за рулем, не сможем выпить... — огорчился он. — Скажи, а почему это блюдо называется «Эротика»? И какое-то оно не праздничное...

— А видимо у них дешевые поставки куриных грудок, вот они и изгаляются с названиями, рассчитывая на таких любопытных дураков, как мы. Впрочем, это довольно вкусно, хоть для утра и не очень подходит...

— А по-моему очень вкусно, и в твоём присутствии даже вполне эротично... Когда я могу к тебе приехать?

В этот момент зазвонил его мобильник.

— Вот черт! — раздраженно бросил он. — Алло! Да, Федор Семеныч, слушаю, что ты говоришь? И всего-то? Ну, я с этим разберусь, я ж говорил тебе, что это пустяки! Ну, не вздумай только хоть одной живой душе... Я надеюсь. Будь здоров, считай, ты мне сделал самый роскошный подарок ко дню рождения! Забыл? Ладно, прощаю, будь здоров, я занят!

Он посмотрел на меня как-то странно. Задорно, и даже победительно.

— Что случилось?

— Звонил мой начальник службы безопасности. Он там кое-чего опасался, а выяснилось, что это пустяки. Олесья, знаешь что, ты выйдешь за меня замуж?

— Что? — я чуть не подавилась «Эротикой».

— Разве я неясно выразился? Пойдешь за меня замуж?

— Не пойду, а что?

Он растерялся. Им вечно кажется, что все бабы жаждут за них замуж!

— Почему это? — обескуражено спросил он.

— По целому ряду причин.

— Перечисли!

— Во-первых, ты женат!

— Это после звонка Семеныча уже не является препоной.

— То есть?

— Выяснилось, что Арина наняла частных детективов следить за мной и факт прелюбодеяния был зафиксирован.

— Ни фиги себе! — я чуть не присвистнула.

— Кроме того, воспользовавшись переполохом, который подняла служба безопасности, она требовала, чтобы я немедленно уехал из Москвы. Как тебе это нравится? — веселости как не бывало, его буквально душило негодование.

— Твоя жена тебя любит или по крайней мере не хочет терять, все вполне объяснимо.

— А ты? Ты любишь меня?

— Я слишком мало тебя знаю, Матвей. И потом, у меня сейчас очень сложный момент в жизни...

— А почему ты мне ничего не рассказываешь? — Тебе разве до моих проблем есть дело?

— Ты меня упрекаешь?

— Боже упаси, я просто объясняю...

— Дело в Миклашевиче? Ты выходишь за него замуж? Тогда зачем ты спуталась со мной?

— Спуталась? Потому что мне померещилось...

Матвей, а ты знаешь, твоя жена очень умной оказалась. Ведь мы сейчас поссоримся... К тому же не надо принимать столь скороспелые решения. Ты сегодня утром до приезда сюда думал о браке со мной?

— Честно? Нет. Я просто жаждал тебя увидеть. Но я же еще не знал... Хотя вчера я вдруг что-то подобное заподозрил и рассказал о своих подозрениях Семенычу. Он мой товарищ еще по лётке... Ну, а еще какие причины?

— Тебе мало?

— Значит, у меня нет никакой надежды?

Я хотела сказать, что нет, и вдруг дрогнула... А может, это именно то, что мне нужно? Я еще не люблю его, но, возможно, смогу полюбить... А Арина сама подписала себе смертный приговор, после этой истории он вряд ли с нею останется.

— Ты задумалась, Олеська!

— Задумалась, — пришлось признаться мне.

— Тогда я сразу подаю на развод! Конечно, я оставлю Арине и дом, и квартиру, а мы с тобой... Дом в Литве ты устроишь так, как хотела... Я человек неприхотливый, и характер у меня не самый скверный, подумай, Олеська, я не буду тебя торопить...

Опять зазвонил телефон, на сей раз мой и я вдруг испугалась, я почувствовала, что услышу что-то дурное.

— Олеся, это Маруся Сивкова, Олесечка, к Надежде Львовне вызвали скорую, ей плохо, приезжай!

— Еду! Маруся, скажи, чтобы врачи меня дождались, я буду скоро, умоляю тебя!

— Да они еще и не приехали! Я побуду с Надеждой Львовной.

— Что случилось?

— Маме скорую вызвали! Матвей, прости, я поеду!

— Поехать с тобой?

— Нет!

Я вскочила и выбежала на улицу. И как назло на Садовом я попала в жуткую пробку. Надо сказать, что несмотря на постоянные жалобы, мама отличалась завидным здоровьем, и я никогда не вызывала скорую. Привычки к этому у меня не было. Отец умер от инфаркта совсем рано, когда мне было только десять, с тех пор скорой у нас не бывало. Я набрала номер матери.

— Маруся? Я попала в пробку! Приехали врачи?

— Приехали, но уже поздно, Олесенька, — всхлипнула Маруся.

— Как?

— Надежда Львовна... умерла.

Я застыла. Какой бы ни была моя мать, она моя мать... Я вдруг почувствовала себя бесконечно одинокой.

Вечером я позвонила сыну. И сказала, что он должен приехать на бабушкины похороны. Владимир Александрович поддержал меня и вызвался приехать вместе с Гошкой. Я была ему бесконечно признательна. Ко мне приехала Лерка. Гриша взялся помочь с организацией похорон. Лерка трогательно опекала меня, кормила, заваривала кофе, отвлекала разговорами, сочувствовала.

— Знаешь, это такая счастливая смерть, — сказала вдруг она, — твоя мама совсем не мучилась, это же счастье так умереть. Ты вспомни, что было с моей мамой, четыре года в параличе... А Надежда Львовна умерла в одночасье... Хотела бы я сама так умереть. И знаешь еще что... Ты ни разу, ни на секундочку не пожелала ей смерти. Не брала на душу этого греха...

— Это правда. Но главное, она не мучилась, но я... Я не успела... сидела в треклятой пробке...

— Что ж поделаешь, Олеська, и очень правильно, что ты вызвала Гошку. А как с Юлей? Ты не хочешь сообщить ей?

Я вдруг сообразила, что совсем забыла о сестре.

— А нужно?

— Ну, она же и ее мать, какая бы ни была...

— Знаешь, я не могу ей звонить. И я даже не знаю, дозвонюсь ли...

— Ты обязана попытаться, Олеська. Хочешь, я сама с ней поговорю? Я с ней даже не знакома, мне нетрудно.

— Надо попробовать. Где у меня ее визитка? Но сколько я ни рылась в сумках и ящиках, визитка мне не попалась.

— Погляди в мобильнике! — посоветовала Лера.

— Бесполезно, у меня же новый, старый утонул... О, я позвоню ее хахалю, его телефон у меня есть. Только, наверное, уже поздно.

— Глупости, по такому поводу можно и разбудить чувака.

— Ты права, чем раньше Юлька узнает, тем легче ей будет приехать.

— А она приедет, ты думаешь?

— Я хочу на это надеяться.

Я набрала номер, запечатленный в памяти мобильника.

— Андрей?

— Олеся? Вы? Страшно рад вас слышать! Вы надумали?

— Андрей, простите, что поздно, но... мне нужен телефон Юли. Сегодня умерла мама.

— Да-да, разумеется, записывайте, Олеся, вам нужна помощь?

— Нет, спасибо, только телефон.

Он продиктовал мне целых три номера, по одному из которых ее наверняка можно найти.

— Спасибо, Андрей.

— Олеся, я только хочу вас предупредить...

— Я не скажу ей, что телефон мне дали вы...

— Боже, я вовсе не о том... Говорите, сколько хотите. Я хотел предупредить вас, чтобы вы были готовы к тому, что Юля может отказаться приехать.

— Знаете, это уже ее личное дело, но сообщить ей нужно.

— Хотите, возьму это на себя, вам и так сейчас тяжело.

Меня тронул его порыв.

— Спасибо вам, но я должна сама... И будь что будет.

— Олеся, вы можете на меня рассчитывать, если понадобится какая-то

помощь. Знаете, когда умирает старый человек, случается, что некому вынести гроб, не хватает мужчин... Я готов, если нужно...

— Спасибо, но, кажется, этой проблемы не будет...

— Ну и в дальнейшем тоже...

— Что?

— Можете на меня рассчитывать.

— Что это у тебя такой обалделый вид? — спросила Лерка.

— Знаешь, он предлагал мне любую помощь, даже предложил прийти на похороны, чтобы нести гроб...

— Ничего себе! Это он один раз мельком увидал тебя в ресторане?

— Нет, я вчера с ним встречалась.

— Зачем это?

Мне не хотелось рассказывать всю историю, и я просто ответила:

— Он хочет экранизировать «Новости-хреновости»

— А он кто?

— Как я поняла, продюсер.

— Самая любимая твоя профессия! Это же правда жуть! Так ты ему нужна, что он готов тащить гроб совершенно чужой женщины?

— Знаешь, во-первых, он много лет был любовником ее дочери, так что...

— А теперь подбивает клинья под другую.

— Брось, Лерка, зачем так плохо думать о людях?

— Ладно, давай, звони сестрице.

Я набрала первый из номеров.

— Если кто другой подойдет, проси не Юлию, а Джулию, — подсказала Лерка.

Но по этому номеру никто вообще не ответил. Я набрала второй. И сразу же услышала Юлькин голос.

— Юля, это Олеся! Она выдержала паузу.

— Олеся? Как ты узнала этот номер?

— Юля, сегодня утром умерла мама. Она молчала.

— Похороны в пятницу. Ты приедешь?

— Извини, нет. И не беспокойся, я ни на что не собираюсь претендовать.

— Претендовать? — не врубилась я.

— Ни на какое имущество. Мне от этой женщины ничего не нужно.

— Юля, она же твоя мать. Ты же потом не простишь себе.

— Но она же себе все простила.

— Ее мучила совесть.

— Извини, это бесполезный разговор.

Я бросила трубку. Мне хотелось крикнуть ей, что мать может, потому и умерла, что Юлька ушла от нее на Спиридоновке, но это и впрямь было бесполезно. Так я окончательно потеряла сестру.

— Не приедет? Понятно, — грустно проговорила Лерка. — А знаешь, это даже хорошо.

* * *

Утром я поехала встречать Гошку. Он был пришиблен.

— Мам, а бабушка... отчего умерла?

— От острой сердечной недостаточности.

— А отчего у нее эта недостаточность случилась?

Я вдруг поняла, что его мучает.

— Нет, Гошка, это не из-за тебя... Бабушка была старая, и потом ее всю жизнь терзали страхи, а под конец еще и совесть. Вот сердце и не выдержало.

— Мам, а тетя Юля приедет?

— Нет, не приедет. Она не может.

— Не хочет, да?

— Ну, в общем...

— Мам, тогда мы к ней не поедем, ладно?

— Конечно, Гошка, с чего мы вдруг поедем к какой-то чужой тетке.

Как я рада, что вы с дедом приехали, мне будет не так одиноко.

— А дядя Митя?

— Дядя Митя ничего не знает.

— Опять поссорились? — огорчился Гошка.

— Да, и расстались. Я не могу выносить его характер.

— Жалко. Он вообще-то клевый... И потом, мне было бы спокойнее за тебя...

У меня полились слезы.

— Ничего, сын, я не пропаду и без дяди Мити. Мне спокойнее без него. Все будет хорошо, сыночка.

— Мам, если хочешь, я вернусь.

— Нет, поживи лучше с дедом, тебе это полезнее.

— А ты переедешь в бабушкину квартиру?

— Нет. Бабушкина квартира останется тебе. Вырастешь, женишься, будет у тебя свое жилье. А мне лучше здесь. Здесь же никто не умирал, с

этой квартирой не связано еще ничего плохого... Мне хорошо тут работается. А как поживает Марика и жирафик?

* * *

Через два дня после похорон я проводила Гошку с дедом. И только отъехав от аэропорта, сообразила, что за эти дни Аполлоныч ни разу мне не позвонил, что было по меньшей мере странно. Мог бы хоть спросить, что с мамой, не нужна ли мне помощь. А ведь он, наверняка, все знает от Гриши.

Даже о том, что кроме трех соседей и моих друзей, на похоронах никого не было. Хотя мама была не так стара, чтобы никого из ее знакомых не осталось в живых. Просто она была тяжелым и не слишком добрым человеком... сделавшим, вероятно, немало дурного не только старшей дочери. Но и ее жизнь была кошмарной. И какой же все-таки умный Миклашевич. Мать была лишена чувства юмора и от этого были ее беды... и беды Юльки тоже... А я была слишком близко к ним, чтобы это понять. Я вообще с трудом переношу таких людей. Мне вспомнилось одно ток-шоу, в котором я участвовала. Там была молодая, красивая девушка, то ли психолог, то ли телеведущая, а скорее всего то и другое в одном флаконе. Боже, стоило ей открыть рот, как у меня создалось впечатление, что она так тоща оттого, что у нее завелись глисты, причем не в животе, а в голове. Она блистала познаниями в области чуть ли не всех наук, но была напрочь лишена чувства юмора и уж тем более самоиронии, и я чуть не сдохла от тоски и раздражения. Я видела, как страдал весьма эрудированный ведущий, чье воспитание не позволяло ему перебить даму, и он невероятно напрягся, выжидая момент, когда можно будет вклиниться и передать микрофон другому участнику. Тяжелое воспоминание!

Ну и что мне делать теперь? Работать в таком настроении я не смогу. Видеться с кем бы то ни было неохота, но и просто предаваться скорби тоже не вмоготу. Надо как-то себя развлечь, чтобы вернуться к работе, которая все-таки лучшее лекарство, но, чтобы его принимать, надо пройти курс реабилитации. И я решила проехаться по магазинам, купить какую-нибудь обновку, потом посидеть в кафе, почувствовать себя человеком. Своей героине я бы такого не позволила, но обо мне-то никто не узнает. Сегодня вечером день рождения Гришки, но я уже сказала, что не пойду. Сидеть в компании было бы невыносимо, а одной прошвырнуться по магазинам самое оно! И тут меня осенило! Я уеду куда-нибудь к морю, одна, недели на две, возьму с собой ноутбук, и буду работать! Я решила

первым делом найти путевку, а уж потом, исходя из того, куда я соберусь, купить себе шмотку! Девять дней, сорок дней, мама ничего этого не признавала, так зачем я буду соблюдать это? Я сразу позвонила в агентство и попросила подыскать мне что-нибудь. Мне не нужно ничего особенного, просто море и солнце.

Выслушав мою просьбу, знакомая женщина-менеджер деловито осведомилась:

— У вас есть шенгенская виза?

— Есть.

— Завтра утром вы готовы лететь?

— А куда?

— На Тенерифе!

— Боже, неужто это возможно?

— Да! Только что одна женщина отказалась. Приезжайте скорее с деньгами!

— Еду!

В агентстве, которое располагалось в глубине двора на Новобасманной, меня встретили вопросом: «Когда будет новая книга?» Это было приятно. И рассказали, что отель четыре звезды, расположен в ста метрах от прекрасного пляжа, полупансион и, поскольку путевка практически горящая, мне полагается еще и неплохая скидка. Вылет завтра в одиннадцать утра из Домодедова. Господи, неужели завтра я окунусь в Атлантический океан?

— Знаете, Олеся, — сказала мне Наташа, менеджер, — вы там обязательно съездите в парк мартышек. Получите невероятное удовольствие.

— И еще шоу дельфинов и котиков! — восторженно шепнула Таня.

— И непременно съездите в Лос-Христианос, там есть магазин, где продают итальянские шмотки ручной работы! — посоветовала Вика.

— Здорово! Возьму машину, и буду ездить куда заблагорассудится, — возликовала я.

Выйдя на улицу, я решила, что мне нужен новый купальник, новые очки и хорошо бы найти голубенькие бриджи. Я решила никого не предупреждать, только Лерку. Кому, в конце концов, есть до меня дело? Купив все необходимое и кое-что сверх того, я помчалась на Ломоносовский, в мамину квартиру»

проверить краны, отключить холодильник и все в таком роде, потом заглянула к Марусе. Она оказалась дома.

— Олесенька, заходи. — Вид у нее был истерзанный. И тут же в

коридор буквально вывалился в дымину пьяный мужик в семейных трусах, посмотрел на меня бараньими глазами. Рыгнул и заплетающимся языком произнес:

— Ходют тут всякие проשמандовки!

— Заткнись! — рявкнула на него Маруся.

— Извиняюсь, дамочка, а вот Маруся матом ругается!

— И правильно делает! Маруся, пошли ко мне на пять минут, больше не задержу.

— Впечатляет? — горько спросила Маруся.

— Маруся, у меня к тебе предложение. Живи пока в маминой квартире. И тебе легче будет, и все-таки твоя комната без присмотра не останется... Да и мне спокойнее.

— Олеся! Это было бы... Но я не смогу много платить, а если ты сдашь квартиру...

— Не надо ничего платить, просто живи и все. А сдавать ее я пока не хочу. Ты все-таки свой человек...

— Олеся, ты меня просто спасаешь!

— Отлично, и вот что, давай-ка сходим к участковому, чтобы у тебя тут недоразумений не возникло.

— Нет, сперва давай позвоним, а то его запросто может не быть на месте. Он, кстати, неплохой мужик...

Мы позвонили, застали участкового и побежали к нему. Маша представила меня, как знаменитую писательницу, в машине у меня всегда лежат несколько книжек на всякий подобный случай. Я надписала книжку для его жены и вопрос был улажен.

— Но все ж-таки лучше было бы оформить через контору, — заметил участковый, — спокойнее будет.

— Игорь Иванович, зачем еще налог платить в контору? — заметила разумная Маша. — Я же просто по-соседски присматриваю за квартирой, и потом полгода Олеся даже, наверное, не имеет права официально сдавать квартиру.

— Ваша правда, ладно, живите спокойно.

Когда мы вышли от него, Маша сказала:

— Олесь, имей в виду, коммунальные платежи на мне и не возражай!

— Хорошо, раз ты настаиваешь.

Мы расцеловались, у нее на глазах были слезы. Я помчалась домой собираться. Застряв в очередной пробке, позвонила Лерке.

— Лер, привет!

— Олеська, ты передумала? Приезжай!

— Нет, Лер, я просто хочу предупредить, что завтра утром улетаю на Канары.

— С кем?

— Одна. Хочу смыть в океане все плохое, что ко мне прилипло за последнее время и начать новую жизнь.

— Олеська, какая ты молодчина! А ты там с тоски не загнешься?

— Нет, я там буду работать, возьму напрокат машину... Лер, только прошу, не говори Аполлонычу, куда я смыливаю.

— А я вообще не знаю, куда ты уехала. Ты меня не предупреждала, уехала и все. Знаешь что, найди там себе кого-нибудь!

— Да пошли они все!

— А если Миклашевич будет искать?

— Пусть ищет, но не найдет!

— Поняла! Лер, передай Гришке, что я его поздравляю, целую и безмерно благодарю за помощь, он у тебя настоящий мужик.

И утром я улетила на сказочный остров в Атлантике.

Вероятно, это был самый умный поступок в моей жизни. Потому что когда я утром вышла на балкон, увидела океан, пальмы внизу, я почувствовала, что жизнь и впрямь еще только начинается. Я ощутила зверский голод и побежала вниз. У портье спросила, можно ли позавтракать на свежем воздухе.

— Разумеется, мадам, — улыбнулся он и показал, куда идти. В садике под большими деревьями стояли столы, и народу было еще немного. У меня от голода кружилась голова, и я набрала еды — сыр, яйцо, блинчики с вареньем, йогурт, фрукты. Господи, неужели я все это сожру? — испуганно подумала я. И ведь сожрала! Однако после такого завтрака нельзя сразу лезть в воду. Я решила сперва пройтись, разведать, где тут что. Вышла на узкую набережную и пошла наугад направо. Вдоль набережной тянулся ряд магазинчиков и ресторанов, а через пять минут я дошла и до пляжа. Океан был спокоен, народу на пляже немного и мне нестерпимо захотелось в воду. Я ринулась в отель, переоделась, взяла напрокат большое бирюзового цвета полотенце и медленно побрела к пляжу. По дороге купила шлепанцы, тоненькую циновку для пляжа и матерчатую шляпу с такой же пляжной сумкой. Словом, экипировалась. Экипировка была совсем недорогая. Так сказать, одноразовая. Песок на пляже оказался темно-серый, как говорил вчера в автобусе гид, вулканический. Но мягкий и нежный. Господи, какое счастье окунуться в теплую, но все же освежающую воду, поплыть, перевернуться на спину и не думать ни о чем, и ни о ком. Никто, кроме Лерки не знает, что я здесь. И ни один из зайцев не погонится за мной... Я

чувствовала себя почти счастливой. Побыв на пляже два часа, я пошла в отель, взяла напрокат машину, набрала проспектов и путеводителей, и решила для начала поехать по ближайшим окрестностям. Машина оказалась совсем новенькая, с открытым верхом и я испытывала немыслимое удовольствие от езды. Воздух чистый, морской. Я безумно, до идиотизма нравилась сама себе — самостоятельная сорокалетняя женщина прилетела отдыхать на Канары... Просто прелесть что такое! И я абсолютно ничем не отличалась от пестрой разноязыкой толпы отдыхающих со всего мира. Да и большинство русских, которых тут было множество, давно перестали выделяться из толпы своим убожеством и зажатостью. Слава богу! Бедная мама, она ведь ни за что не желала ездить за границу, а сколько раз я ей предлагала... нет, у советских собственная гордость. Вскоре я опять захотела есть. С чего бы после такого завтрака? Но, с другой стороны, уже третий час, пора обедать. Я приглядела симпатичный ресторанчик на берегу, заказала рыбу, кофе и вкуснейший десерт из фруктов со взбитыми сливками. Не буду ни в чем себе здесь отказывать! Пусть даже я наберу несколько килограммов, не страшно! После обеда я поставила машину на стоянку и пошла пройтись. Набрела вдруг на прелестную площадь, выложенную мрамором, а рядом обнаружилась удивительной красоты улица, один ее конец упирался в гору, а другой выходил к океану, тут тоже сплошь были магазины и рестораны, но уже рангом повыше. Мне все ужасно нравилось. Вокруг пальм, росших вдоль улицы, была уложена пестрая керамическая плитка, отчего все выглядело еще наряднее. Ощущение праздника только нарастало. Я вдруг поймала себя на том, что даже не смотрю на мужчин, как будто не вижу их. Здорово же они меня достали! Надо будет зимой привезти сюда Гошку. Говорят, тут сезон круглый год... Ах, как мне было хорошо! Все свои волнения, разочарования, горести я оставила в Москве.

Так потянулись мои дни на Тенерифе. К концу третьего я купила в гостиничном магазинчике пакет испанского сухого вина, села со стаканом на балконе любоваться закатом и у меня сами собой родились «поэтические» строчки: «Я пью вино от счастья балдея, без Миклашевича и без Матвея!» И тут впервые зазвонил мобильник:

- Мама, ты куда пропала? Я никак не мог тебе дозвониться.
- Гошка, что-то случилось?
- Нет, все в порядке, просто ты пропала, мы уже стали волноваться.
- Гошка, ты никогда не угадаешь, где я. Мне предложили горящую путевку, и я поняла, что должна уехать из Москвы.
- А к нам ты не могла приехать?

— Я хотела к морю.

— Так где ты?

— Я там, куда привезу тебя в феврале!

— Мам!

— На Тенерифе, Гошенька! Тут просто рай!

— Я совсем не хочу на Тенерифе, Клаус рассказывал, что там тоска, так что живи спокойно, мам, и пусть тебя совесть не мучает. Я рад, что ты отдыхаешь! Ты уже загорела?

— Немножко. Я тут только сплю, купаюсь и ем.

— Молодец, маманя! Ладно, я тебя целую и буду звонить.

Какой же у меня золотой сын...

Ночью я вдруг проснулась от сосущего чувства голода, хотя за ужином съела черт знает сколько. В номере у меня был виноград и я накинулась на него. Что это такое? Со мной бывало что-то подобное только во время беременности. Черт, а вдруг я беременна? Я похолодела. Беременна неизвестно от кого. Да, Олеся, ты дала жару! И что же мне с этим делать? Рожать или не стоит? Нет, конечно, стоит! Я припомнила, когда у меня в последний раз были месячные. Вышло, что достаточно давно, но с другой стороны было столько всяких стрессов, что задержка вполне объяснима. Сна как не бывало. И я решила, что утром куплю тесты, чтобы зря не терзаться этими мыслями. Кстати, и перемена климата тоже могла подействовать... Через час я пришла к убеждению, что это все чепуха, нет никакого ребенка. Откуда ему взяться? У меня стоит спираль и никогда она меня не подводила. Да-да, стрессы и перемена климата, а жру я столько потому, что стресс отпускает, да еще я здесь много плаваю и хожу пешком, даже приезжая в другой городок ставлю машину и часами хожу пешком. Все вполне объяснимо.

Однако утром я помчалась в аптеку. И тест подтвердил мои опасения. Я беременна! Ну что ж, это последний шанс в жизни родить еще ребенка и этот шанс нельзя упустить. Я возликовала. Я теперь могу себе позволить родить. Через полгода, вступив в права наследства, я продам мамину квартиру и спокойно куплю другую, такую же. Но я же хотела оставить ее Гошке... Но сейчас Гошке эта квартира ни к чему, а я куплю другую, чтобы ничего не напоминало, буду жить там с ребенком и няней, а потом... А потом будет видно. У Гошки есть дом, прекрасный дом в Мюнхене, а если он потом захочет жить в Москве, пусть живет в моей однокомнатной, а если женится, я что-нибудь придумаю. А кого я хочу, мальчика или девочку? Девочку, только девочку! Интересно все-таки, кто отец? Мне ни один из них не нужен, я никому из них ничего не скажу, я рожу ребеночка

себе, моя девочка вырастет и тогда я пойму, чья она дочка. А кого я хотела бы в отцы своей дочке? Характер лучше у Аполлоныча, зато Миклашевич красивее, а для девочки это очень важно, Амалия Адамовна в молодости вообще была настоящей красавицей... Я вдруг поймала себя на том, что стала ездить осторожнее. Вино отдала горничной и в магазинах заглядывала в детский отдел. Конечно, покупать ничего нельзя, но поглядеть на современные детские вещицы хотелось нестерпимо. Вот такое, например, розовое платьице для годовалой девчушки было бы просто восхитительно... А как я ее назову? Наверное, Любой, Любовью... Хотя это глупо, учитывая, что я не знаю, кто отец... Тогда Лизкой. Елизавета Миклашевская, роскошно звучит! Да, а какое у нее будет отчество? В принципе я могу придумать любое... Через пять лет Гошка станет уже студентом, а у меня подрастет Лиза. Конечно, я буду староватая мама, но ничего! Зато когда она вырастет, я буду ей настоящей подружкой. Смущало лишь одно — я великолепно себя чувствовала, в отличие от первой беременности, когда меня терзал токсикоз, и я была похожа на всех чертей. Зато сейчас, сколько я к себе ни прислушивалась, ни тошноты, ни головокружения, ничего. И из зеркала на меня смотрела свежая загорелая женщина, пусть не первой молодости, но зато с горящими счастливыми глазами. На шестой день мне захотелось работать. Я решила, что моя Марина тоже должна забеременеть и немножко посомневаться, кто же отец ребенка, ведь с бисексуалом она все-таки тоже спала... Ее потерзают сомнения, а потом окажется, что бисексуал просто не может иметь детей и все разрешится просто и счастливо! Читатели будут довольны. И я тоже, терпеть не могу плохие концы... И работа пошла, более того, за оставшуюся неделю я закончила роман! Какое счастье! По приезде в Москву сразу возьмусь за новый. Надо до родов написать еще две книги, потом у меня возникнет естественная пауза и к тому же на все это нужны деньги. На мою Лизу... Интересно, как отреагирует Гошка? Обрадуется или начнет ревновать? Да нет, он не ревнивый, к тому же рядом с ним мудрый воспитатель Владимир Александрович. И вообще, Гошка же сам выбрал деда, моя совесть может быть чиста... Но надо заблаговременно найти няню. И успеть ее проверить, я столько страшных историй про жестоких няnek видела по телевизору.

Я немного опасалась обратной дороги, но все обошлось прекрасно. Я никому не стала пока звонить, а на второй день отправилась к гинекологу.

— Поздравляю, вы и вправду беременны! — улыбнулась пожилая докторша.

— Скажите, а какой срок?

- Девять недель.
Девять недель? Никакой ясности, кто отец.
— Надеюсь, будете рожать?
— Господи, конечно. Я в прошлый раз чувствовала себя ужасно, а сейчас просто летаю!
— Скорее всего, девочка будет.
— Я и хочу девочку, я даже уверена, что девочка...

* * *

Выйдя от врача, я позвонила в издательство с радостным известием, что дня через три сдам книгу.

Дома я распечатала роман и взялась вычитывать. Он мне понравился. В процессе работы я частенько пугаюсь, что пишу какую-то хрень, что получается скучно, меня берет страх, но когда читаю уже чистую рукопись, правлю совсем мало.

- А название какое? — поинтересовалась Лена, мой редактор.
— «Два зайца, три сосны».
— Здорово! — обрадовалась Лена. — Вас тут разыскивали из пиар-отдела, насчет книжной ярмарки... Я передам, что вы в Москве.
И лишь сдав книгу, я позвонила Лерке.
— Олеська, приехала! Ну как ты?
— Лер, что это у тебя голос грустный?
— Гришка уехал, мне грустно.
— Куда?
— Они с Розой вчера улетели в Индию. Олеська, приезжай ко мне!
— Лерка, я жутко голодная, и я приглашаю тебя в ресторан. Есть, что отметить!
— Что?

Я так и видела, как загорелись любопытством прекрасные Леркины глазищи.

- Я сдала книгу...
— Ааа, — разочарованно протянула она.
— Есть еще кое-что, но это при встрече.
— Мне между прочим тоже есть, что тебе рассказать, довольно пикантное...
— А у меня для тебя подарки с Тенерифе.
— Понравилось тебе там?

— Не то слово!

— Ладно, я собираюсь и через час встречаемся!

— Давай, может, в «Шинок»?

— Олесь, в «Шинке» так вкусно, там не до диет...

— И прекрасно! К черту диеты, один раз оскоромишься, потом примешь слабительное на худой конец.

— Ладно, борща с пампушками охота! Ой, у меня уже слюнки потекли. Ты за мной заедешь или я за тобой?

— Я заеду, я не дома.

При виде меня Лерка всплеснула руками.

— Олеська, выглядишь потрясающе! Только ты поправилась. Но тебе даже идет...

Мы расцеловались. Я страшно рада была ее видеть, Лерка для меня сейчас самый близкий человек.

— Выпьем горилочки, а? — предложила она.

— Нет, я за рулем, не могу.

— Ну одну-то рюмочку можно, ты всегда одну позволяешь себе.

— А теперь уже не позволяю.

— С чего бы это? Может, ты беременна? — предположила она в полной уверенности, что я только рассмеюсь.

— Может, и беременна.

— Да ну тебя... Ой, Олеська, ты что? Это правда? Ты беременная?

— Да! — с восторгом призналась я.

— Ты не шутишь?

— Даже не собираюсь!

— А от кого? — испуганно спросила она.

— Вот на этот вопрос я ответить не могу.

— Seriously?

— Более чем!

— И что же делать?

— Рожать, что же еще!

— Олеська, безотцовщину?

— Я сама буду и мамой, и папой...

— Но кто же все-таки... тебя...

— Обрюхатил, ты хочешь спросить? — засмеялась я.

— Именно. И сколько же претендентов?

— Всего лишь двое, ты переоцениваешь степень моего блядства. Называю кандидатов...

— Первый, конечно, Миклашевич!

— А второй — Роза!
— Ерунда, значит, отец Миклашевич!
— Почему?
— Роза вообще не может иметь детей! Почему по-твоему у них с Ариной нет ребенка?
Совеем как бисексуал в моем романе!
— А ты почему знаешь?
— Ох, Олеська, тут у нас такое было... А тебе что, жалко, что отец не Роза?
— Нет, мне, если честно, как-то все равно, я просто счастлива, что беременна.
— А ты мне будешь давать с ним нянчиться? — с глубокой грустью спросила Лерка.
— Конечно, только не с ним, а с ней, ее зовут Лиза.
— Ты уже УЗИ делала?
— Нет, я просто чувствую... Так откуда ты узнала, что Роза бесплодный?
— Ты же помнишь, у Гришки был день рождения, ну он и приперся к нам со своей куропаткой. Видела бы ты ее, выставка брюликов.
— Интересно... При нашей последней встрече он мне предложение сделал, хотел с ней разводиться...
— Да ты что?
— Он выяснил, что она за ним слежку установила, пришел в бешенство и предложил руку и сердце...
— А ты?
— Отказалась, но обещала подумать...
— Даже и не думай! А тем более теперь.
— Лер, а ведь ты требовала, чтобы я его увела...
— Знаешь, похоже, у него и впрямь на задку курочка вытатуирована. К нам они образцовой парой явились, правда, куропатка здорово поддала и решила со мной дружить. Дело было у меня в доме и я не могла ее послать... Вот она в пьяном виде и проболталась, что Роза не может иметь детей.
— Она могла и соврать, может, она сама бесплодна...
А ты бы хотела, чтобы он был отцом, да? Слава богу, что ты с этим к нему не сунулась, а то был бы конфуз...
— Лер, я ни к кому с этим соваться не собираюсь. Ты мне лучше помоги подыскать хорошую няньку.
— Какой у тебя срок?

— Десять недель уже!

— Счастливая... А няньку я подыщу... Слушай, кажется я знаю, что надо делать! Мне вчера моя парикмахерша сказала, что ее старшая сестра выходит на пенсию, и хочет найти работу... Может, ты прямо сейчас ее возьмешь? Она будет за тобой ухаживать, готовить хорошую еду, вы привыкнете друг к другу, и ты сто раз успеешь понять, годится она тебе или нет. Я ее знаю, очень хорошая тетка, добродушная, своих троих вырастила, только они все разлетелись по разным городам и странам.

Мысль показалась мне заслуживающей внимания.

— Олесь, а с Миклашевичем все же надо поговорить.

— Зачем? Не хочу.

— Ну и зря, сама же говорила, он мечтал о ребеночке.

— Я точно знаю, что в такой ситуации он потребует генетическую экспертизу, а мне противно. Или начнет орать... да ну его...

— Олеська, ну попробуй, говорят мужиков в таком возрасте маленький ребенок может здорово пробить...

— Лерка, ты же сама орала — не смей сходитья с Миклашевичем! А теперь...

— Но у Елизаветы должно быть отчество!

— Тоже мне проблема.

— А в общем ты, наверное, права... Ну их всех к бесу. Обойдемся. А ты, я смотрю, цветешь, с Гошкой просто помирала, а теперь...

* * *

Прошло три месяца. Я закончила еще один роман, во многом благодаря чудесной женщине, Тамаре Игнатьевне. Она приходила пока через день, и я могла совсем не заниматься домом. Мы нежно привязались друг к другу и вместе ждали появления Лизы. У меня уже был довольно большой живот, УЗИ подтвердило мои ожидания. И вдруг ночью мне приснился жуткий сон, что я родила крысу, страшную серую крысу. Я проснулась в холодном поту. Что этот сон означает? Что я рожу больного или мертвого ребенка? Я едва дождалась прихода Томочки.

Она внимательно выслушала меня.

— Ничего, я когда второго ребенка носила, меня тоже такие страхи мучили, но ничего, родился хороший мальчишечка, красивенький, здоровенький, мастер спорта... А ты небось на ночь что-то лишнее съела, может, от этого...

Но воображение подкидывало всякие ужасы, я потеряла покой.

Врач осмотрела меня, пожалала плечами.

— Я никаких отклонений не вижу, здоровый ребенок, все идет хорошо. Не беспокойтесь, родите как миленькая. Отцу сколько лет?

— Пятьдесят.

— У немолодых родителей часто рождаются талантливые дети. И гоните от себя страхи, это бывает, только не закливайтесь на этом. Можно навредить ребенку. Гуляйте побольше, а в идеале вам неплохо бы пожить на свежем воздухе, есть такая возможность?

— Ну, в принципе можно изыскать...

— Вот-вот, изыщите.

Я рассказала об этом разговоре Тамаре. Она сразу заявила:

— Хорошо, я и сама уж об этом думала... У моих знакомых есть зимний домик в Загорянке. Я с тобой поеду, работать можешь и там. Я с ними созвонюсь, они с радостью сдадут, и, между прочим, что я подумала... Надо бы тебе поменьше за компьютером сидеть. У тебя, я знаю, машинка электрическая есть, вот и пересела бы... Для девочки полезнее.

Господи, от этой чужой женщины я вижу заботы и тепла куда больше, чем в свое время от родной матери. Частенько меня навещала Лерка. А в издательстве между тем разворачивалась пиар-кампания по продвижению моей новой книжки. Конечно, я своей беременностью несколько сузила ее возможности, но кое в каких акциях участвовать приходилось. В частности я должна была поехать на три дня в Питер, чтобы встретиться с читателями в двух магазинах и выступить по местному телевидению. Тамара хотела поехать со мной, но я уверила ее, что меня там не бросят, а в последний момент Лерка заявила, что едет со мной, как она выразилась: «Хочу погреться в лучах твоей славы!»

В Питере было много суеты, но в целом поездка получилась приятной.

И вот, наконец, мы едем домой!

— Да, Олеська, все-таки ты молодчина! Я тобой горжусь!

— Да ладно тебе...

— Ты думаешь я говорю про твои писательские успехи? Это, конечно, здорово, и я погрелась в лучах, но я имею в виду Лизу Миклашевич...

— Миклашевскую!

— Но по сути-то она Миклашевич!

— Мало ли что...

— Олесь, ты совсем по нему не скучаешь?

— Не-а!

— И тебе его не жаль?

— Чего мне его жалеть? Сам виноват. Вызверился на меня из-за дизайна своего дурацкого дома... И, между прочим, с тех пор не появлялся. Мог бы хоть прощения попросить, скотина.

— А ты бы сделала первый шаг, мужики же такой народ...

Почему-то мне было больно и я решила перевести разговор:

— Лер, а что там наш Аполлоныч?

— Интересуешься?

— Любопытствую.

— А что Аполлоныч? Живет со своей куропаткой. Она, между прочим, мылится ко мне в подруги.

— А он знает, что я...

— Естественно! Правда, как услышал, лицо у него каменное стало... Он, по-моему, тебя любит.

— Люблю Олесю я, но странную любовью... Вот Бог упас, а то я на Тенерифе, когда поняла, что беременна, решила, что скажу ему... Вот я бы имела вид...

— Да уж... А почему ж тогда Миклашевичу не говоришь?

— Понимаешь, Лерка, я боюсь, что он начнет орать, топтать ногами, обвинять меня во всех смертных грехах и сомневаться в своем отцовстве, а мне это сейчас вредно. Вот рожу спокойно, если все будет с ребеночком нормально, тогда может быть... Но не раньше.

— Да, у тебя и характер! Но все же отец нашей Лизке не помешал бы, даже и неродной, вроде Розы...

— Лер, ты опять за свое?

Потом мы уснули.

Меня встречала издательская машина, по дороге мы завезли Лерку.

— Может, мне с тобой поехать? Помочь чем-нибудь?

— Нет, там меня Тамара дожидается. Я так тебе за нее благодарна! Мы с ней уже сроднились, вместе Лизу ждем...

Когда мы подъехали к моему дому, я сразу увидела Тамару.

Она подбежала ко мне, мы расцеловались.

— Вот хорошо, вернулась, — бормотала она, выхватывая у меня сумку. — Я уж договорилась насчет Загорянки, съездила туда, там нормально, только вот... теперь я не знаю...

— Что вы не знаете? — испугалась я. Сейчас она скажет, что не сможет больше у меня работать и как я буду?

— Ну, захочешь ли ты теперь...

— Захочу, почему нет?

— Олесь, постой, — потянула она меня за рукав от лифта. — Поговорить надо.

— Вы меня бросаете?

— С ума сошла? Нет, просто там, в квартире...

— Что, трубу прорвало? Ограбили?

— Да замолчи ты, горе мое! Там муж твой явился...

— Какой муж? У меня нет мужа!

— Он сказал, что муж, Дмитрий Алексеевич... Олеся, ты зря его пугаешь, он у тебя золото просто...

Я похолодела, и тут же меня бросило в жар.

— Откуда он взялся?

— Вчера под вечер явился с огромной куклой. Та-кой мужик хороший, так мы с ним душевно поговорили... И он сказал, что не уйдет отсюда, пока с тобой не поговорит.

— Откуда он узнал про Лизу?

— Сказал, что увидел тебя на улице с пузом...

— Ничего, как пришел, так и уйдет!

— Олесь, не сходи с ума!

— Идем! — решительно воскликнула я и вошла в лифт.

— Олеся, не горячись!

Я только зубами скрипнула.

— Наглец! Уверен, что это его ребенок! Сейчас я его разочарую.

Я ворвалась в комнату и замерла. На ковре, положив голову на диван сидел и сладко спал Миклашевич. Я глянула на него сверху вниз и впервые заметила на затылке легкую проплешинку. И вдруг меня захлестнула такая волна любви, нежности, жалости, что даже голова закружилась. Тамара глянула на меня и на цыпочках ретировалась в кухню и даже закрыла за собой дверь. И тут он открыл глаза.

— Олеська, ты дура, набитая дура. Самая большая дура на всем свете. — Он ткнулся головой мне в живот, а я погладила его намечающуюся плешь. Никого роднее у меня не было. — Ты просто корова, безнадежная идиотка... — бормотал он, — мы же нужны друг другу, курица безмозглая...

Эти слова казались мне музыкой. И потом ясно же: суженого конем не объедешь. Кто, кроме Миклашевича годится в мужья Миклашевичей?

От автора: Ну и дура!